

Дата выхода: 29.05.2020 г.

Студенческий электронный журнал «СТРИЖ»

№ 4(33.1) 2020

Учредитель:
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство Эл № ФС77- 60273
от 19 декабря 2014 года

ISSN: 2587-7658

Редакционная коллегия:
Бородина Т.С. – главный редактор
Караваева А.С. – редактор
Спиридонова О.И. – дизайнер

strizh@vspu.ru
8 (8442) 60-28-88

СОДЕРЖАНИЕ

Всероссийский конкурс научно-исследовательских работ студентов «Наука онлайн!», номинация «Лучшая научная статья по предметной области "История России"»

БАГАЕВА З.Г. Музыкальная жизнь Сталинграда в 30-е годы XX в.	4
БАУБЕЛЬ А.Р. План ГОЭЛРО в советских плакатах 1920-х гг.	9
БАХМУТОВА С.Р. Воспитание и образование девочек в дворянских семьях в XVIII в. (по воспоминаниям и запискам)	15
БЕЖЕНЦЕВА А.Р. Развитие культурной сферы Сталинградской области в 1936-1941 гг. (на примере клубов и Домов культуры)	18
БИТЮШКОВА А.А. К проблеме происхождения звериного стиля сарматов Урало-Поволжского региона	21
БУДНИКОВ С.Н. Организация земских учреждений на Дону	25
ДУНЯМАЛИЕВА Д.Р. Общественные организации Царицына-Сталинграда-Волгограда: правовые основы и направления деятельности	31
КАЗЕЕВА М.А. Социокультурное развитие России в период царствования Александра II в фотодокументах	35
КОРОТКОВА Т.А. Вклад чехословацких эмигрантов в промышленное развитие г. Фролово Волгоградской области в первой половине XX в.	42
КОРОТКОВА Т.А. Всесоюзная помощь в восстановлении Сталинграда в 1943 г.: достижения и проблемы (по материалам газеты «Сталинградская правда»)	45
ЛАВРИК В.Б. Военно-исторические карты как исторический источник	48
ЛОЗИН Д.И. Вклад инженерно-технических работников в восстановление промышленности Сталинграда в 1943–1950 гг.	52
МОРГУНОВА Д.В. Самозванство как политический феномен истории России (историографический аспект)	56
МУСАЛОВ И.А. Пресса начала XX в. о деятельности II государственной думы	59
ОСИПОВ Н.А. Кубанская Украина – несостоявшееся украинское государство	64
РОГОЗИНА В.А. Отражение внешнеполитического курса России периода царствования Николая I в творчестве российских художников второй половины XIX – начала XX вв.	68

САМАРАЙ Е.П. Региональный опыт реализации политики, направленной на формирование «нового человека» в советском государстве в 1920-е годы (по материалам Царицынской/Сталинградской губернии)	74
СЕЛИВАНОВА В.Ю. Личность Софьи Алексеевны в источниках и отечественной историографии	78
СТАРКОВА И.Ю. Периодика как элемент литературного пространства советского человека в 1920-е гг.	83
ТИХОМИРОВА М.М. Церковь святых Петра и Павла на Синичьей горе как памятник древнерусского зодчества (к вопросу о современном состоянии и сохранении древнерусских объектов культурного наследия в Российской Федерации)	88
ТКАЧЕВ Н.С. Восприятие художественной интеллигенцией революционных событий 1917 г. в России: религиозно-философский аспект	92
ТРЕТЬЯК Д.В. Система социальной поддержки отставных нижних чинов и семей военнослужащих в начале XX в. (по материалам Саратовской губернии)	96
ФИСЕНКО П.И. М.Н. Романова: великая княжна и президент Императорской Академии художеств	100
ФОКИН А.Ю. Крестьянское протестное движение в Саратовской губернии в 50–60-е годы XIX в. (по источникам личного происхождения)	104
ЦЫБКО Н.С. Проблемы монашесствующего епископата и монастырской реформы: взгляд правого духовенства (по материалам «Саратовского духовного вестника»)	107

УДК 94(470.45)

З.Г. БАГАЕВА
(runiru3@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ СТАЛИНГРАДА В 30-Е ГОДЫ XX В.*

Рассматривается развитие музыкальной жизни города Сталинграда на протяжении 30-х годов XX в. На основе различных источников характеризуются основные музыкальные мероприятия, освещаются успехи, а также трудности и проблемы в создании музыкального дела в городе. Приводятся примеры ведущих музыкальных коллективов этого периода, внесших вклад в развитие культурно-досуговой сферы.

Ключевые слова: музыкальная жизнь, музыкальное дело, Сталинград, социалистическая модернизация, культурная жизнь.

В качестве одного из направлений культурной политики Советского государства в условиях социалистической модернизации, активно развернувшейся в 1930-е годы, выступила организация музыкального дела. Основная задача состояла в привлечении общественности к посещению концертов и ознакомлению с «правильным» творчеством, которые позволило бы предопределять музыкальные предпочтения граждан и устанавливать эстетические идеалы. Рядовые участники художественной самодеятельности клубных учреждений, выступая с собственными вокальными и исполнительскими номерами, «становились активными творцами “коммунистической культуры”» [17, с. 190].

Данное исследование посвящено вопросу организации музыкальной жизни в 1930-е годы на примере Сталинграда. В работе использованы материалы из Государственного архива Волгоградской области, раскрывающие вопросы работы Сталинградского краевого исполнительного комитета и подведомственного ему краевого управления по делам искусств. Привлекается значительный пласт периодической печати, а именно статьи ежедневной газеты «Сталинградская правда» органа Сталинградского Обкома, Горкома ВКП(б) и Облсполкома, которые помогают воссоздать музыкальную жизнь Сталинграда 1930-х годов по заметкам, посвященным культурным событиям города, и афишам, а также оценить ее состояние. Обзор литературы по проблеме показал, что вопрос музыкальной жизни Сталинграда в 30-е годы XX в. в определенной мере поднимался только в работах Г.Н. Андриановой «Художественный облик Царицына-Сталинграда-Волгограда» [4] и «Это было в нашей истории» [5]. Исследования раскрывают основные события музыкальной жизни Сталинграда и дают общее представление о периоде, но в работе нет ни одной ссылки на какие-либо источники. Так, малой изученностью темы и отсутствием привлечения и анализа исторических источников обоснована актуальность и значимость данного исследования.

Задачи работы состоят в том, чтобы: 1) проанализировать качество организации музыкальной среды в Сталинграде; 2) раскрыть основные события в музыкальной сфере, определить их значимость как культурных мероприятий; 3) дать характеристику музыкальной жизни Сталинграда.

В начале 30-х годов XX в. музыкальная культура города была представлена лишь нечастыми концертами, организованными учащимися музыкального техникума. Свое развитие она получила во второй половине 1930-х годов с переходом на новые идейно-эстетические позиции метода социалистического реализма.

Только в 1935 г. в Сталинграде появляется свой симфонический оркестр под руководством Курта Адлера – специалиста из Вены, который с успехом гастролировал по городам Советского Союза и с радостью принял предложение местного руководства создать и возглавить сталинградский оркестр. Он состоял из приглашенных музыкантов Москвы, Ленинграда и Саратова и насчитывал 48 человек [4, с. 122]. В ноябре 1935 г. состоялся первый концерт Сталинградского симфоническо-

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

го оркестра в одном из городских театров, на котором прозвучали «Симфония № 6» П.И. Чайковского и вступление к опере Р. Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры». Чтобы увеличить число концертов, даваемых в месяц, до восьми, из Москвы был приглашен второй дирижер – Г.Я. Юдин. Сезон выдался весьма удачным, в городе появляется собственная хоровая капелла из 40 певцов.

Все это натолкнуло местные власти на качественное изменение руководством музыкальной жизнью города. И в 1936 г. постановлением бюро крайкома ВКП(б) была учреждена областная филармония [12, с. 280]. Ей в ведение передали симфонический оркестр, который до этого находился в подчинении радиокомитету. Как и многие учреждения культуры, созданные в 1930-е годы, филармония не имела собственного здания, поэтому концерты проводились, как правило, на сцене Театра юного зрителя, а репетиции – в помещении бывшей немецкой кирхи. Курт Адлер практически сразу вернулся за границу, но надо отдать ему должное, ведь именно он смог создать коллектив музыкантов, получивший гордое название оркестра, который смог громко заявить о себе. При нем также появился музыкальный университет на 600 слушателей для желающих ближе ознакомиться с классическими произведениями и историей музыки [21, с. 4].

На место бывшего главного дирижера был назначен Бруно Берман, специалист из Ростова-на-Дону. Дела стали продвигаться не столь успешно, часто залы пустовали. Отсутствие широкого общественного мнения, плохая реклама, недостаточно воспитанный вкус населения – все сказывалось на судьбе оркестра [4, с. 123]. В Постановлении президиума Сталинградского краевого исполнительного комитета четко указывались проблемы музыкальной работы в Сталинграде [18, Л. 44]. Если с эстрадной работой не было особых трудностей, т. к. своих певческих сил край, в целом, почти не имел и пользовался по мере необходимости услугами гастролирующих артистов или составов, то сложность работы филармонии была в том, что постоянный состав оркестра хоть и имелся, но как открытые концерты, дорогостоящие, так и камерные, требовавшие подготовленного зрителя, далеко не всегда охотно встречались организациями-устроителями. Так, такой гигант как СТЗ, заинтересованный, казалось бы, в музыкальной работе, проводил ее в самом микроскопическом виде. Отсутствие собственного зала также тормозило нормальное функционирование филармонии, т. к. приходилось ориентироваться на сроки работы ТЮЗа, помещение которого использовалось для концертов. Финансовая часть также претерпевала проблемы, труд гастролеров было нечем оплачивать.

Однако, концерты продолжали проводиться. При новом дирижере состав оркестра был расширен до 50 человек, а количество концертов в месяц планировалось увеличить с 15 до 18 [1, с. 4]. Теперь концерты проводились на различных площадках: в театре драмы им. Горького, ТЮЗе, Доме Красной Армии, домах культуры и клубах крупных предприятий города. Начался сезон 1937–1938 годов с концерта, посвященного памяти П.И. Чайковского. К Октябрьским торжествам готовилась программа из произведений советских композиторов, одновременно в город приглашались известные лауреаты международных конкурсов и солисты Большого Академического театра СССР: скрипачи Д.Ф. Ойстрах, М.Б. Полякин, М.С. Козолупова, Б.Э. Гольдштейн, виолончелист Г.Д. Цомык, пианисты В.Х. Разумовская, Н.П. Емельянова, Г.Р. Гинзбург. Приезжали и солисты из разных городов. С концертом в Сталинграде выступал премьер ленинградского театра оперы и балета – Л.А. Вительс с программой, включающей увертюру к опере «Ромео и Джульетта» П.И. Чайковского, мазурку из оперы «Пан воевода» Н.А. Римского-Корсакова, «Концертный вальс» и «Торжественная увертюра» А.К. Глазунова [8, с. 4]. С гастрольями в городе была и известная исполнительница цыганских песен и романсов Т.С. Церетели [16, с. 4]. В этом же сезоне приезжали ленинградская певица В.Т. Никандрова с программой, состоящих из арий опер «Евгений Онегин», «Фауст» и «Травиата», солистка Московской государственной филармонии Д.Т. Спришевская с ариями из опер Римского-Корсакова, солист Государственного Академического Большого театра А.Н. Садомов и др. Как видно, в основном организовывались гастролы столичных артистов, как правило, исполнителей классического музыкального направления.

В этой связи, директором филармонии А. Соловьевым на следующий сезон 1938–1939 годов был намечен ряд разноплановых концертов. В декабре планировалось дать в честь столетнего юбилея композитора Ж. Бизе оперу «Кармен» в концертном исполнении, в январе, в связи с 125-летием со дня

рождения Дж. Верди, должна была быть показана опера «Риголетто», в марте, в ознаменование 100-летия великого русского композитора М.П. Мусоргского, предполагался концерт с первым актом оперы «Борис Годунов» и в апреле – «Евгений Онегин» П.И. Чайковского [19, с. 4]. По репертуарному плану также предусматривалось проведение декады советской музыки с показом произведений лучших советских композиторов, специальный концерт должен был осветить музыкальное творчество братских национальных республик, филармонией намечался и ряд детских концертов, а также концерты в праздничные дни. В качестве художественного руководителя был приглашен профессор А.А. Воронцов, дирижером остался Б. Берман, оркестр включал 51 участника, хор также оставался в составе 40 человек и была создана, ко всему прочему, отдельная группа вокалистов.

Часть планов действительно была выполнена. В ноябре 1938 года прошла декада советской музыки. В программе была музыка Н.Я. Мясковского (Симфония № 15), С.С. Прокофьева (отрывки из балета «Ромео и Джульетта»), И.И. Дзержинского (первая картина из оперы «Тихий Дон»), Р.М. Глиэра («Запорожцы») [13, с. 4]. В декаде принял участие заслуженный коллектив республики – квартет имени Глазунова – струнный квартет, один из первых советских профессиональных камерных ансамблей, который внес значительный вклад в развитие советского квартетного исполнительства. Заключительный вечер мероприятия посвящался творчеству Д.Д. Шостаковича, на котором выступил лауреат I всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей и участник международных конкурсов, профессор-орденоносец П.А. Серебряков [9, с. 4]. Все концерты декады повторялись в рабочих клубах, чтобы охватить как можно большую аудиторию рабочих для воспитания у них музыкального вкуса и раскрытия для них ценностного потенциала советских произведений. Более масштабная декада повторилась в сезоне 1940/41 года.

Особо значимым стал приезд известного земляка и выдающегося пианиста П.А. Серебрякова, который вернулся с визитом в Сталинград в 1939 году и дал несколько концертов по городу. Они явились своеобразной творческой отчетностью перед общественностью родного города за 12 лет, прошедших с тех пор, как он его покинул. Первый концерт в Сталинграде П.А. Серебряков дал в музыкальном училище, а крайний – большой открытий концерт состоялся в театре им. Горького 7 февраля, на котором музыкант исполнил концерт Ф. Листа в сопровождении симфонического оркестра под управлением Бруно Бермана, прелюд и этюд Ф. Листа, его «Сонет Петрарки», фантазии на мотивы оперы Дж. Верди «Риголетто» и оперы В.А. Моцарта «Дон Жуан», полонез № 6 и вальс № 14 Ф. Шопена, его мазурку, прелюд С.В. Рахманинова, этюд А.Н. Скрябина [3, с. 4]. Концерт получил поистине широкий отклик у сталинградской публики, сам П.А. Серебряков даже выступил в конце с речью, где поблагодарил за радушный прием своих земляков.

Удачной оказалась инициатива сталинградской государственной филармонии в постановке оперы Ж. Бизе «Кармен» в концертном исполнении. Премьера состоялась 5 февраля в Театре юного зрителя и свидетельствовала о значительном творческом росте симфонического оркестра, хора и солистов филармонии, потому как это была практически первая совместно проделанная работа всех профессиональных музыкальных сил города [2, с. 4]. Через месяц филармония поставила, по аналогии с предыдущей, оперу Дж. Верди «Риголетто», которая оставила благоприятное впечатление у зрителей. Не учли организаторы одну вещь – опера в концертном исполнении мало понятна впервые слушающим ее, а таких было большинство, так как отсутствует сценическое действие, его должно было заменять либретто, но его филармония не предоставила своим слушателям, что являлось существенным минусом организации концертов [7, с. 4].

В праздничные дни, как и планировалось, были устроены концерты. Так, например, с 18 по 24 февраля Сталинградская филармония организовала концерты, посвященные XXI годовщине Красной Армии и Военно-морского флота, прошедшие в Доме Красной Армии, ТЮЗе, клубе им. Ленина завода «Красный Октябрь», ДК завода «Баррикады» и рабочем поселке Кировского района [15, с. 4]. Специальный концерт был устроен для детей командно-начальствующего состава. Из Москвы пригласили солиста А.И. Окаева для участия в мероприятии. К майским торжествам были приглашены различные коллективы не только из Москвы, но и из Саратова, Киева и других городов Советского Сою-

за, которые вместе с местными музыкантами ежедневно выступали в городском саду. Интересно, что филармония даже поместила специальное объявление на страницах «Сталинградской правды» с целью привлечь общественность к приему заявок на организацию художественного обслуживания рабочих клубов, предприятий и учреждений концертными бригадами к Первомайским праздникам, ведь на основании Постановления президиума Сталинградского облисполкома от 3 октября 1938 г., право на концертно-эстрадную работу в области предоставлялось исключительно филармонии, в противном случае, концерты и выступления отдельных артистов и коллективов без ее ведома снимались, а виновные лица привлекались к ответственности [20, с. 4].

Однако все же классика не вызывала будоражащие эмоции у местного населения, ведь в это время Сталинград буквально «болел» джазом. Лидирующие позиции стали прочно занимать джазовые оркестры. В Сталинграде регулярно гастролировали джаз Якова Скоморовского, джаз-ревю Николая Циглера, женский теа-джаз. В особенности Яков Скоморовский и его коллектив, состоящий из 22 человек, пользовались невероятной популярностью, они давали сразу по несколько концертов в городе. Ансамбль играл советскую музыку в джазовом исполнении, репертуар состоял в основном из оборонной тематики. Например, в их программе 1939 г. были новые и популярные произведения того времени, такие как: «Хасан» – музыкальная поэма, марш, посвященный 20-летию комсомола, «Слон и козявка», «Комсомольская плясовая» и др. [10, с. 4]. Первый концерт этого коллектива даже транслировался Сталинградской радиостанцией.

Знаковым событием стало открытие в апреле 1940 года Сталинградского отделения Союза композиторов, в него вошли шесть человек. Известно, что среди его членов были Д.А. Говорухин, композитор, отучившийся в Кубанском музыкальном институте, среди произведений которого имелись симфонической формы, камерные вокальные произведения и музыка к драматическим постановкам; А.М. Дерфельден – автор узбекских и таджикских песен, а также хоровых произведений. Состояли там и выпускники столичных консерваторий – А.А. Коломийцев, который окончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции, являющийся творцом двух опер, симфонических и камерных произведений, а также А.М. Дьячков, окончивший Московскую консерваторию по тому же классу, создатель нескольких оперных сцен, концертной увертюры для симфонического оркестра, смычкового квартета, хоровых произведений, романсов, фортепианных композиций и музыки к драматическим произведениям. Имя А.М. Дьячкова уже было широко известно в Сталинграде к тому времени – еще в мае 1939 г. в зале Сталинградского музыкального училища прошел концерт, состоящий полностью из его произведений, в нем приняли участие преподаватели и студенты училища, а также артисты филармонии [14, с. 4].

Отделение Союза композиторов в Сталинграде было организовано с целью объединения и стимулирования творческой работы композиторов города и области, на первой поре их главной задачей было выявление музыкальных работников и критиков в крае для проведения областной конференции, на которой было бы избрано правление и другие органы отделения [11, с. 4]. Первый отчетный концерт сталинградского союза композиторов состоялся только через год, но имел большой успех у публики, да и в целом это было немаловажное событие в музыкальной жизни города.

Таким образом, с одной стороны, музыкальная жизнь Сталинграда была довольно пестрой – приезжали разные артисты с громкими именами, известными на весь союз. На сцене театров, домов культуры звучали классика, джаз и другие музыкальные направления. Имелись кое-какие собственные силы в городе, правда, чаще речь шла о непрофессиональных, самодеятельных коллективах, коих имелось в достатке. Из профессиональных были лишь симфонический оркестр и хоровая капелла, но первый к 1940 г. ликвидировали, и большинство музыкантов переехали в Ростов, где они объединили силы с местными музыкантами и создали новый коллектив под руководством Марка Павермана. С другой стороны, имелось множество проблем, которые касались недостаточного финансирования, отсутствия концертного зала, плохой организацией зрителя и неспособности удовлетворить их запросы. Рос и постоянный долг филармонии, который к началу сезона 1940–1941 годов составил 120 тыс. руб. различным организациям и 35 тыс. своим сотрудникам, внушительная сумма по тем временам [6, с. 4]. Причем эти проблемы, появившись еще в середине 1930-х, так и не были решены к концу этого периода.

Литература

1. 18 концертов в месяц. Перед открытием музыкального сезона // Сталинградская правда. № 239. 1937. 17 октября.
2. Алан Я. «Кармен» в Сталинградской филармонии // Сталинградская правда. № 31. 1939. 8 февраля.
3. Анат Ю. Павел Серебряков в Сталинграде // Сталинградская правда. № 32. 1939. 9 февраля.
4. Андрианова Г.Н. Художественный облик Царицына-Сталинграда. Волгоград: Универсал, 1991.
5. Андрианова Г.Н. Это было в нашей истории: сборник. Волгоград: Панорама, 2013.
6. Вадим В. Дела эстрадные // Сталинградская правда. № 252. 1940. 29 октября.
7. Вель А., Львов Ю. «Риголетто» // Сталинградская правда. № 53. 1939. 6 марта.
8. Гастроли солиста ленинградской оперы Вительса // Сталинградская правда. № 290. 1936. 18 декабря.
9. Декада советской музыки в Сталинграде // Сталинградская правда. № 272. 1938. 27 ноября.
10. Джаз Якова Скоморовского (к гастроям в Сталинграде) // Сталинградская правда. № 82. 1939. 10 апреля.
11. Дьячков А. (председатель оргкомитета сталинградского отделения Союза советских композиторов) Сталинградский оргкомитет Союза советских композиторов // Сталинградская правда. № 94. 1940. 24 апреля. С. 4.
12. Из постановления бюро крайкома ВКП(б) об организации госфилармонии в Сталинграде // Культурное строительство в Волгоградской области. 1917–1941 гг. Сборник документов и материалов. Т. 1. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1980. С. 280–281.
13. Коломийцев А. Декада советской музыки // Сталинградская правда. № 270. 1938. 24 ноября.
14. Концерт сталинградского композитора А.М. Дьячкова // Сталинградская правда. № 123. 1939. 1 июня.
15. Концерты, посвященные Красной Армии // Сталинградская правда. № 33. 1939. 10 февраля.
16. Концерты Тамары Церетели // Сталинградская правда. № 126. 1937. 4 июня.
17. Липатов А.В., Вальковский А.В. Роль клубных учреждений в организации досуга советских граждан в 1953–1964 гг. (на примере Сталинграда-Волгограда) // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2015. № 4. С. 189–197.
18. Постановление президиума Сталинградского краевого исполнительного комитета от 11 ноября 1937 года «О работе краевого управления по делам искусств» // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-2059. Оп. 2. Ед. хр. 364.
19. Соловьев А. (директор филармонии) Сталинградская филармония // Сталинградская правда. № 216. 1938. 18 сентября.
20. Сталинградская филармония к Первомайским праздникам // Сталинградская правда. № 92. 1939. 22 апреля.
21. Филармония начинает зимний сезон. Организуется музыкальный университет // Сталинградская правда. № 211. 1936. 12 сентября.

ZARINA BAGAEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

MUSICAL LIFE OF STALINGRAD IN 1930S

The article deals with the development of the musical life of Stalingrad during 1930s. There are characterized the basic musical events on the basis of different sources, there is considered the success, the difficulties and the issues in the creation of the musical affair in the city. There are given the examples of the leading musical bands of the period contributing in the development of the cultural and recreation sphere.

Key words: musical life, musical affair, Stalingrad, socialistic modernization, cultural life.

УДК 94(47+57)1917/1991:75.05

А.Р. БАУБЕЛЬ
(baubiel@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПЛАН ГОЭЛРО В СОВЕТСКИХ ПЛАКАТАХ 1920-Х ГГ.*

На примере советских плакатов 1920-х годов показывается отражение идей экономического развития, связанных с реализацией плана ГОЭЛРО. Раскрываются задачи и роль агитационных плакатов в распространении идеологии в обществе.

Ключевые слова: СССР, план ГОЭЛРО, плановая экономика, электрификация страны, советский плакат.

Плакат (от лат. placatum – свидетельство) – широко распространенная разновидность художественной графики, одна из самых массовых форм изобразительного искусства. Отличительные свойства такого вида изобразительного искусства – агитационно-разъяснительные цели и установка на активное и широкое воздействие в общественных местах, на улицах и т. д. Важнейшее условие действительности плаката – органическое единство текста с изображением [4, с. 122].

Плакат в современном представлении возник в конце XIX в. Первую разноцветную афишу сотворил Жюль Шере, который был рабочим-типографом, а также художником. Он проживал на Монмартре в Париже. В 1869 г. он стал распечатывать крупные листы с рекламой кабаре и театров. Великим специалистом афиши был французский живописец А. де Тулуз-Лотрек. В творчестве Тулуз-Лотрека, писавшего актрис варьете и театров, мастерство плаката впервые обрело собственные ресурсы выразительности: четко обнаруженный силуэт, отточенность линии, контраст между фигурами и фоном, лаконичность и насыщенную «броскость». Стиль модерн преобразовал афиши и рекламные листы в произведение большого искусства (У. Бредли, О. Бёрдсли, А. Муха, Я. Тороп и др.) [12].

Советский политический плакат родился и достиг исключительно высокого уровня в годы Гражданской войны 1918–1920. Развивая традиции сатирической графики периода Революции 1905–1907 гг. Д.С. Моор, В.Н. Дени, В.В. Лебедев и другие создали, по существу, новое, искусство, которое оказало огромное влияние на развитие мирового плаката. Идейная целеустремленность, революционная страстность, высокий художественный уровень сделали плакат подлинно массовым средством агитации и политико-просветительской работы, эффективным оружием в борьбе за Советскую власть. В те же годы, по инициативе В.В. Маяковского и М.М. Черемных, возник новый вид тиражируемого с помощью трафарета плаката – «Окна РОСТА». В 1920-х – начале 1930-х годов важную роль в развитии советского плаката сыграли А.А. Дейнека, Г.Г. Клуцис, Л.М. Лисицкий, Ю.И. Пименов, А.М. Родченко, братья Стенберги, А.И. Страхов [2, с. 26].

В условиях безграмотности большого количества населения в 1917–1920 гг. как раз зрительные образы обладали максимальным результатом в пропаганде новой идеологии, новой концепции социальных ценностей, стереотипов поведения и норм бытования, организации досуга и торжеств. Огромный интерес уделялся оживлению социальной активности масс, их включению в различные события и организации, формировавшие социалистический миропорядок [15, с. 220].

Коммунистическая партия абсолютно на всех стадиях своей работы придавала огромное значение пропаганде марксистско-ленинских идей и политической агитации среди «широких слоев рабочих масс». Одним из основных средств общественной агитации и пропаганды социалистической идеологии считался политический плакат, «рожденный в бурях революционных сражений» [2, с. 220]. Искусствовед В.П. Полонский о плакате первых послереволюционных дне сообщает: «Он требует, призывает, приказывает, повелевает. Плакат – орудие массового внушения, средство организации коллективной психологии» [6]. Ф. Энгельс, высоко расценивая значимость и потенциал плаката в революци-

* Работа выполнена под руководством Такташевой Ф.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

онный ситуации, в труде «Дебаты по поводу закона» о плакатах писал: «Плакаты являются основным средством воздействия на пролетариат» [8].

Необходимо отметить тот факт, что именно в годы советской власти правительство как монополист абсолютно во всех областях жизнедеятельности твердо подчинило своим интересам и творчество художественной интеллигенции. Проект применения изобразительного и иных видов искусства для развития положительного образа власти, утверждения новых идей и доминант общественной справедливости, в том числе предоставление народным массам абсолютно всех преимуществ в управлении, материальном обеспечении, образовании и социальной защите, творческом развитии собственных возможностей, широко и целеустремленно пропагандировался ведущими государственными деятелями.

Такой масштабный государственный план как ГОЭЛРО не мог обойти советский плакат. Именно с помощью этого способа велась наибольшая и частая агитация и пропаганда электрификации РСФСР.

На советских плакатах 1920-х годов размещались основные идеи и цели ГОЭЛРО. Ими были: электрификация государственного хозяйства; электрификация топливоснабжения; электрификация в сфере водного снабжения и энергии; электрификация сельского хозяйства страны; электрификация в сфере транспорта; электрификация промышленности. На плакатах, посвященных электрификации, очень часто можно было увидеть портрет Ленина [9, с. 105]. Это связано, скорее всего, с тем, что именно он является вдохновителем и создателем этого плана.

В одной из первых работ по электрификации, В.И. Ленин говорил, что в плане должно было обязательно содержаться следующее: «на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию; использование не первоклассных сортов топлива (торф, бурый уголь) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего; водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию» [6, с. 288–289].

План ГОЭЛРО предусматривал всестороннее развитие страны, что означало подъем не только лишь энергетики, но и всей экономики в целом. Он предусматривал строительство таких предприятий на территории России, которые обеспечивали бы грандиозные запланированные стройки всем необходимым, а также опережающее развитие электроэнергетики. Все эти мероприятия привязывались и шли параллельно с планами развития территорий страны. Наблюдались случаи, когда участники в выполнении плана ГОЭЛРО проявляли инициативу – такие случаи не оставались в стороне, т. к. их поощряло советское правительство. Люди, занимающиеся электрификацией, могли спокойно рассчитывать на налоговые льготы и кредиты от государства [1, с. 123].

Что касается пропаганды плана ГОЭЛРО, то сам В.И. Ленин признавал чрезвычайную значимость пропаганды электрификации, работа над которой должна была проводиться не менее интенсивно, чем непосредственная реализация плана [9, с. 106]. Также отмечалось, что электричество нужно пропагандировать «не только словом, но и примером», «надо уметь вызвать и соревнование, и самостоятельность масс для того, чтобы они тотчас принялись за дело» [3, с. 255].

Необходимо заметить тот факт, что реализация плана ГОЭЛРО была не только политической, но и идеологической задачей. Это было вызвано тем, что большое внимание в пропаганде идеологии Советского государства отдавалось плану электрификации. Напрашивается один вывод по данному факту – новое правительство старалось себя как можно лучше зарекомендовать в глазах граждан государства, улучшить все сферы экономической и общественной жизни. Все это мы можем проследить в плакатах 1920-х годов, а также в пропагандистской литературе того времени. Конечно же, идеологическая пропаганда идей ГОЭЛРО не закончилась в 1920-х годах, она продолжалась на протяжении всего времени реализации плана электрификации страны.

Обратимся теперь непосредственно к самим советским плакатам 1920-х годов, на которых запечатлены идеи плана ГОЭЛРО.

Так, Ю. Шасс и П. Кобелев в своей совместной работе (см. рис. 1 на с. 11) буквально процитировали В.И. Ленина по поводу широкомасштабного плана электрификации РСФСР: «коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» [3]. В этом плакате заключена главная мысль политики СССР в 1920-е годы, которую они обозначали как первоочередная задача. Электрифика-

ция наделялась политическим смыслом: если пар рассматривался как вид энергии, на котором «стоял» капитализм, то новый вид энергии – электричество – должен содействовать утверждению социализма. Электрификация в изучаемый период была важным делом, которое старались воплотить в жизнь как можно скорее. Слова на плакате – это слова Ленина из его работы про электрификацию [3].

Рис. 1. Плакат «Ленин и электрификация». Худ. Ю. Шасс, П. Кобелев. 1925 г.

Однако это не единственная идея, которая заключена в этом плакате. Посередине него можно заметить «Волховстрой даешь ток!». Волховская ГЭС была построена через год – в 1926 году и с мощностью в 56 тыс. МВт была самой мощной на тот момент в СССР.

Обратимся к другому советскому плакату. На этом плакате изображено следующее: государственный электротехнический трест: Государственный электротехнический трест (ГЭТ). (см. рис. 2). В 1925–1927 годах ГЭТ произвёл семь двухосных электровозов для работы на подъездных и внутризаводских путях промышленных предприятий. Плакат посвятили этому объединению из-за того, что в 1920-е годы людям, организациям, заводам, которые выполняли и даже перевыполняли план электрификации страны, выдавались денежные поощрения, об этих «выдающихся» участниках экономики знали все.

Рис. 2. Плакат «1 мая – боевой смотр революционных сил международного пролетариата». Худ. Бирюков. 1927 г.

Плакат А. Самохвалова, который был выпущен в 1924 г., отражал основную идею В.И. Ленина и ведущих государственных деятелей, которую они изначально ставили (см. рис. 3). Еще в 1920 г. В.И. Ленин сказал свою знаменитую фразу о том, что коммунизм неразрывно связан был с электрификацией всей страны. Именно этот лозунг изображался практически на всех плакатах, отображался в литературе и многом другом. Плакат А. Самохвалова 1924 г. был первым плакатом, на котором была наглядно представлена цель советской политики в целях улучшения экономики, в том числе введение во все сферы деятельности электричество. Плакат, который был представлен выше, написанный Шассом и Кобелевым, является продолжением этой идеи.

Рис. 3. Плакат «Советы и электрификация есть основа нового мира». Худ. А. Самохвалов. 1924 г.

И последний советский плакат 1920-х годов, который мы осветим в нашей работе, будет плакат, который посвящен еще одному тресту Центрального района Москвы (см. рис. 4). Это государственный электротехнический трест, который был создан в 1924 г. Его основной задачей было производство электрооборудования и проведение монтажных работ. Данный плакат был выпущен в 1925 г. Его основная идея заключается в том, что государство старалось в плакатах отображать наиболее значимые проекты и объединения ГОЭЛРО, которые помогали процессу внедрения электричества в разные сферы общественной и экономической жизни.

Рис. 4. Автор неизвестен. «Только электролампа ЭТЦР равна лучшей заграничной». 1925 г.

Таким образом, советские плакаты 1920-х годов вносили весомый вклад в пропаганду новой идеологии. Государство, начиная с этого времени, начинает становиться главными заказчиками таких агитационных плакатов. Этот период советского плаката очень интересен, т. к. в них отражены основные идеи советского государства, которые стояли перед РСФСР-СССР.

В плакатах, посвященных ГОЭЛРО, иллюстрировались основные идеи и цели плана электрификации страны. Отображались лозунги В.И. Ленина из речи, которую он произнес на Московской губернской конференции РКП(б) в 1920 г. о том, что коммунизм был тесно связан с электрификацией страны, что это основа нового мира. Также на советских плакатах 1920-х годов отображались основные идеи самого плана ГОЭЛРО, т. е. внедрение электрификации во все сферы экономической жизни страны, а также экономические тресты, объединения, предприятия, которые выполняли и перевыполняли государственные задачи, стоявшие перед ними. Это делалось с мыслью, чтобы каждый гражданин увидел цели государственной политики и старался помочь и содействовать общей цели государства в сфере электрификации страны.

Они показывали политизированность цели и задач плана электрификации страны. Большинство плакатов этого периода было посвящено главной цели, точнее главному высказыванию В.И. Ленина по поводу нового плана ГОЭЛРО. Эта цель была отображена в его речи, про которую было уже выше написано, что «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация» [5]. На плакатах акцент делался на том, что коммунизм идет рядом с электрификацией страны. В качестве примеров здесь можно выделить плакаты Ю. Шасса, П. Кобелева; А. Самохвалова. Другая группа советских плакатов 1920-х годов объединяется потому, что они показывали выдающиеся заводы, объединения, которые показывали лучшие результаты в сфере электрификации страны в каждой отрасли экономики. Советские плакаты оказывали огромное влияние на политическую элиту страны, а также на граждан советского государства в это время. Они являлись основным средством пропаганды, которым активно пользовалось советское правительство с начала электрификации и до её последних дней.

Литература

1. Баубель А.Р. План ГОЭЛРО: модель плановой экономики в России // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». 2019. № 5(28). С. 121–125. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh.vspu.ru/files/publics/1570002499.pdf> (дата обращения: 23.12.2019).
2. Бутник-Сиверский Б.С. Советский плакат эпохи гражданской войны, 1918–1921. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960.
3. Карякин Ю.И. Кто же был инициатором и вдохновителем электрификации России? // НГ– Наука. 15 декабря 1999 г. С. 6.
4. Краткий словарь терминов изобразительного искусства. М.: Сов. художник, 1959.
5. Ленин В.И. Об электрификации. М.: Политиздат, 1964.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 27. 1915–1916.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. Набросок плана научно-технических работ. 1924.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, Т. 6. С. 478.
9. Никифорова Н.В. Лампочка Ильича и символические аспекты в пропаганде электрификации // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 4(45). С. 102–110.
10. План электрификации РСФСР. М.: Госполитиздат, 1920.
11. Полонский В.П. Русский революционный плакат. М.: Гос. изд-во, 1925.
12. Популярная художественная энциклопедия / под ред. Полевого В.М. М.: Советская энциклопедия, 1986.
13. Принят план ГОЭЛРО 1 января 1920 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/priniat-plan-goelro> (дата обращения: 23.12.2019).
14. Темпы плана ГОЭЛРО. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/39072> (дата обращения: 23.12.2019).
15. Чаус Н.В. Советские плакаты 1917–1920 гг. – основное средство пропаганды социалистической идеологии // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 6(022). С. 220–223.

ALENA BAUBEL

Volgograd State Socio-Pedagogical University

GOELRO PLAN IN THE SOVIET POSTERS OF 1920S

The article deals with the reflection of the ideas of the economic development associated with the implementation of the GOELRO plan at the example of the Soviet posters of 1920s. There are revealed the tasks and role of the agitation posters in the spreading of the ideology in the society.

Key words: *the USSR, GOELRO plan, planned economy, electrification of the country, Soviet poster.*

УДК 94(47).05

С.Р. БАХМУТОВА

(sveta.bakmutova@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ДЕВОЧЕК В ДВОРЯНСКИХ СЕМЬЯХ В XVIII В.
(по воспоминаниям и запискам)***

На основе анализа мемуаров женщин XVIII в. рассматриваются отношения между детьми и родителями в дворянских семьях, особенности образования и воспитания девочек.

Ключевые слова: XVIII в., повседневная жизнь, Институт благородных девиц, дворянская семья, семейное воспитание.

Дворянская семья играла важное значение в российском обществе XVIII в.

В этот период в семейной жизни и в положении женщины происходит столкновение старого допетровского и нового петровского. Типичным представлением о русской женщине вплоть до XVIII в. было примерная дочь, идеальная и верная жена, любящая мать, хранительница домашнего очага, помощница мужчин, под чьим покровительством она и расцветала. Именно в семье дворян девочкам закладывали основные модели поведения в российском обществе, их воспитывали в соответствии с социальными ролями. Важными источниками для нас, как исследователей по этой эпохе, являются мемуары, позволяющие воссоздать атмосферу времени.

Рождение в семье дочери по-разному воспринималось родителями. Во много это зависело от ожиданий самих родителей и от того, каким по счету был рожденный ребенок.

К примеру, Наталья Борисовна Долгорукова сообщает о том, что когда она родилась, «все приятели отца моего и знающие дом наш блажили (т.е. праздновали – *авт.*) день рождения моего, видя радующихся родителей моих». Наталья Борисовна была старшим ребенком в семье, имела младших братьев и сестер, при этом, по ее словам, всегда чувствовала свое перед ними преимущество: «я была очень любима у матери своей и воспитана отменно от них» [3, с. 42].

Однако не во всех семьях дворян рождение дочери вызывало подобное воодушевление. Глафира Ржевская в своих мемуарах пишет, что родилась уже после смерти своего отца, и мать не могла вынести присутствия новорожденной: «Не радостно было встречено мое появление на свет. Дитя, родившееся по смерти отца, я вступала в жизнь с зловещими предзнаменованиями ожидавшей меня несчастной участи. Огорченная мать <...> удалила с глаз мою колыбель, – а отцовская нежность не могла отвечать на мои первые крики. О моем рождении, грустном происшествии, запрещено было разглашать» [7, с. 10].

Схожая ситуация произошла с Надеждой Дуровой. Мать ее, так сильно желавшая сына, глубоко разочаровалась, когда узнала о рождении дочери. Во время своей беременности она неустанно повторяла: «У меня родится сын, прекрасный, как амур! Я дам ему имя Модест; сама буду кормить, сама воспитывать, учить, и мой сын, мой милый Модест будет утехой всей жизни моей...» [4]. Узнав же о том, что родилась дочь вместо желанного сына, мать «толкнула меня с коленей и отвернулась к стене» [Там же]. Спустя какое-то время мать пыталась проявлять заботу о ребенке, изъявила волю кормить дочь сама, но однажды во время кормления ребенок слишком сильно кусает грудь, и мать отбрасывает ребенка от себя со словами: «Отнесите, отнесите с глаз моих негодного ребенка и никогда не показывайте» [Там же]. Дальнейшим воспитанием Н. Дуровой занималась горничная ее матери. В своих мемуарах Н. Дурова пишет, что один раз она плакала так, что ее не могли успокоить; плач дочери вывел из себя мать, и она выхватила Н. Дурову из рук няньки и «выбросила в окно» кареты (действие происходило в походе – *авт.*) [Там же].

По тому, как родители относились к рождению детей, можно предположить, как в дальнейшем складывалось их воспитание и образование.

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Историк А.В. Белова выделяет четыре типа семейного воспитания детей в дворянских семьях в XVIII в.: 1) игнорирующий – ни один из родителей не принимает участия в воспитании и образовании ребенка; 2) материнский: в данном случае взгляды отца и матери в вопросах воспитания и отношения к ребенку различны; 3) отцовский – влияние отца над ребенком преобладает над влиянием матери; 4) партнерский – в воспитании детей принимают участие оба родителя [1, с. 158].

Наталья Долгорукова росла под присмотром матери, которая делала все возможное «чтоб ничего не упустить в науках», «чтоб умножить достоинств» [4, с. 43]. Однако бывали и случаи, когда матерям не было дела до своих дочерей, и тогда их воспитанием занимались порой посторонние люди. К примеру, Глафира Ржевская пишет, что «добрая монахиня взяла меня под свое покровительство и была моею восприемницею», в то время как мать практически отказалась от нее. Воспитанием юной Надежды Дуровой занимался полковой гусар Астахов; девочка проводила много времени вместе с офицерами полка, что впоследствии оказало значительное влияние на ее будущую судьбу: ее с ранних лет учили верховой езде и обращению с оружием. Отношения девочки с родительницей были напряженными, что было связано с нелюбовью матери к первенцу: «при одном виде материной комнаты я обмирала от страха и с воплем хваталась обеими руками за шею Астахова». При этом, как бы на контрасте, Н. Дурова пишет об отношении своей матери к своей младшей сестре: «мать имела для утешения своего другую дочь, точно уже прекрасную, как амур, в которой она, как говорится, души не слышала» [4].

Екатерина Дашкова потеряла мать в двухлетнем возрасте, после чего ее воспитанием занималась бабушка, а спустя два года передана в семью своего дяди – канцлера М.И. Воронцова. Девочка росла вместе со своей кузиной на равных с ней условиях: «общая комната, одни и те же учителя, даже платья их одного и того же куска материи – все должно было бы сделать из нас два совершенно одинаковых существа» [2, с. 68].

Анна Лабзина вспоминает, что, когда ей было 4 года, умер ее отец, а мать помешалась разумом и не подпускала к себе никого из близких, даже детей; в этот период за ребенком ухаживала няня. Спустя три года, когда мать оправилась, то «сама учила писать и начала образовать сердце мое, сколько словами, а вдвое примерами»; она учила «разным рукодельям, и тело мое укрепляла суровой пищей и держала на воздухе, не глядя ни на какую погоду; шубы зимой у меня не было; на ногах, кроме нижних чулок и башмаков, ничего не имела; в самые жестокие морозы посылала гулять пешком, а тепло мое все было в байковом капоте» [5, с. 7]. Типичный день А. Лабзиной был таковым. Вставали рано, летом обычно в шесть утра. Сначала ее водили купаться на речку, затем по возвращению домой кормили завтраком, состоящим из черного хлеба и горячего молока. Обязательным пунктом в распорядке каждого дня было чтение Священного Писания. Только после всего этого она приступала к работе по дому [Там же, с. 9].

Вообще, домашнее воспитание молодой дворянки практически не отличалось от воспитания мальчика: из рук крепостной нянюшки девочка поступала под надзор гувернантки – чаще всего ими были француженки, реже англичанки. В целом образование молодой дворянки было более поверхностным и носило домашний характер. Девушкам было достаточно владеть парой иностранных языков (обычно немецким и французским), уметь танцевать, знать основные нормы этикета и поведения в обществе, нередко их обучали рисованию, пению и игре на музыкальных инструментах.

Важным достижением XVIII в. в России стало развитие женского образования. Уже при Петре I появляются первые школы для девочек. Однако самым значимым событием века в этой сфере стало открытие в 1764 г. Воспитательного общества благородных девиц, более известного как Смольный институт. Инициатором его создания был Иван Бецкой.

Устав общества провозглашал своей целью «дать государству образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества». Императрица самолично принимала участие в деятельности института, финансируя его деятельность, ведя беседы с преподавательницами и ученицами.

В Смольный институт принимали девушек из родовитых, но небогатых семей из России, а также из Грузии и Швеции. Возраст самых юных учениц составлял шесть лет. Однако попасть

на обучение было непросто: для этого предстояло сдавать экзамены по русскому и французскому языкам; важным фактором являлось и происхождение девушки. Срок обучения составлял 12 лет и предполагал, что будет три класса длительностью по 4 года. В программу входили такие дисциплины, как арифметика, грамота, три иностранных языка, религиоведение, этикет, кулинарное искусство, рисование, музыка, вокал, география, история и другие предметы. Важное место имело и физическое развитие – несколько раз в неделю девушки занимались спортивными упражнениями. Однако больший упор делался на этическое воспитание учениц – предполагалось, что выпускница института может стать фрейлиной или служашей при дворе, поэтому она должна уметь вести себя сдержанно в обществе и поддерживать разговор на различные темы. Преподавательский состав института включал в себя более 20 высококвалифицированных преподавательниц.

В институте также существовала система ранжирования учениц по их поведению: тех, кто не следовал правилам поведения, называли «мовешками» (от французского “mauvaise” – дурная); другим термином – «парфешки» (фр. “parfaite” – идеальная) – называли девушек, которые никогда не нарушали правил. Ученицы носили одинаковые платья, отличавшиеся только по цвету: самые младшие носили платья кофейного цвета, девочки от 9 до 12 лет – синего, от 12 до 15 – голубого, самые старшие – белого [6].

«Нельзя вообразить себе более счастливого положения, чем то, в котором я находилась в течение одиннадцати лет в Смольном» – пишет в своих мемуарах Глафира Ржевская, выпускница первого набора института, замечая, что «счастье, которым я пользовалась, нельзя сравнить ни с богатством, ни с блестящим положением светским, ни с царскими милостями, ни с успехами в свете, которые так дорого обходятся. Скрывая от нас горести житейские и доставляя нам невинные радости, нас приучили довольствоваться настоящим и не думать о будущем» [7, с. 52]. Многие из выпускниц института впоследствии становились фрейлинами или дамами при дворе.

Подводя итоги, можно сформулировать вывод о том, что отношение родителей-дворян к дочерям было различным и во многом зависело от их личных качеств. Тем не менее, родители были заинтересованы в достойном воспитании и образовании своих детей.

Литература

1. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2014.
2. Дашкова Е.Р. Записки // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.Н. Моисеева. М.: Современник, 1990. С. 67–280.
3. Долгорукова Н.Б. Своеручные записки // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.Н. Моисеева. М.: Современник, 1990. С. 41–66.
4. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы. Серия: Знак судьбы. М.: АСТ-Пресс Книга, 2005.
5. Лабзина А.Е. Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной. СПб., 1903.
6. Мордвинова З.Е. Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764–1796) // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 255–277.
7. Ржевская Г.И. Памятные записки // Институт благородных девиц. М.: Алгоритм, 2016.

SVETLANA BAKHMUTOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

UPBRINGING AND EDUCATION OF GIRLS IN NOBLE FAMILIES IN THE XVIIITH CENTURY (according to memoirs and notes)

The article deals with the relations between children and parents in noble families and the features of girls' education and upbringing on the basis of the analysis of the memoirs of women in the XVIIIth century.

Key words: the XVIIIth century, everyday life, School for Noble Maidens, noble family, family education.

УДК 93/94

А.Р. БЕЖЕНЦЕВА
(alinkabez@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1936-1941 ГГ. (на примере клубов и Домов культуры)*

На примере Домов культуры анализируется развитие культурной сферы области в предвоенный период. Дана количественная характеристика этим культурным учреждениям, характеризуются направления их деятельности в указанные хронологические рамки.

Ключевые слова: *Сталинградская область, социалистическая модернизация, социокультурная сфера, культурно-просветительные учреждения, Дома культуры.*

За период социалистической модернизации в Сталинградской области произошли качественные и количественные изменения в экономической, социальной и культурной сферах. Развитие последней определялось проводимой в стране «культурной революцией», «которая включала не только создание социалистической системы народного образования и просвещения, но и широкое строительство учреждений культуры» [10, с. 24]: музеев, театров и кинотеатров, библиотек и изб-читален (в области), красных уголков и Домов культуры, осуществлявших агитационно-пропагандистскую и культурно-массовую работу с населением.

Организационное оформление культурной сферы области, направления и формы работы культурных учреждений определялись принятием законодательных актов общесоюзного и регионального уровней [1].

В рассматриваемый период на государственном уровне управлением учреждений культуры занимался образованный в 1917 г. Наркомат просвещения РСФСР (Наркомпрос), который входил в состав советского правительства (Совет Народных Комиссаров). В постановлении ЦИК и СНК СССР от 17 января 1936 г. было закреплено образование еще одного органа – Всесоюзного комитета по делам искусства при правительстве [Там же; 7, с. 84], которому должны были подчиняться «театры и другие зрелищные предприятия, кино-организации, музыкальные, художественно-живописные, скульптурные и другие учреждения по искусствам...» [11].

Отметим, в этом документе отдельно не прописывались термины «Дом культуры» или «клубные учреждения». Однако на XVII (январь–февраль 1934 г.), затем и на XVIII (март 1939 г.) съездах партии в принятых резолюциях, фиксирующих показатели развития народно-хозяйственного комплекса страны, которые должны были быть достигнуты за период второй и третьей пятилетки, указывались эти культурные учреждения [4, с. 138; 5, с. 121].

Так, второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.) принял программу повышения культурного уровня населения, в которой закреплялось развитие культурного строительства в стране, что предполагало «строительство домов советов, домов техники, парков культуры и отдыха, стадионов, театров, клубов, кинотеатров...» [5, с. 121], а также «широкое развитие массовой внешкольной работы, тесно увязываемой с организацией культурного отдыха трудящихся масс, увеличение клубной сети в городе и деревне до 10,9 против 6,8 тыс. (увеличение в городах на 10,5%, а в сельских местностях на 130%) и сети массовых библиотек до 25 тыс. против 15 тыс. в 1932 г.» [Там же, с. 127].

В Сталинграде и Сталинградской области в период второй пятилетки отмечается рост сети клубных учреждений. Так, 17 мая 1936 г. в Сталинграде состоялось открытие Дворца пионеров, для которого было передано бывшее здание горкома партии. Для его оборудования и эффективной деятельности Наркомпросом РСФСР было выделено 150 тыс. руб. 18 июня 1936 г. Сталинградский Дворец на-

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

чал осуществлять патриотическую, образовательную, культурно-просветительскую и досуговую формы работы с пионерами и школьниками [9, с. 34, 270, 346]. Также в 1936 г. был открыт Дом культуры завода «Баррикады» [3].

В третьей пятилетке предполагалось значительное финансирование на развитие социокультурной сферы страны – до 53 млрд руб., что в 1,7 раза было больше в сравнении с 1937 г. Законодательно прописывался рост, в частности, клубных учреждений и Домов культуры [8, с. 86–87]. В Сталинграде число Домов культуры предполагалось довести до 66 [9, с. 317].

Из ниже представленной таблицы можно проследить, что к 1937 г. появилось более 10 новых культурных объектов – Домов культуры. Одной из основных причин такого роста являлось закрепление и расширение в основном законе государства – в Конституции 1936 г. прав граждан. Так, в ст. 126 предоставлялось право на объединение в общественные организации, в том числе и культурные [6].

Таблица

Дома культуры Сталинграда и области (1937–1940 гг.) [9, с. 299, 309, 321]

Название учреждения	I/I 1937 г.	К к. 1937 г.	Запроектировано на 1938 г.	I/IV 1938 г.	Ноябрь 1938 г.	К концу 1938 г.	1940 г.
Дома культуры	42	54	57	54	52	56	58

В 1938 г. начинается третья пятилетка (1938–1942 гг.). В плане развития народного хозяйства в период третьей пятилетки так же наблюдается цель развития культурной сферы [4]. На 1938 г. в Сталинграде и области было запроектировано 57 домов культуры. В первой четверти 1938 г. число домов культуры с конца 1937 г. так и не увеличилось, а к ноябрю и вовсе уменьшилось. В ходе реализации второй пятилетки в Сталинграде и Сталинградской области насчитывалось 54 дома культуры. Однако к концу 1938 г. задача практически была реализована, и в Сталинграде и Сталинградской области насчитывалось 56 домов культуры. Однако цифра по городу – 66 Домов культуры в третьей пятилетке – не была достигнута. Причин, возможно, несколько: в условиях обострения международной ситуации в стране наращивался военный потенциал, а значит, происходило перераспределение финансов; начавшаяся война приостановила реализацию поставленных третьей пятилеткой задач.

Что касается сети клубных учреждений, то, наоборот, число клубов в городе и области постоянно росло. Для сравнения представим цифры. Если 1613 клубов различной ведомственной принадлежности насчитывалось в Сталинградской области в 1938 г., то уже спустя два года, в к. 1940 г. их число значительно увеличилось – 1876 (128 клубов в городе, 922 сельских клуба и 1226 изб-читален). К началу Великой Отечественной войны «количество клубов областных районов, клубов сельсоветов и изб-читален достигло 1263» [10, с. 27]. Это были наиболее массовые учреждения культурной сферы, где власть реализовывала идеологические задачи, поставленные партией. Кроме того, именно там осуществлялась массовая культурно-просветительская работа посредством «создаваемых самодеятельных коллективов, регулярно выступавших на олимпиадах, смотрах художественной самодеятельности и фестивалях народного творчества» [Там же].

Действительно, исходя из определения (в энциклопедических словарях советского периода), в дворцах и домах культуры, клубах в СССР наиболее полно были представлены различные формы массово-политической и культурно-просветительской работы [2]. Можно утверждать, что эти культурные учреждения были одним из эффективных средств по взаимодействию власти и общества.

Таким образом, развитие Домов культуры, клубной сети в Сталинградской области на протяжении рассматриваемого периода происходило динамично. Государственная политика в культурной сфере была направлена на массовое вовлечение граждан в реализацию задач социалистического строительства, выполнение которых было невозможно без проведения идеологической, культурно-просветительской, досуговой работы, осуществляемой этими культурными учреждениями.

Литература

1. Беженцева А.Р. Политика советского государства по развитию региональных учреждений культуры в 1917–1945 гг. (правовой аспект) // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». 2019. № 5(28). С. 31–33. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1569926375.pdf> (дата обращения: 01.12.2019).
2. Большая Советская Энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2249947 (дата обращения: 27.11.2019).
3. История комплекса культуры и отдыха имени Ю.А. Гагарина Краснооктябрьского района Волгограда. [Электронный ресурс]. URL: <http://dkgagarina34.ru/about-us/istoriya-kompleksa.html> (дата обращения: 28.11.2019).
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. 1938–1945. 9-е изд. М.: Политиздат, 1985.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 6. 1933–1937. 9-е изд. М.: Политиздат, 1985.
6. Конституция (основной закон) союза советских социалистических республик. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 01.12.2019).
7. Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. М.: Фирма «Интерпракс», 1995.
8. КПСС о культурно-просветительской работе. Сборник документов. М., 1968. С. 86–87.
9. Культурное строительство в Волгоградской области. 1917–1941. Сборник документов и материалов. Т. 1. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1980.
10. Орешкина Т.Н. Восстановление и развитие учреждений культуры в Сталинградской области (в 1943 – начало 1950-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2009.
11. Постановление ЦИК СССР № 36, СНК СССР № 86 от 17.01.1936 «Об образовании Всесоюзного Комитета по делам искусств при СНК Союза ССР» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=31912#004522558960715628> (дата обращения: 12.12.2019).

ALINA BEZHENTSEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

DEVELOPMENT OF CULTURAL SPHERE OF THE STALINGRAD REGION IN 1936–1941 (based on community centers and culture centers)

The article deals with the development of the cultural sphere of the region in the pre-war period at the example of culture centers. There is given a quantitative characteristic of these cultural institutions.

There are characterized the directions of their activities in this chronological framework.

Key words: *Stalingrad region, socialistic modernization, sociocultural sphere, cultural and educational institutions, culture centers.*

УДК 904

А.А. БИТЮШКОВА
(nasta1954@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ САРМАТОВ УРАЛО-ПОВОЛЖСКОГО РЕГИОНА*

Представляется историографический обзор проблемы происхождения звериного стиля сарматов как особого маркера культуры древних кочевников. Приведены мнения различных авторов, в работах которых рассмотрены общие вопросы культуры сарматов и проблематика звериного стиля.

Ключевые слова: ранний железный век, сарматы, Урало-Поволжский регион, звериный стиль, полихромия, историография.

Звериным стилем в искусстве принято называть художественный стиль кочевых племен Урало-Поволжского региона в период раннего железного века, в котором главными мотивами являются зооморфные изображения на различных изделиях из металла, дерева, кости. Этот стиль был распространен от Урала до Причерноморья.

Звериный стиль древних кочевых племен начал привлекать внимание исследователей, начиная с конца XIX в. Их интересовало искусство скифов, его развитие, характерные сюжеты. Этот интерес связан с тем, что с возникновением этого народа появилась «скифская триада»: железный меч акинак, конская сбруя и звериный стиль. Интерес к античности менялся на интерес к древним цивилизациям Востока. Происходит противопоставление эллинизма и иранства.

М.И. Ростовцев, который являлся первым исследователем звериного стиля кочевых племен раннего железного века, считал, что звериный стиль скифов в IV–III вв. до н. э. в восточноевропейских степях сменился сарматским, а его носителями были иранские племена юэчжей, которые пришли из Центральной Азии. Эти выводы он делал на основе анализа Сибирской коллекции Петра I и майкопского пояса, оказавшегося подделкой начала XX в. При помощи анализа этого пояса исследователь объяснил появление и распространение звериного стиля сарматов на Южном Урале в IV–III в. до н. э. [8, с. 347].

Распространение украшений с зооморфными изображениями М.И. Ростовцев связывал с массовым переселением сарматских племен в III–II вв. до н. э. в южнорусские степи. Он строил свои предположения о различиях культуры этих народов на реконструкции исторической ситуации в евразийских степях и использовал небольшое количество археологических коллекций. Основной характеристикой звериного стиля сарматов М.И. Ростовцев называл полихромия (использование в изделии цветных вставок из камней или стекла) и определенные позы животных (они часто переплетены между собой и скручены) [15, с. 69]. В полихромии М.И. Ростовцев видел влияние Востока, т. к. были аналогичные изделия, например, в позднеахеменидских могилах в Сузах [3, с. 36].

Некоторые ученые начала XX в. писали о том, что звериный стиль кочевников заложен на генетическом уровне. В том числе, Ю.Н. Рерих писал о примеси скифской крови у кочевников Хор Тибета, что, по мнению автора, и объясняет сохранение звериного стиля на протяжении длительного периода времени [9, с. 26]. Однако эту гипотезу можно считать наименее вероятной, т. к. нет достоверного подтверждения.

В 1940-е годы появляется теория об автохтонном происхождении всей сарматской культуры, в том числе и звериного стиля. В соответствии с этой гипотезой сарматская культура в целом, а также сам звериный стиль формировались на местной основе, а приходящие инновации привносили лишь некоторые оттенки (например, отдельные образы животных, которые не характерны для Волго-Донского региона) [2, с. 114].

* Работа выполнена под руководством Лапшина А.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

К.Ф. Смирнов считал, что поволжский вариант савромато-сарматского звериного стиля окончательно сложился не позднее середины VI в. до н. э., и он не имел корней у предшествующих племен бронзового века (позднесрубные, позднеандроновские). Рассматриваемый стиль автор делит на два основных этапа: савроматский (VI–IV вв. до н. э.) и сарматский (III в. до н. э. – II в. н. э.). Деление на эти этапы связано лишь с носителями стилистических особенностей стиля, а также с периодизацией истории савромато-сарматских племен. В некоторых изделиях звериного стиля из южнорусских степей прохоровской (раннесарматский период) культуры К.Ф. Смирнов видел преемственность от савроматского искусства, а значит есть непосредственная связь между вышеизложенными этапами. Он считал, что образы животных в савроматском искусстве навеяны пережитками тотемизма [12, с. 74–75].

Раннесарматский период К.Ф. Смирнов считал временем упадка звериного стиля, т. к. изделия отличались малой выразительностью и большей схематичностью по сравнению с изделиями савроматского периода, однако в последующие века стиль продолжал развиваться. Важным выводом в трудах К.Ф. Смирнова является: «Новый расцвет зооморфного прикладного искусства наблюдается на рубеже н. э. и в первые два века н. э., когда сарматы вместе с другими народами юга Восточной Европы достигают высокого мастерства в торевтике и ювелирном деле» [Там же, с. 83]. По мнению К.Ф. Смирнова, мастера прикладного искусства сарматов при производстве отдельных предметов, которые изготавливались ими на местах использовали известный им опыт древних мастеров Средней Азии, меотов Прикубанья, Северного Причерноморья [Там же, с. 83].

И.П. Засецкая считает, что можно считать ошибочной версией происхождения сарматов от савроматов, т. к. отсутствует их генетическая связь, поэтому видеть преемственность в искусстве этих народов невозможно, а также спорным, по мнению вышеуказанного автора, является суждение о том, что сарматский вариант звериного стиля формировался на местной основе, а другие культуры лишь вносили свои элементы [1, с. 36]. В большей степени вероятен вывод, что местная знать заказывала изделия у мастеров из внесарматских территорий, т. к. существует большое количество аналогов предметов, например, в Древнем Китае [3, с. 39]. Она выдвигает идею о дискретности развития сарматского звериного стиля. Также исследователь считает, что боспорские мастера изготавливали изделия с использованием звериного стиля на заказ для кочевой знати. Чаще всего, по мнению автора, их делали с Пантикапее [Там же, с. 42–45].

Л.Я. Маловицкая поддерживала концепцию преемственности савроматов и сарматов. Предметы, найденные в погребениях раннесарматского (IV–II вв. до н. э.) времени, автор относила к переходному периоду от савроматского (VI–IV вв. до н. э.) к среднесарматскому (I в. до н. э. – II в. н. э.) этапу развития звериного стиля. Л.Я. Маловицкая считала, что изделия звериного стиля чаще всего заказывались за границами сарматской территории. Исследователь высказывала мнение, что полихромный звериный стиль сарматов развивался параллельно скифскому. Очагом возникновения сарматского звериного стиля были Южный Урал и Нижнее Поволжье [5, с. 191].

Некоторые выводы К.Ф. Смирнова и Л.Я. Маловицкой подверглись опровержению с открытием некоторых археологических находок на Алтае, в Сибири, Северном Афганистане. На Алтае и в Сибири находки позволили обозначить отсутствие эволюционной связи между предметами в зверином стиле савроматов Урала и Поволжья и предметами из сарматских погребений Нижнего Дона [10, с. 68]. В третьем регионе были встречены предметы рассматриваемого стиля сарматского периода, которые показали связь сибиро-алтайских племен с греко-бактрийским регионом в виде импортных изделий, что подтолкнуло исследователей к мнению о бактрийском производстве изделий в зверином стиле [11, с. 167].

А.П. Манцевич, на основании анализа золотых украшений из кургана у г. Запорожье, делает вывод, что «источниками предметов полихромного звериного стиля могла быть обильная драгоценными металлами страна с богатыми художественными и техническими традициями, откуда в Северное Причерноморье поступали предметы торевтики в сарматскую эпоху, так же как в предыдущую скиф-

скую» [6, с. 179–182]. По ее мнению, это страна должна располагаться на севере Балканского полуострова. Также она возражает концепции М.И. Ростовцева о том, что центром изготовления таких изделий была Пантикапея, считая, что там не было развитого художественного ремесла, драгоценного сырья и определенных традиций [6, с. 189]. А.П. Манцевич считала, что понятие «сарматский звериный стиль» лишь указывает на время хождения предметов такого стиля, а не показывает его характерных особенности.

Л.С. Клейн в своей работе, основываясь на ряде находок, делает вывод, что изначально звериный стиль сформировался в Западной Сибири (Поиртышье и Поишимье) и оттуда он проник на запад в период миграции сарматских племен. Также он считал, что большая часть сарматских изделий звериного стиля принадлежали именно аорсам [10, с. 232]. Похожая точка зрения была высказана В.П. Шиловым. Он считал, что «древние сибирские племена Алтая и междуречья Оби и Иртыша являлись творцами большинства золотых предметов коллекции Петра I и предметов, найденных при раскопках Калиновского отряда» [13, с. 42].

В.И. Мордвинцева считает, что появление предметов с зооморфными изображениями совпадает по времени (конец II в. до н. э.) с распространением предметов восточного происхождения, что связано с взаимодействием (торговым, военным) сарматов с населением Средней и Центральной Азией, Дальним Востоком [7, с. 75–78].

В.И. Мордвинцева предлагает различные группы и подгруппы звериного стиля:

1. «Ахеменидская» группа полихромного звериного стиля. Характерные черты: использование золота и стеклянной пасты; высокий рельеф; рельефные наплывы на лапах животных; вставки в кастах, которые обведены прочерченной линией.

2. Золото-бирюзовый полихромный звериный стиль. Характерные черты: использование золота, бирюзы и сердолика; высокий рельеф и скульптурность; «бордюры» из одинаковых вставок; детали зооморфных изображений выполнены с использованием листьев аканфа.

3. Центрально-азиатский звериный стиль. Характерные черты: использование золота, бирюзы и стекла; отсутствует фон; рельеф составлен из сходящихся под углом граненных плоскостей; превращение частей тела животных в листовидный орнамент.

4. Центрально-азиатский звериный стиль, подгруппа «звериное барокко». Характерные черты: использование золота, бирюзы и стекла; отсутствует орнамент; закрученность композиции; окончания лап, хвостов, ушей или рогов животных оканчиваются стилизованными головками грифонов.

5. Группа рельефных медальонов, выполненных в сарматском полихромном зверином стиле. Характерные черты: использование золота и стекла; низкий рельеф; малое количество вставок; обилие рельефных орнаментов с насечками.

6. Группа ювелирных изделий с элементами сарматского полихромного звериного стиля. Характерные черты: использование золота, стекла, граната, бирюзы, агата; вставки являются самостоятельными элементами декора, которые располагаются на всем изделии, а не только на теле животных; для ярких цветовых акцентов используются крупные вставки; орнаменты из проволоки и зерни; вторичность фигур животных по отношению к декоративному решению предмета.

7. Геометрический полихромный звериный стиль. Характерные черты: использование золота, стекла, камней; четкие фигуры животных на плоском фоне; составление фигур из ограниченного набора элементов; вставки на теле животных показаны особым орнаментом; бордюры составлены из отдельных частей тела животных [Там же, с. 209–215].

В.И. Мордвинцева впервые предложила такую обширную классификацию, однако, на наш взгляд, у нее есть существенные недостатки, т. к., например, изделия, выполненные из бронзы в зверином стиле не отнесены ни в одну группу.

С.А. Яценко в своем исследовании писал о несостоятельности теории о бактрийском происхождении всех изделий, выполненных в золото-бирюзовом полихромном стиле. Он пишет о том, что многие

зооморфные и антропоморфные сюжеты не совпадают, поэтому нельзя судить об этом взаимодействии нескольких культур [14, с. 173–179].

Проблема изучения происхождения звериного стиля кочевников заключается в том, что, как правило, исследователи рассматривали звериный стиль как большое, целое явление, не привлекая широкий круг археологических источников. В силу этого, нередко характерные особенности одной группы находок в зверином стиле проецировались на сарматскую культуру в целом, которая, в свою очередь, имела выраженные локальные хронологические и территориальные особенности.

Литература

1. Битюшкова А.А. Звериный стиль в культуре сарматов: историографический обзор // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». 2018. № 3(20). С. 34–37. [Электронный ресурс] URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1527845966.pdf> (дата обращения: 26.11.2019).
2. Граков Б.Н. ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 100–121.
3. Засецкая И.П. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // Советская Археология. 1989. № 3. С. 35–47.
4. Клейн Л.С. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 228–234.
5. Маловицкая Л.Я. Сарматское искусство // История искусства народов СССР: в 7 т. М.: Изобразительное искусство, 1971. Т. 1. С. 189–195.
6. Манцевич А.П. Находка в Запорожском кургане (к вопросу о сибирской коллекции Петра I) // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 164–193.
7. Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь: Универсум, 2003.
8. Мордвинцева В.И. Сарматский звериный стиль и возможности этнических реконструкций // Археологический альманах. 2010. № 21. С. 345–372.
9. Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. М.: Междунар. центр Рерихов, 1992.
10. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1952.
11. Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М.: Наука, 1989.
12. Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 74–89.
13. Шилов В.П. Погребения сарматской знати I в. до н.э. – I в. н.э. (предварительное сообщение) // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1956. Вып. IX. С. 42–45.
14. Яценко С.А. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделий в Сарматии I–II вв. н. э. // Нижневолжский археологический вестник. 2000. № 3. С. 172–175.
15. Rostovtzeff M.I. The Animal Style in South Russia and China // Princeton Monographs In Art and Archaeology. Princeton, 1929. Vol. XIV.

ANASTASIYA BITYUSHKOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

CONSIDERING THE ISSUE OF THE ORIGIN OF THE ANIMAL STYLE OF THE SARMATIANS IN THE URAL-VOLGA REGION

The article deals with the historiographic review of the issue of the origin of the Sarmatians' animal style as a particular marker of the culture of the ancient nomads. There are given the opinions of the different authors considering the general issues of the Sarmatians culture and the issue of the animal style.

Key words: early Iron age, the Sarmatians, the Ural-Volga region, animal style, polychromy, historiography.

УДК 94(47)

С.Н. БУДНИКОВ
(budnikov34@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ДОНУ*

Рассматривается попытка государства провести земскую реформу на Дону. Краткий анализ и обзор политической ситуации на Дону во второй половине XIX в. позволяет оценить действия по внедрению реформы в развитие региона, отметить положительные и отрицательные результаты земской реформы в Войске Донском.

Ключевые слова: казачество, земская реформа, донское казачество, Войско Донское, система управления, реформы, местное самоуправление.

Одним из ключевых либеральных преобразований второй половины XIX в. стала земская реформа, внедрение которой началось в 1864 г. Разработка проекта этого преобразования началась еще в 1859 г., но нормативная документация была готова спустя несколько лет, и еще не один год потребовался для постепенного появления земств в 34-х губерниях Российской империи.

Осуществление земской реформы на земле донского казачества было затянутым и качественно иным по сравнению с общегосударственной реформой.

Адаптация управленческого механизма на Дону была актуальной задачей в связи с изменением состава населения донских земель, развитием экономики и трансформацией системы управления. Инициатива приобщения к земской реформе исходила от войскового наказного атамана М.Н. Граббе, который в 1865 г. обратился с просьбой организации на Дону временного комитета по выработке земской реформы [2, с. 34]. Впоследствии в 1866 г. с этой целью было создано «Положение об образовании в г. Новочеркасске особого временного комитета для составления положения о земельных учреждениях в войске Донском» [6, с. 219]. Данный комитет проработал на протяжении года. Возглавлял его войсковой наказной атаман, председательствовал генерал-адъютант А.Л. Потапов. Также в составе комитета находились представители всех сословий и члены присутственных мест. Периодически в деятельности комитета участвовали станичные депутаты. Разработанный проект реформы в конце 1866-го года был вынесен на согласование в Главное управление Иррегулярных войск, который вынес вердикт о несоответствии проекта законам, принятым и функционирующим в Войске Донском.

Новая комиссия, под председательством генерал-адъютанта Г.И. Черткова, должна была пересмотреть проект с учетом особенностей законодательных традиций казачьих земель. В итоге Г.И. Чертков выступил со следующей резолюцией по выполненной работе: «Комиссия эта <...> приступила к пересмотру проекта прежнего комитета и, проверив его с позднейшими законоположениями о земских учреждениях в Империи <...> и нашла, что для применения к Донской области положения о земском управлении, как это было принято комитетом в 1867 г. не представляется необходимости <...> составлять особенный новый проект положения и правила соответственно для Донского края... ограничиться лишь необходимыми дополнениями к общему положению правилами, определяющими особенностями края...» [14, с. 206].

В качестве тех самых особенностей генерал-адъютант перечислял именно те специфические черты политического и экономического развития края, которые были указаны выше в качестве причин обособленной реализации земской реформы в Области Войска Донского.

После рассмотрения нового проекта военным министерством для реализации реформы в Новочеркасске принялись за открытие Особого о земских повинностях присутствия. За время своего суще-

* Работа выполнена под руководством Соловьевой С.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ствования с 1869 по 1875 гг. присутствие уделило особое внимание порядку взимания налогов и несения земской натуральной повинности. В результате к 1875 г. был сформулирован главный документ для реализации земской реформы на Дону – «Правила о применении к Области войска Донского Положения о земских учреждениях» [4, с. 566].

Главной задачей данного документа провозглашалось последовательное становление системы местного самоуправления в Области Войска Донского. При этом земства на казачьей земле не перекликались в своей работе с правительственными и сословными учреждениями и не вмешивались в дела друг друга. Для реализации поставленной задачи в том же году был создан Областной временный комитет по введению земских учреждений, а также ассистирующие ему окружные временные комиссии. Во главе этих комиссий находились представители дворянства, которые организовали съезды по избранию гласных в окружные земские собрания. Данные выборы осуществлялись с применением сословного, имущественного и возрастного ценза. Этот факт отличал проведение земской реформы в Области Войска Донского от механизма реализации реформы в других регионах страны. От участия в выборах были отстранены иногородние жители, женщины и рабочие, не платившие налогов. Существовал и имущественный ценз для землевладельцев.

Выборы были куриальными. Первая курия была представлена землевладельцами, шахтовладельцами и коннозаводчиками. Вторая курия состояла из представителей торговли. Третья курия – представителей станичных сообществ, а четвертая – крестьянских сообществ. Логично, что большинство гласных земств являлось представителями землевладельцев и казаков-управленцев.

Выборы в окружные земства проводились раз в три года, а собрания окружных земских управ – ежегодно или чаще в случае необходимости. Гласными не могли стать Войсковой наказной атаман, член Областного правления, начальник штаба или областной прокурор. Эти ограничения должны были гарантировать отсутствие давления при решении тех или иных вопросов земскими управами. Однако на практике атаман и военное министерство часто вмешивались в деятельность управ, ограничивали возможность коммуникаций представителей земств между собой. Кроме того, первые три года среди гласных не могло оказаться членов управ или чиновников в виду наличия у них земельной собственности, что также рассматривалось как предвзятое положение в ряду остальных земских представителей.

Основной функционал донских земств заключался в решении хозяйственных вопросов и задач местного благоустройства. Источником бюджета земств являлись регулярные налоги с земли, промышленных объектов и торговли.

Налоговая политика земских учреждений не учитывала особенности каждого округа, вследствие чего уравнительная система налогообложения внесла диссонанс в их экономическое развитие. В первую очередь налогами облагались удобные доходные земли и предприятия. Если прежде часть расходов по земским сборам компенсировалась из войскового капитала и станичных касс, то теперь налоги собирались со всех поголовно. Эта тенденция свела к нулю прибыльность угледобывающих предприятий, привела к экономическому кризису землю северо-восточных округов (Хоперский, Усть-Медведицкий), в которых земля принадлежала станичным обществам.

При этом земства тщательно удерживали от каких-либо ходатайств в сторону общегосударственных органов о помощи в решении нужд и острых потребностей. Таким образом, «наверху» совсем не хотели видеть в земских управах сколь либо полноценный орган местного самоуправления. Правительство усердно хваталось за любые конфликтные инциденты в отношении земств. Так, очередные выборы гласных на срок 1879–1881 гг. сопровождалось недовольством некоторых станичных обществ относительно уплаты земских сборов. Военное министерство удачно воспользовалось этим предлогом, приравняв его к отказу земств пользоваться собственной управленческой волей и «пошло навстречу» забастовщикам, организовав комиссию по разбору претензий казаков к земской власти под руководством войскового наказного атамана генерал-майора Н.А. Маслаковца.

Комиссия усмотрела в подобных настроениях казачьего населения попытку уклониться от перехода в податное сословие, от уплаты земских сборов, а также своеобразный протест в ухудшающихся экономических условиях в этом регионе. Свои соображения для несогласия с действиями земств были у землевладельцев и представителей торговли. Основным же мотивом неприятия считалось нарушение древних устоев, в соответствии с которыми казаки всегда признавали лишь военное управление, а земства не только представляли собой гражданскую власть, но и удваивали власть как таковую. В условиях напряжения социально-политической ситуации на Дону любые негативные факторы могли иметь решающий характер. Для судьбы земств таковым стала русско-турецкая война 1877–1878 гг., которая усилила финансовую нагрузку на регион и повлекла новые потери в численности населения Дона. Так, к 1882 г. недоимки по земским сборам составляли уже порядка 1189425 руб., 68 станиц отказались от уплаты сборов, 34 станицы игнорировали переизбрание гласных [8, с. 28].

Итогом работы данной комиссии и последовавшей за ней в 1881 г. очередной «Комиссии 106-ти» стало принятие решения о прекращении деятельности земств на территории Войска Донского оформленного в виде закона о временном приостановлении действия узаконений о земских учреждениях в Области Войска Донского от 23 марта 1882 г. [5, с. 135].

В истории Области Войска Донского земства просуществовали всего 6 лет. За это время было проведено шесть заседаний окружных земских собраний. Ввиду разделения между различными ведомствами управленческих и хозяйственных вопросов, не удалось избежать дублирования в решении одних и тех же задач разными инстанциями и соответствующих противоречивых результатов. Этот факт стал одной из главных причин, по которой дальнейшее существование земств в 80-х гг. XIX в. стало под сомнение.

В период контрреформ Александра II войсковой наказной атаман Н.И. Святополк-Мирской обратился с просьбой о реорганизации земских учреждений.

В 1882 г. властью предпринимались попытки очередного введения системы земств в казачьих землях, в рамках которых разрабатывалось положение о земско-хозяйственном управлении в Донской области. Комиссия по работе над этим проектом должна была состоять из представителей всех сословий, чтобы максимально нивелировать напряженную ситуацию между сторонниками и противниками земств.

Свою работу комиссия под предводительством генерала А.В. Кутейникова начала в 1884 г. Подготовленный ею проект разительно отличался от основополагающих принципов земских учреждений, озвученных в Положении 1864 г. В частности, были ощутимо урезаны избирательные права, сокращались компетенции земств, напротив, увеличивался функционал войсковой администрации, предоставлялись новые льготы для казачьего населения [12].

Однако существование земств на таких условиях в той ситуации было гораздо более конструктивным решением, нежели полное исчезновение этой системы самоуправления.

Проект был подготовлен к 1885 г. и передан на рассмотрение Военного министерства. Однако казаки снова выступили с протестом, в результате чего местное самоуправление так и не нашло нужной формы самовыражения, а казачество лишь закрепило за собой и без того тяжелые налоги.

В 1888 г. в Область Войска Донского были включены территории Ростовского уезда и Таганрогского градоначальства, после чего в них также был отменен институт земских учреждений. Впоследствии борьба за земства неоднократно активизировалась. Например, в 1890 г. вышло новое земское положение – закон «О земских начальниках» [7].

В этом положении учитывалась совершенно иная политическая ситуация на Дону, а именно: новое территориальное деление региона с учетом присоединенных земель (теперь существовало 9 округов), население Области войска Донского пополнилось представителями не казачьего происхождения, казаки оказались в меньшинстве, усложнилась правовая система. По этим и другим причинам данное

положение было отвергнуто правительством в 1895 г. при условии допустимости сохранения земских учреждений с полномочиями, учитывающими местные особенности. Для упорядочивания системы в 1896 г. в Новочеркасске была создана очередная комиссия.

Регулярное обращение к вопросу восстановления земства в Области Войска Донского можно объяснить не только определенной долей влияния, оказываемого со стороны дворянства в попытках сохранить свой политический вес, но и реальной необходимостью создания такой управленческой системы, которая бы оперативно восстановила экономическое положение региона, чья хозяйственная жизнь находилась в запущенном состоянии. Действующие в этот нестабильный период областные и окружные распорядительные комитеты не могли справиться с потоком насущных задач по причине ограниченных полномочий, малочисленность и некомпетентность представителей этих организаций [3].

Специальной комиссией под руководством А.М. Грекова в 1899 г. было разработано новое положение о земствах, которое несло в себе коррективы, связанные с управленческой и территориальной спецификой Области Войска Донского. Преобладающую роль в работе земств должно было играть донское дворянство – 108 человек из 285 гласных. Войсковое собрание было представлено 34 гласными. Также в новых земствах могли появиться специальные лица, назначенные администрацией. Проект земств рассматривался Особым совещанием представителей заинтересованных министерств, Государственного контроля и войска Донского под председательством помощника начальника ГУКВ Н.М. Лемана [13, с. 721–722].

Особое совещание провело порядка 20 заседаний в период с 1901 по 1904 гг., результатом которых стало все большее признание необходимости и конструктивности возобновления работы земств в Области Войска Донского. Единственным препятствием эффективности земств являлась сложность в поиске компромиссов между решениями дворянских собраний и интересами местного казачьего населения. К 1904 г. была подготовлена записка, ходатайствующая о восстановлении земских учреждений. Важной особенностью этого документа стала инициатива передачи земств в подчинение МВД вместо Военного министерства. Обуславливалась эта идея тем, что запущенность экономической и культурной ситуации в регионе была прямым следствием приоритета военных вопросов для Военного министерства. Однако в 1904 г. рассмотрение предложения было приостановлено министром А.Н. Куропаткиным. Наиболее вероятной причиной для подобной реакции стало нежелание Военного министерства поступаться полнотой своей власти. Кроме этого, принятие очередного решения относительно судьбы земств совпало с очередными военными действиями – русско-японской войной. Неудачный опыт внедрения реформ в период усиленной военной нагрузки на казаков в данном случае был учтен.

Слабые попытки снова обратиться к вопросу земских учреждений на Дону предпринимались в 1905–1907 г. на волне общероссийских волнений, а также после первой революции в рамках работы 3-й Государственной думы, где донские депутаты были представлены так называемой «донской группой» и «казачьей фракцией». Однако в условиях первой революции было крайне нелогично усложнять положение казачества, и без того готовящегося к военной службе за свой счет и продолжающего платить весьма ощутимые налоги.

В 1908 г. донскими депутатами был внесен законопроект «О земстве на Дону», который рассматривался специально созданной комиссией [9, с. 20].

Февральская революция 1917 г. заставила пересмотреть саму суть идеи о земских учреждениях в контексте актуальных реформ Временного правительства, которое инициировало повсеместное преобразование системы местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права. Л.Е. Лаптева в своем исследовании истории земских учреждений отмечает, что особым совещанием Временного правительства была поставлена точка в разработке проекта земских учреждений в Донской, Кубанской и Терской казачьих областях [11, с. 123].

В Области Войска Донского предполагалось открыть областное земское собрание и 9 окружных собраний. Проект этих собраний рассматривался на I Войсковом казачьем съезде войска Донского в Новочеркасске в 1917 г. [1, с. 53].

На данном съезде предлагалось возобновить казачий круг как управленческую структуру и совместить его работу с земским управлением. Также на съезде определялся порядок выборов в станичные, волостные, окружные и областные земские собрания, оговаривался функционал каждого из них. Однако, как это и прежде бывало, текущие революционные события внесли корректировки в приоритеты управляющего звена Области Войска Донского, и проект собраний отошел на второй план.

Таким образом, решающего значения учрежденные на Дону земства не возымели. Тем не менее, проведением в таком уникальном виде земской реформы на Дону служило воплощением идеи выборности и всеобщности в рядах местного управления. Также решения земств впоследствии привнесли много конструктивных изменений в сферах народного образования и медицины. Так, например, в 1870-х гг. число учащихся в местных донских школах увеличилось в 6 раз [10, с. 123].

Соответственно, поднимался и уровень грамотности в среде казачьего населения. Улучшилась работа почтовой службы, за счет роста количества станций до 300 единиц. Также определенное влияние земские учреждения оказали и на распространение либерального движения как на Дону, так и в других регионах страны.

Работу земских учреждений в донских землях нельзя назвать внятной и конструктивной. Она всегда была скорее тяжелым процессом поиска компромиссов и полумер. Проведение в Войске Донском земской реформы свидетельствовало о реальности предпринятых шагов по привлечению низших сословий к политическому управлению, путем предоставления некоторым из них избирательного права. Также данный управленческий эксперимент говорит об изменениях в социально-политическом положении правящего класса, чье монопольное влияние на политику пошатнулось. Важно отметить, что из всех казачьих территорий земская реформа была осуществлена только в донских землях.

Литература

1. Брызгалова И.Г. Разработка земского самоуправления в казачьих районах Дона, Кубани и Терека после Февраля 1917 г. // Проблемы казачьего возрождения: сб. науч. ст. Ростов-на-Дону, 1995. Ч. 2.
2. Будников С.Н. П.Х. Граббе – наказной атаман Войска Донского. // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2019. № 5(28). С. 34–37. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1569926480.pdf> (дата обращения: 31.10.2019).
3. Волвенко А.А. Восстановление Донского земства: упущенные возможности (1882–1917 гг.) // Казачество XV–XXI вв. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cossackdom.com/articles/v/vovlenko_vostanov.htm (дата обращения: 30.10.2019).
4. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О введении в Области Войска Донского земских учреждений» № 54758 от 1 июня 1875 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 2-е собр. Т. 50. СПб., 1877.
5. Высочайше утвержденное мнение Соединенных Департаментов Законов и Государственной экономики Государственного Совета «О временном приостановлении действия узаконений в земских учреждениях в Области Войска Донского № 759 от 23 марта 1882 г.» // ПСЗ. 3-е собр. Т. 2. СПб., 1886.
6. Высочайше утвержденное положение Военного Совета Об образовании в городе Новочеркасске особого временно-го Комитета для составления положения о земских учреждениях в Войске Донском № 43065 от 1 марта 1866 г. // ПСЗ. Т. 41. СПб., 1868.
7. Высочайше утвержденное Положение о земских участковых начальниках № 6196 от 12 июля 1889 г. // ПСЗ. 3-е собр. Т. 9. СПб., 1891.
8. Греков А.М. Очерки экономического и хозяйственного быта населения Донской области. Таганрог: Тип. К.Д. Чумаченко, 1905.
9. Ефремов И.Н. Донское земство. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума (отд-ние), 1912.
10. История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2001.
11. Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. М.: ИГПИАН, 1993.
12. Объяснительная записка к проекту Положения о Донском земском управлении (материалы комиссии ген.-майора Кутейникова) // Донская электронная библиотека. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dspl.ru/elib/pages/collections/details.aspx?id=21> (дата обращения: 28.10.2019).
13. Столетие военного министерства. 1802–1902. СПб.: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1902. Т. XI. Ч. 1. С. 721–722.
14. Шишкова И.Л. Земский избирательный процесс в Области Войска Донского // Запад – Россия – Кавказ: Межвузовский научно-теоретический альманах. Вып. 2. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2003.

SERGEY BUDNIKOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

ORGANIZATION OF ZEMSTVO INSTITUTIONS ON THE DON

The article deals with the attempt of the state to carry out the Zemstvo Reform on the Don. A brief analysis and review of the political situation on the Don in the second half of the XIXth century allow to evaluate the actions of implementing the reforms in the development of the region, to note the positive and negative results of the Zemstvo Reform in the Don Cossack Host.

Key words: *the Cossacks, Zemstvo Reform, the Don Cossacks, the Don Cossack Host, management system, reforms, local self-government.*

УДК 93/94

Д.Р. ДУНЯМАЛИЕВА
(veresaevadia@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЦАРИЦЫНА-СТАЛИНГРАДА-ВОЛГОГРАДА: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Анализируется и сравнивается деятельность и значение общественных организаций в Царицыне-Сталинграде-Волгограде в начале XX в. (до 1917 г.), в 1920 и 1990-е гг. Рассматривается правовая база существования общественных организаций, преемственность в их функционировании.

Ключевые слова: общественная организация, государство, общество, нормативно-правовая основа деятельности общественных организаций, направления деятельности общественных организаций.

Общественные организации являются одним из способов выражения общественной жизни. Общественная организация – добровольное объединение людей, возникшее для реализации их интересов. Можно проследить роль их деятельности на примере рассмотрения 3 периодов в истории Царицына-Сталинграда-Волгограда: начала XX в. (до 1917 г.) – когда после первой русской революции происходило массовое, активное создание и работа негосударственных организаций, отношение которых с властью развивалось в сторону кооперации; в 1920-е годы – когда в стране происходили серьезные изменения, утверждалась новая власть, не имевшая отчетливой позиции в отношении общественного развития, стремившаяся найти содействие в обществе, а также механизмы контроля над ним; в 1990-е годы – когда перед правительством вновь встала задача поиска путей и форм взаимодействия с обществом и общественными учреждениями в уже новой обстановке внутри страны.

Каждый из этих этапов является переходным, кризисным в истории нашей страны, когда перед правительством стояла задача быстрого переустройства и модернизации во всех сферах общества. Достижение этого было невозможно без привлечения потенциала общества и взаимодействия с ним и его институтами в разных формах. В условиях современной модернизации государства региональная общественная деятельность может стать силой, определяющей новые пути развития. В связи с этим актуальным становится обращение к прошлому в поисках оптимальных моделей взаимодействия государства с обществом, обращение внимания на влияние и значение работы общественных организаций в разных исторических условиях.

В обозначенные отрезки времени у царского, советского и российского правительства отсутствовала возможность регулировать многие отрасли жизни, общественные организации, которые выступали в провинции центрами социальной активности, возникали в следствие инициативы «снизу», заменяли или восполняли действия государственных институтов.

Под термином «общественная организация», во все отмеченные временные рамки, понималось схожее с отличительными особенностями содержание. В законе «О временных правилах об обществах и союзах» от 1906 г. закреплялось следующее понятие: «Обществом считается соединение нескольких лиц, которые, не имея задачи получения для себя прибыли от ведения какого-либо предприятия, избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель» [10, с. 78]. В «Положении об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли» от 1928 г. говорилось, что «общество – добровольное объединение граждан, которые предметом совокупной деятельности избирают определенную постоянную цель, не связанную с извлечением материальных выгод для участников объединения или удовлетворением их экономических потребностей» [5]. В Гражданском кодексе РФ от 1995 г. излагается определение, на котором основывается работа обществ: «Общественными организациями признаются добровольные объединения граждан, объединившихся в установленном законом поряд-

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ке на основе общности их интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей, для представления и защиты общих интересов и достижения иных не противоречащих закону целей» [2].

В каждый период времени создание и деятельность общественных организаций базировалась на разной правовой основе, регламентировавшей их жизнедеятельность.

Царицын начала XX в. являлся бурно развивающимся, промышленным городом, в котором социокультурная жизнь несколько отставала от темпов экономического развития. Приток и усилившееся расслоение населения, потребности жителей вызвали появление разнообразных нужд, отразившиеся в деятельности общественности. До 1906 г. в Российской империи не существовало специального закона, регламентировавшего порядок образования и функционирования общественных организаций (этим ведала местная администрация в губерниях). В 1906 г. вышел закон «О временных правилах об обществах и союзах», законодательно закрепивший передачу организаций в ведение новых органов – Губернских по делам об обществах присутствий. Общественные организации могли быть образованы без разрешения власти. Также контроль осуществляли губернатор, органы полиции, жандармерии [10, с. 79–80]. Государство вмешивалось в общественную жизнь, пыталось сдерживать количество общественных организаций, подозрительно относилось к их деятельности [11, с. 3, 27].

В начале XX в. общественные организации оказывали большое влияние на благоустройство города. Наиболее востребованными и распространенными по количеству обществ были здравоохранительные и благотворительные учреждения. Большое значение для города имели: Общество содействия внешкольному образованию, Человеколюбивое общество [12, с. 42, 44], Царицынское отделение Общества Красный Крест [13, с. 273].

В 1920-е годы в Царицыне-Сталинграде сложилась тяжелая ситуация, созданная Гражданской войной, голодом, а впоследствии НЭПом, породившая условия для активного создания новых общественных организаций. С начала и до середины 1920-х годов, благодаря принятым постановлениям в 1922 г. «О порядке учреждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними», а затем в 1925 г. «О порядке утверждения уставов и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и распространяющих свою деятельность на территорию всего Союза ССР, и о надзоре за ними», происходило увеличение численности общественных организаций, обладающих большой автономией [3, 9]. Во второй половине 1920-х гг. советское государство, выйдя из обстановки кризиса, выработав методы само функционирования и способы взаимодействия с обществом, считало, что общественные организации должны служить государственным интересам, следствием этого является тенденция огосударствления работы организаций, подчинения их партийным органам, завершившаяся принятием в 1928 г. «Положения об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли» [8]. Усложнялся порядок возникновения новых общественных организаций, уменьшалась их самостоятельность. Регистрация уставов происходила в НКВД или его местных органах, теперь нужно было согласовывать вопрос их утверждения с крупными общественными объединениями, Государственным Политическим Управлением. Большими полномочиями в осуществлении контроля обладали Организационно-инструкторский, Агитационно-пропагандистский, Секретный отделы ЦК партии.

Характерной чертой в деятельности общественных организаций 1920-х г. стало содействие новой власти, выполнение ее программных установок. Государство выступало инициатором создания некоторых объединений, основной целью которых была широкая воспитательная, пропагандистская, военно-патриотическая работа в соответствии с задачами партии, например, Международная организация помощи борцам революции (МОПР) [16]. Уже существующие общественные организации, реализуя в своей деятельности цели объединения, также параллельно, выступая в роли вспомогательного средства, занимались решением агитационных, оборонно-хозяйственных, идеологических задач государства (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству или Осоавиахим). Большое значение придавалось борьбе с дореволюционными мировоззренческими ценностями,

традициями, религией, которая осуществлялась, главным образом, обществом «Союз безбожников». В это десятилетие деятельность организаций приобрела более широкой, массовой характер [1, с. 78]. По определению исследовательницы этого периода И.Н. Ильиной, в истории общественных организаций это был «золотой век» [5].

С 1990 по 1995 г. действовал закон СССР 1990 г. «Об общественных объединениях». В 1995 г. российской властью был принят федеральный закон «Об общественных объединениях». Люди могли создавать любые общественные объединения, за исключением запрещенных законом, без предварительного разрешения органов власти. Регистрация организаций производилась Министерством юстиции либо органами юстиции соответствующего субъекта. Контроль осуществляют финансовые органы, органы прокуратуры, орган, зарегистрировавший устав объединения. Государство не вмешивается в деятельность общественных организаций, но может оказывать поддержку [4, 16].

На подъем деятельности общественных организаций в 1990-е годы оказали влияние: отказ государства от социальных обязательств, создание экономических условий; резкое снижение общекультурного уровня населения; расширение свободы действий. При этом отсутствовали механизмы учреждения, работы объединений без контроля и участия со стороны государства. Также примерно с середины 1990-х годов некоторые общественные организации оказались сферой интереса иностранных фондов.

Заметными вопросами, которые получили отображение в создании ряда общественных объединений, стали проблемы женщин и наркомания, например, общество «Мария – матери против наркотиков», Общественная организация «Волгоградский областной союз женщин» [6]. Продолжала деятельность уже в новых исторических условиях Волгоградская областная общественная организация Всероссийского общества «Знание» [17, с. 191]. Однако среди всех видов общественных объединений все же преобладали благотворительные общества [15, с. 139].

В деятельности и формах работы общественных организаций обозначенных периодов видна схожесть, в некоторых случаях преемственность.

Общественные организации спланировали людей для решения важных региональных проблем, формировали самосознание людей. Они сотрудничали с органами местного самоуправления по разнообразным вопросам (здравоохранение, народное просвещение, организация досуга, социальное обеспечение, хозяйствование).

Продолжали действовать организации, возникшие в более ранние периоды, также происходило стремительное образование новых. Всех их можно подразделить на две категории: организации социокультурного типа, занимающиеся формированием культурной среды (здравоохранительные, просветительские общества), и организации социальной защиты, нацеленные на улучшение социально-бытовых условий жизни населения (общества взаимопомощи, благотворительные организации) [7, с. 11, 15].

Формами работы являлись: агитация с помощью литературы, организация благотворительных мероприятий для сбора денег, создание музеев, народных домов, клубов, школ, больниц, проведение общедоступных лекций и чтений.

Большая численность, разнонаправленная деятельность общественных организаций способствовали реализации различных интересов людей, решению общенациональных, региональных, социально значимых проблем (борьба с алкоголизмом, ликвидация неграмотности, решение проблем социально незащищенных слоев населения) [5].

Таким образом, несмотря на разные исторические условия, формы политической власти, правовые рамки, можно отметить, что деятельность общественных организаций на протяжении XX в. имела много общих черт в функционировании, они решали схожие проблемы, стоящие перед регионами и государством в целом. Отличия в основном были связаны с особенностями некоторых задач организаций, с формами сотрудничества обществ с государством. Усиление общественной активности, происходившее в обозначенные временные периоды, привело к созданию большого количества различных организаций, что указывает на способность общества к саморазвитию и самоорганизации.

Литература

1. Богачева Л.Ю. Деятельность антирелигиозного общества в 1920-е годы в Нижневолжском регионе // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2007. № 3(21). С. 77–81.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 12.11.2019).
3. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О порядке учреждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними» от 3 августа 1922 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1372.htm (дата обращения: 18.11.2019).
4. Закон СССР от 09.10.1990 № 1708-1 «Об общественных объединениях». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1883/ (дата обращения: 16.11.2019).
5. Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000 // Архивы Российской Академии наук. [Электронный ресурс]. URL: <http://arhan.ru/?q=ru/ilina1> (дата обращения: 04.11.2019).
6. Курилла И.И. Гражданское общество и государство в Волгограде: поляризованная модель низовой демократии // Отечественные записки. 2005. № 6(27). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/grazhdanskoe-obshchestvo-i-gosudarstvo-v-volgograde-polyarizovannaya-model-nizovoy-demokratii> (дата обращения: 19.11.2019).
7. Окатов А.В. Общественные организации как фактор социокультурного развития региона: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Тамбов, 2006.
8. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «Положение об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли» от 6 февраля 1928 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3417.htm (дата обращения: 18.11.2019).
9. Постановление ЦИК, СНК СССР «О порядке утверждения уставов и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и распространяющих свою деятельность на территорию всего Союза ССР, и о надзоре за ними» от 9 мая 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18604#07787041457449739> (дата обращения: 18.11.2019).
10. Столыпин П.А. Программа реформ: документы и материалы: в 2 т. / общ. ред. П.А. Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1.
11. Туманова А.С. Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций России в начале XX века: Историко-юридическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.
12. Туманова А.С. Добровольные ассоциации как основа для формирования нового типа организации социума в дореволюционной России // Проблемы российской истории в исследованиях тамбовских учёных: сб. статей Междунар. науч. конф. Тамбов, 2010. С. 41–50.
13. Тушканов Д.И. Благотворительная деятельность в Царицыне в начале Первой мировой войны (по материалам периодической печати) // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2015. № 5(100). С. 272–277.
14. Фан И.Б. Общественные объединения в современной России: проблемы, гипотезы, принципы исследования // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 1999. № 1. С. 128–141.
15. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения: 14.11.2019).
16. Халимова А.С. Сравнительно-исторический анализ уставов Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2018. № 8(131). С. 190–194.

DIANA DUNYAMALIEVA

Volgograd State-Socio Pedagogical University

PUBLIC INTEREST ORGANIZATIONS OF TSARITSYN-STALINGRAD-VOLGOGRAD: LEGAL FOUNDATION AND DIRECTIONS OF ACTIVITIES

The article deals with the analysis and the comparison of the activities and the significance of the public interest organizations in Tsaritsyn-Stalingrad-Volgograd in the early XXth century (before 1917) in 1920–1990s. There is considered the legal foundation of the existence of the public interest organizations and the tradition of their functioning.

Key words: public interest organization, state, society, legal and regulatory framework of public interest organizations, directions of the activities of public interest organizations.

УДК 93/94

М.А. КАЗЕЕВА

(maruikazeeva@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА II В ФОТОДОКУМЕНТАХ*

Характеризуются некоторые аспекты социокультурного развития России в период царствования Александра II на основе анализа опубликованного фотодокументального материала рассматриваемого периода. Делается вывод о необходимости использования фотодокументов для подтверждения уже существующей исторической действительности и раскрытия прежде неизвестных фактов прошлого.

Ключевые слова: *история России, социокультурное развитие России, эпоха Александра II, аудиовизуальные источники, фотодокументы, историко-культурное наследие.*

На современном этапе развития общества трудно найти сферу жизни, которая не была бы отражена в аудиовизуальных источниках, под которыми принято понимать кинофотофонодокументы (КФФД). Развитие науки позволяет утверждать, что кино-, фото-, фонохроника является источником информации для изучения явлений и процессов прошлого и настоящего. Проблемой является то, что значительная часть исследователей привлекает фотодокументы исключительно в виде иллюстраций к тексту, без анализа и пояснения содержания. К тому же, в виде дополнения к тексту чаще всего выступают наиболее популярные (растиражированные) снимки, фрагментарно реконструирующие описываемые процессы, явления и факты, следовательно, не раскрывающие историческую картину в полной мере. Подчеркнем, письменные источники для исследователя являются приоритетными, однако объективность исследования достигается путем использования различных видов источников.

Причину слабой заинтересованности в изучении визуальных источников как самостоятельного носителя знаний выделил доктор исторических наук, специалист кафедры аудиовизуальных документов и архивов Историко-архивного института РГГУ В.М. Магидов. Он констатирует, что визуальные источники содержат сведения, которые кажутся само собой разумеющимися для современников, поэтому они не находят отражения в письменных источниках. Только КФФД со своей спецификой становятся носителями таких данных, но в научном мире отсутствует общепринятая система работы с ними [12]. Исследователь Е.И. Щербакова отмечает необходимость использования специальных методик и технологий при анализе визуальных источников, которые позволят «интерпретировать зрительные образы не как иллюстрацию к письменному источнику, а в качестве особого вида текста, требующего “расшифровки” в рамках того дискурса, в котором он возник» [17, с. 475]. Подтверждая свою мысль, Е.И. Щербакова обращается к совместному исследованию К. Лидина и Марка Мееровича «“Визуальный кадр” как метод анализа элементов визуальной среды обитания». Авторы двух разных профилей пришли к единому мнению: составляющие визуальной среды обитания человека образуют зеркальное отображение системы ценностей [Там же, с. 476].

Имея ряд общих особенностей, кино-, фото- и фонодокументы отличаются специфическими чертами. В современном мире фотография выступает как самая доступная форма «остановки мгновения», большая часть единиц которой сейчас объединена в общедоступные архивы. Многие исследователи гуманитарных и социальных наук обращают внимание на важность фотохроники. Теория фотографии была впервые изложена С. Сонтаг (1977 г.). В сборнике эссе «О фотографии» автор не только раскрывает феномен «документальной фотографии», прослеживается переосмысление данного источника и показывается его роль и место в современном мире [14]. В.В. Савчук исследует связь фотографии и актуального искусства, анализирует мир современного искусства фотографии на примере Петербургских фотографов [13]. В. Флоссер обращает внимание на философские аспекты фотографии [16].

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

А.В. Шиленин исследует фотографию как одно из важнейших средств общения в современном обществе [18]. В то же время, работ, где фотоснимки выступают в качестве самостоятельного объекта изучения для извлечения исторической информации, недостаточно [15], т. к. деятели науки сталкиваются с рядом препятствий, главным из которых выступает отсутствие общепринятой системы анализа.

Целью работы является исследование фотодокументальной базы периода царствования Александра II и доказательство важности ее использования как самостоятельного источника при изучении социокультурной жизни России второй половины XIX в.

Целью были predetermined задачи: провести анализ общедоступной фотодокументальной базы периода; визуализировать социокультурное развитие России в период царствования Александра II.

Примечательным в данной связи является рассмотрение аудиовизуальных источников прошлого, которые создавались в условиях дефицита материалов и времени. Для получения желаемого результата автор должен был тщательно продумать социально значимую идею и учесть каждую деталь. Только так продукт мог приобрести особую ценность и не стать пустой тратой огромных усилий. В свою очередь это обуславливало особенность фотографии той эпохи – отображение постановочной жизни без динамики на снимках. Тогда, когда картины великих художников второй половины XIX в. отображали переломные процессы жизни общества во всем их разнообразии. Однако изобразительное искусство, обращаясь к более обширным сюжетам, умаляет важность детализации. В этом оно всегда будет уступать фотографии. Мимика, «язык тела», обстановка, предметы быта и детали одежды и архитектуры – это то, что необходимо учитывать для раскрытия полной картины исторических процессов.

Объектом для фотографирования в XIX в. являлся человек и его деятельность. Таким образом, в рассматриваемый период происходит демократизация портрета: в большом количестве выполняются индивидуальные, групповые, школьные, семейные, производственные фотографии. В пропагандистских целях используются фотографии королевских семей. Начинает расширяться деятельность по ретушированию, позированию, режиссированию в фотосъемке. Дагеротипы сохраняют информацию о социальной дифференциации, стиле или моде, престиже, обычаях, развитии культуры.

Актуальность вопроса объясняет появление достаточного количества электронных ресурсов. Кропотливый труд искусствоведов, историков, культурологов позволил сделать фотодокументальное достояние прошлого общедоступным. Так, Московский Мультимедиа Арт Музей и Издательство «Яндекс» создали совместный интернет проект – «История России в фотографиях». Заслугой разработчиков является навигация по хронологическому порядку, типу жанра, источнику хранения, создателю фото. Сайт хранит 79977 фото, 29304 из которых принадлежат неизвестному автору, 50673 фото указывают имена 298 создателей. Поиск фотодокумента также упрощается подразделением на 300 жанров и 232 источника хранения оригинала. Таким образом, репрезентативность данного интернет-ресурса высокая.

По периоду царствования Александра II на сайте было найдено 72 виртуальные страницы, на которых размещено 708 фото. Из общего количества 281 снимок принадлежит неизвестному автору; все репродукции разделены на 9 жанров: люди, портрет, одежда, здания и сооружения, природа, повседневная жизнь, мужчины, архитектура, быт; оригиналы хранятся в 21 учреждении различного типа.

Просмотр фотоснимков периода 1855–1881 гг. позволил отобрать 120 документов визуального типа для анализа социокультурной жизни России за двадцать шесть лет второй половины XIX в. Выбранные фотодокументы были разделены на следующие группы по степени отражения изменений различных сторон общественной жизни: 1) отражающие институциональные изменения в России периода царствования Александра II; 2) характеризующие развитие системы культурных образцов; 3) описывающие развитие индустрии города; 4) показывающие социальное расслоение общества того периода и хранящие информацию о материальном положении различных групп населения.

Для анализа институциональных изменений в России было исследовано 57 фотоснимков. Наиболее полно кадры отражают общий рост градостроительства с учетом развития всех сторон жизни общества. На фотографиях архитектуры того периода встречаются университеты, институты, гостевые дома, павильоны, церкви, монастыри, площади.

Среди изучаемых кадров есть работа, взятая из Мультимедиа Арт музея Москвы. Первоначально названия снимок не имеет, создатели интерпретировали здание на заднем плане как Императорский университет св. Владимира (ныне Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко) (рис. 1).

Рис. 1. И. Кордыш «Киевский Императорский университет святого Владимира» [8]

Созданное в 1833 г. учебное заведение набирает популярность в 1863 г. Расширяется профессорский состав и учреждается институт стипендиатов, создаются новые кабинеты, лаборатории и здания.

Российские университеты стали подлинными культурными центрами страны и данное положение отражает фундаментальное строение Киевского университета, запечатленное на фотографии И. Кордыша в 1870 г.

Большинство данной группы составляют фотографии церковных строений. Их анализ позволяет визуализировать сложившееся разнообразие архитектурных стилей в XIX в., которые образуют единый «русский стиль»: русско-византийский (рис. 2), допетровский (рис. 3), неорусский (см. рис. 4 на с. 38). Опираясь на снимки, можно утверждать, что в России в период царствования Александра II в архитектуре продолжает развиваться национальный русский стиль, ярко выраженный в храмовом строительстве.

Рис. 2. А. Лоренс «Спасо-Преображенский собор» [11]

Рис. 3. Bureau F. «Воспоминания о Москве» Собор Василия Блаженного [1]

Рис. 4. А. Лоренс «Благовещенская церковь Конногвардейского полка» [10]

В период реформ 1860–1870-х гг. неуклонно рос интерес к совершенствованию культурной среды обитания привилегированных слоев общества. Об этом повествуют снимки флагманов театральной жизни столицы Александринский [9] и Большой [2] театры.

Вторая группа анализируемых фотодокументов является небольшой по количеству снимков (8 фото), но достаточно информативной в плане оценки создания культурно-исторических образцов. Фотографии, зафиксировавшие монумент Петру I, памятник Николаю I, памятник св. Владимиру, памятник К. Минину и Д. Пожарскому, памятник царю Михаилу Федоровичу и Ивану Сусанину позволяют судить о наличии в России в период реформ Александра II культурного наследия и исторической памяти. Кульминационным в данном ряду является снимок открытия памятника «Тысячелетие России» (рис. 5).

Рис. 5. В. Ильмар «Открытие памятника “Тысячелетие России”» [5]

Представление скульптурной композиции происходит в торжественной обстановке, что говорит о принятии народом образа самодержавной власти.

Третья группа источников аннотирована как фотодокументы, позволившие визуализировать развитие городской индустрии. 16 фотографий содержат облик строящихся и готовых мостов, железных дорог и вокзалов (см. рис. 6 на с. 39), гостиниц, павильонов и ипподромов.

Рис. 6. И. Кордыш «Вокзал Киевской железной дороги» [7]

Развитие капиталистических отношений дало толчок в финансировании строительства железных дорог как со стороны государства, так и со стороны предпринимателей России и зарубежья. Пути сообщения способствуют повышению мобильности общества и необходимость строительства гостевых домов. Это подтверждает запечатленная на снимке гостиница «Лондон» (рис. 7).

Рис. 7. Гостиница «Лондон» [3]

Четвертая группа фотодокументов была выделена на основе анализа 37 снимков, отражающих повседневную жизнь различных слоев населения. Анализ серии В. Каррика «Русские типы» дает представление о расслоении крестьянской среды, из которой стали выделяться различные типы городских торговцев, ремесленников и рабочих: извозчик, кирпичник, мясник, галантерейщик, официант, торговцы корзинами, пирогами, квасом и др. Кадры данного типа дают информацию и о разном материальном положении социальных групп российского общества второй половины XIX в. (рис. 8–9 на с. 40).

Рис. 8. В. Каррик «Село Башкондино»

Рис. 9. Дворец князей Юсуповых на Мойке

Реформирование заложило основы освобождения крестьянства от системы личной и имущественной зависимости, но в XIX в. положение разночинцев, вышедших из крестьянской среды, не сильно улучшилось. Личная свобода позволяла занять другую профессиональную нишу, а тяжелые условия труда и откупа оставляли большую часть населения на грани выживания.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Общедоступная база фотоснимков, отражающих социокультурную жизнь России второй половины XIX в., является самостоятельным источником для изучения периода. Фотография полноправно может быть признана документом, раскрывающим визуальный образ в новом видении на основе уже имеющихся знаний. Кадры, сделанные во временном отрезке 1855–1881 гг., позволили визуализировать становление и развитие различных сфер общественной жизни: социальная среда, просвещение, культура, градостроительство в соответствии с потребностями времени.

Литература

1. Bureau F. «Воспоминания о Москве» Собор Василия Блаженного // История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции: [сайт]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1881/?index=7&page=17&tag_tree_ids=23298&paginate_page=17 (дата обращения: 11.12.2019).
2. Вид на Театральную площадь и Большой театр // История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции: [сайт]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1881/?tag_tree_ids=23298&page=16&index=6&paginate_page=16 (дата обращения: 11.12.2019).
3. Гостиница «Лондон» // История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции: [сайт]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1881/?index=9&page=24&tag_tree_ids=23298&paginate_page=24 (дата обращения: 11.12.2019).
4. Дворец князей Юсуповых на Мойке // История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции: [сайт]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1881/?tag_tree_ids=12080&tag_tree_ids=23298&page=12&index=4&paginate_page=12 (дата обращения: 11.12.2019).
5. Ильмар В. Открытие памятника «Тысячелетие России» // История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции: [сайт]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1881/?index=5&page=6&tag_tree_ids=23298&paginate_page=6 (дата обращения: 11.12.2019).
6. Каррик В. Село Башкондино // История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции: [сайт]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1881/?page=3&index=4&paginate_page=3&query=%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%80%D0%B8%D0%BA&author_ids=388 (дата посещения: 11.12.2019).
7. Кордыш И. Вокзал Киевской железной дороги // История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции: [сайт]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1881/?index=9&page=12&tag_tree_ids=23298&paginate_page=12 (дата обращения: 11.12.2019).
8. Кордыш И. Киевский Императорский университет святого Владимира // История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции: [сайт]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1881/?index=9&page=12&tag_tree_ids=23298&paginate_page=12 (дата обращения: 11.12.2019).

https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1881/?index=2&page=13&tag_tree_ids=23298&paginate_page=13 (дата обращения: 11.12.2019).

9. Лоренс А. Александринский театр // История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции: [сайт]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1881/?tag_tree_ids=23298&page=16&index=9&paginate_page=16 (дата обращения: 11.12.2019).

10. Лоренс А. Благовещенская церковь Конногвардейского полка // История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции: [сайт]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1881/?tag_tree_ids=23298&page=2&index=9&paginate_page=2 (дата обращения: 11.12.2019).

11. Лоренс А. Спасо-Преображенский собор // История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции: [сайт]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1881/?index=8&page=2&tag_tree_ids=23298&paginate_page=2 (дата обращения: 11.12.2019).

12. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы. // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М.: РОССПЭН, 2004. С. 282–311.

13. Савчук В. Философия фотографии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2005.

14. Сонтаг С. О фотографии / пер. с англ. В. Гольшева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

15. Сухорукова Е.П., Орешкина Т.Н. Отражение Сталинградской битвы в фотодокументах военного времени (по материалам Центра документации новейшей истории Волгоградской области) // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2017. № 5(118). С. 160–166.

16. Флюссер В. За философию фотографии / пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008.

17. Щербакова Е.И. Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России – III. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 473–488.

18. Шиленина А.В. Фотография как инструмент визуальной коммуникации цифровых кочевников в новых медиа: магистерская диссертация. Томск: НИИ ТГУ, 2017.

MARIYA KAZEEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE REIGN OF ALEXANDER II IN PHOTO DOCUMENTS

The article deals with some aspects of the sociocultural development of Russia in the reign of Alexander II on the basis of the analysis of the published photo documents of the period under review. There is substantiated the necessity of the use of the photo documents to prove the existed historical reality and the revealing of the known facts of the past.

Key words: *the history of Russia, sociocultural development of Russia, the age of Alexander II, audiovisual sources, photo documents, historical and cultural legacy.*

УДК 908

Т.А. КОРОТКОВА
(tkorotkova96@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВКЛАД ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЭМИГРАНТОВ В ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ Г. ФРОЛОВО ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.*

Проанализировано содержание статей местной периодической печати и воспоминаний непосредственных участников. Дается характеристика роли чехословацких эмигрантов в промышленном развитии города Фролово в указанный период. Предоставлены результаты исследования, характеризующие практическую помощь, оказанную ими в создании материально-технической и производственной базы, на которой в дальнейшем образовывались и выросли крупные промышленные предприятия.

Ключевые слова: чехословацкие эмигранты, промышленные предприятия, коммуна, Товарищество чехословацких эмигрантов, практическая помощь.

Начало взаимодействию чехословацкого населения с Советской Россией, а именно с территориями, относящимися к региону, было положено в первой половине XX в. После событий Октября 1917 г. рабочие капиталистических стран выступили в защиту Республики Советов, т. к. на фоне продолжающейся Первой Мировой войны, идея мировой социалистической революции была достаточно популярной [2, с. 63]. Европа «бурлила». На планете появилось первое рабоче-крестьянское государство. Над колоннами демонстрантов появились новые лозунги: «Руки прочь от Советской России!» [4, с. 2].

Уже после окончания гражданской войны началось движение за оказание производственной помощи Стране Советов, которое выражалось в стремлении трудящихся других стран переселиться в Советскую Россию, чтобы внести вклад в восстановление народного хозяйства и строительство социализма [2, с. 63]. Рабочие других стран откликнулись на призыв В.И. Ленина оказать интернациональную помощь трудящимся молодого советского государства. «Одними из первых откликнулись на этот призыв в начале двадцатых годов коммунисты Чехословакии. Они организовали группы из квалифицированных рабочих для выезда в Советский Союз. Одна из таких групп была направлена во Фроловский район» [3].

Правительство Чехословакии всячески старалось затянуть отъезд, чтобы коммунары приехали на новое место жительства не в благоприятную весеннюю пору, а в зиму [5]. Вместо намеченного срока – 4 апреля 1925 г. – коммунары смогли выехать только глубокой осенью. 7–8 ноября 1925 г. 120 семей, 500 человек, выехали из местечка Годонино в Царицын [1]. Только в последних числах ноября 1925 г. на станцию Арчеда прибыли 113 семей коммунаров общей численностью 385 человек [2, с. 65].

Несмотря на то, что советское государство и оказывало иммигрантам существенную поддержку, обеспечивая им беспопытный и безакцизный провоз орудий труда и предметов домашнего обихода, льготный провоз груза до места поселения и другие формы помощи, «поезд, на котором молодые словаки вместе с семьями уезжали, чтобы помочь неведомой России, напоминал баррикаду. Из буржуазных толп бросали в отъезжающих не только бранные слова, но и многое поувесистей. Попытались вырвать из рук детей, повредить лобогрейки и сноповязалки, купленные интернационалистами на пожертвования многих тысяч друзей молодой республики Советов» [4, с. 2].

Однако трудности не испугали коммунистов. Коллектив еще больше сплотился и был полон решимости выполнить напутствия своих товарищей, с которыми они выступили на торжественном митинге перед самой отправкой эшелона в Россию. Теплая встреча на фроловской земле еще больше укрепила в иммигрантах уверенность в успехе своего дела [3].

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Всего чехословацкие рабочие создали семь таких коммун [5]. В коммуну принимали в основном коммунистов и комсомольцев. Каждый обязан был внести в кассу 250 крон вступительного и 5000 крон паевого взносов [3]. Во многом эти средства ушли на покупку сельхозмашин, инвентаря и оборудования для промышленного и сельскохозяйственного производства. В своих воспоминаниях, одна из участниц Товарищества, А. Томан писала: «Чехословаки привезли большое количество оборудования, для сельского хозяйства, для разных мастерских, для обувной мастерской, для кожевенного завода, для валяльного цеха, передвижную электростанцию и так далее, и даже два трактора» [7, с. 1]. По словам А. Томан, чехословацкие коммунары восстановили давно не работающую мельницу, после чего она стала молотить в сутки 45–50 тонн как крестьянского, так и государственного сортового помола. Одновременно с этим в 1926 г. оставшаяся часть чехов-рабочих объединилась в кооперативно-промышленное товарищество, получившее название «Товарищество чехословацких эмигрантов» [2, с. 67]. В документах научно-вспомогательного фонда Фроловского городского краеведческого музея содержится информация, раскрывающая деятельность Товарищества за шесть лет. Так, «Товарищество чехословацких эмигрантов» «принялось за восстановление электростанции, которая, как и мельница, в прошлом принадлежали местному буржуа – Дееву. Пущенные в эксплуатацию эти два предприятия принесли не мало пользы нашему Фроловскому району, обслуживая его мельницей и питая электроэнергией» [6].

В 1928 г. «Товарищество организовало в районе первую хорошо механизированную чувячную мастерскую и подсобное предприятие к этой мастерской, небольшой кож-завод. В 1929 г. Товарищество приступило к постройке более мощного, более механизированного кожевенного завода, осуществив это дело в 1930 году» [Там же].

В 1930 г. после начала коллективизации крестьянский помол значительно сократился, в связи с чем мельница стала нерентабельной. Все оборудование было перевезено в другой район, а здание мельницы было реконструировано. К механической части был пристроен новый литейный цех и налажен выпуск кроватей и литой посуды. Одновременно с этим много работали знаменитые мастера обувного дела над созданием обувного производства – братья Козмик, Дворжак Рудольф, Коваржик Владимир и др. [8]. «Кожзавод выпускал ежедневно 300 штук кож. хрома, щеврет и лайки исключительного качества, все процессы были механизированы. Также ежедневно выходили из производства 50 штук кож крупного рогатого скота – подошвы и 150 овчинных шуб. Кожевенная обувная мастерская выпускала ежедневно в начале 250 пар мужских и женских сандалий, а в дальнейшем детские ботинки – выходные и рабочие сапоги. В последние предвоенные годы мастерская выпускала 500 пар изящной обуви ежедневно, а после 1940–1941 гг. военную обувь сапоги и ботинки для красной армии, валяльный цех также был механизирован и выпускал 150 пар валенок в сутки» [7].

Кроме вышеперечисленных преобразований, «Словацкая коммуна» пережила несколько реорганизаций. В 1930-е годы она была воссоединена с промышленной артелью чехословацких эмигрантов, которая также была реорганизована. Из этой артели возникали два небольших предприятия: артель «Красный вагранщик» с литейно-механическим производством и артель имени III Интернационала с кожевенно-обувным и валяльным производством. Бывшая коммуна была присоединена к этой артели как сельхозцех [8].

В 1931 и 1932 гг. Товарищество занимало первое место в системе «Сталкожпромсоюза» и было награждено переходящим Красным знаменем. В товариществе было развернуто социалистическое соревнование. В 1935 г. соревнованием было охвачено 127 человек, из них 98 были ударники [2, с. 67].

Товарищество выполняло и перевыполняло годовые задания. План 1933 г. товарищество выполнило на 117,9%, валовой оборот составил 567974 руб. по промышленному производству и 550689 руб. по сельхозцеху. В октябре 1934 г. Сталинградский крайпромсовет премировал товарищество переходящим Красным знаменем за лучшие показатели в выполнении плана и улучшении быта рабочих [Там же, с. 68].

Таким образом, вклад чехословацких эмигрантов в промышленное развитие г. Фролово был значительным, именно благодаря упорному труду рабочих-чехов в городе была создана материально-техническая и производственная база, на которой в дальнейшем образовывались и вырастали крупные промышленные предприятия. Рост промышленных предприятий в начале XX в. во Фролово дал возможность получить работу и приобрести специальность многим сотням фроловских юношей и девушек, которым чехословацкие специалисты с большой охотой передали свой опыт и знания.

Литература

1. Барыкин Н. По следам «Словацкой коммуны» // Волгоградская правда. 1984. 4 июня.
2. Гарскова И.В. Из истории сельскохозяйственной коммуны и товарищества чехословацких эмигрантов. // Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1975. С. 63–69.
3. Дружба, проверенная временем // Вперед. 1981. 14 мая.
4. Евтушенко А. Плечом к плечу в праздники и будни // Вперед. 1985. 31 авг. № 105. С. 2–3.
5. Мельникова Т. Дорогами солидарности // Волгоградская правда. 1976. 11 янв.
6. Национальный состав Товарищества на конец 1932 г. Рукопись // Фроловский городской краеведческий музей. Научно-вспомогательный фонд (НВФ). № 643.
7. Томан А. Воспоминания. Рукопись // Фроловский городской краеведческий музей. НВФ. № 1466.
8. Томан Т. Так рождалось братство // Вперед. 1976. 31 янв. № 14.

TATYANA KOROTKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

CONTRIBUTION OF THE CZECHOSLOVAK EMIGRANTS IN THE INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF FROLOVO OF THE VOLGOGRAD REGION IN THE FIRST HALF OF THE XXTH CENTURY

The article deals with the contents of the articles of the local periodicals and the recollections of the direct participants. There is given the characteristics of the role of the Czechoslovak emigrants in the industrial development of Frolovo in the period under review. There are presented the results of the research characterizing the practical help that was carried out in the creation of the material and technical and production basis that was used further for the development and establishment of huge industrial enterprises.

Key words: *Czechoslovak emigrants, industrial establishments, commune, Association of the Czechoslovak emigrants, practical help.*

УДК 93/94

Т.А. КОРОТКОВА
(tkorotkova96.@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ВСЕСОЮЗНАЯ ПОМОЩЬ В ВОССТАНОВЛЕНИИ СТАЛИНГРАДА
В 1943 Г.: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ
(по материалам газеты «Сталинградская правда»)***

Проанализировано содержание статей региональной печати, а также архивных документов делопроизводственного характера, касающихся вопросов, связанных с участием союзных республик и городов СССР в восстановлении Сталинграда. Охарактеризованы направления и формы практической помощи возрождаемому Сталинграду в течение 1943 г. Выявлен ряд проблем бытового характера, с которыми приходилось сталкиваться гражданам, прибывающим на восстановительные работы.

Ключевые слова: Сталинградская битва, возрождение Сталинграда, восстановительный процесс, шефская помощь, всесоюзная помощь, союзные республики и города СССР, трудовые будни.

Сталинград после освобождения находился в руинах. Хозяйственный и жилищно-коммунальный комплексы, культурная сфера города находились в критическом состоянии [3, с. 23]. На его восстановление, в условиях продолжающейся войны, требовалось огромное количество материальных и людских ресурсов. Демографическая ситуация была крайне сложной, т. к. из «прежних 480 тыс. жителей города в нем оставалось 32181» [Там же, с. 24].

На начальном этапе восстановительного процесса значительную помощь оказали города и республики СССР. Откликнулись советские граждане, которыми руководила подвижническая идея и вера в скорейшее завершение войны и мирное будущее. Это движение приобрело небывалый по своим масштабам размах и охватило население не только Сталинградской области, но и городов и республик СССР.

Анализ 121 выпуска газеты «Сталинградская правда» за период с июня по декабрь 1943 г. позволил констатировать, что участие союзных республик и городов СССР в восстановлении Сталинграда и области выражалось в многообразии форм практической помощи и одной из основных была помощь людскими резервами, благодаря чему была проделана колоссальная работа, и уже к середине ноября было восстановлено и построено 337107 м² жилой площади, 10 больниц, 44 школы, восстановлен медицинский институт, 27 яслей, 68 детских садов [10, с. 70.]. В практически каждом выпуске газеты велись специальные рубрики «Возродим родной Сталинград!», «По Сталинграду!», где освещался ход восстановления жилищно-бытового фонда, количество восстановленных домов, а также кем был восстановлен тот или иной дом или целая улица, или за какой бригадой был закреплен восстанавливаемый участок. Благодаря всенародной поддержке и практической помощи республик и городов СССР, в Сталинграде было «восстановлено 221750 м² производственных площадей, отремонтировано 2170 единиц разного оборудования, частично вошли в строй предприятия, выпускавшие продукцию для фронта и населения (заводы «Красный Октябрь», им. Сакко и Ванцетти, гидролизный, швейные фабрики им. Крупской и имени 8 Марта, кондитерская фабрика, мясомолкомбинат, холодильник, мельницы, хлебозаводы). Восстановлена деятельность 102 артелей и мастерских промкооперации инвалидов» [4, с. 3.].

Если говорить о восстановлении коммунального хозяйства, то на страницах «Сталинградской правды» можно встретить статьи со следующими заголовками: «В ряде районов Сталинграда проведена большая работа по восстановлению водоканалов» [6, с. 2.]. Уже к ноябрю вступили в строй магистрали южного и центрального водопроводов, частично были восстановлены трамвайные линии [4, с. 3.]. Также газета информировала население города о том, что успешно велись работы по восстановлению городских дорог на разных участках г. Сталинграда. В этих статьях освещался план основных работ, а также его выполнение в процентном соотношении [14, с. 2.].

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Практические результаты в возрождении культурного и образовательного пространства также широко освещались на страницах газеты. Эти статьи обычно были посвящены тому, что были приняты решения восстанавливать определенную школу, библиотеку или театр; в них содержалась информация о том, кто помогал в восстановлении непосредственно самого здания, а также в восстановлении и пополнении фондов образовательной организации: кто передавал мебель, методические материалы, литературу, откуда приезжали специалисты для работы в данных учреждениях и т. д.

В связи с тем, что основную массу приезжавших на восстановление граждан составляла молодежь и неквалифицированные рабочие, которые не имели никакой специальности и никогда не держали в руках строительный инструмент, Комитет комсомольской организации сделал очень многое в деле формирования бригад для их обучения [2, с. 2]. С рабочими проводились беседы, из которых члены комитета узнавали их склонности и желания обучаться той или иной специальности. Так, создавались рабочие бригады с высокой эффективностью, во главе с опытными мастерами.

В периодической печати нередко встречаются статьи, посвященные конкретным гражданам, приехавшим на восстановление города. Так, например, Мария из Кременчуга, которая одна из первых получила специальность каменщика, устанавливала новые рекорды среди молодых строителей, а спустя некоторое время охотно делилась своим опытом с товарищами [8, с. 2.]. Или Люба Чигвинцева, которая приехала на завод Сталинграда вместе с посланцами башкирской молодежи. Она с первых дней завоевала авторитет среди молодежи и вскоре была назначена бригадиром, а затем стала инициатором социалистического соревнования кузнецов, и за отличные показатели одна из первых была награждена Наркомом значком «Отличник социалистического соревнования» [9, с. 3].

Несмотря на все достижения в ходе восстановления Сталинграда, повседневная жизнь рабочих на стройках города была сложной, они сталкивались с проблемами различного характера. Периодическая печать быстро реагировала и информировала население города и страны о трудных буднях и трудовых подвигах советских граждан, участвовавших в возрождении города. Периодическая печать предоставляла огромное информационное поле для других восстанавливающихся площадок, а публикуемые фотоматериалы иллюстрировали конкретные трудовые будни.

Исходя из анализа всех выпусков Сталинградской правды за период с июня по декабрь 1943 г., можно сделать вывод, что газета акцентировала внимание и на проблемах различного характера, с которыми сталкивались граждане, приезжающие на восстановление города.

Несмотря на достижения в организации подготовки новых специалистов, газета «Сталинградская правда» в июньских выпусках особенно акцентирует внимание на проблемах, усложняющих это обучение. Молодые строители пользовались плохим, непригодным инструментом, ощущали нехватку многих «мелочей», которые также оказывали влияние на качество подготовки новых специалистов. В самой системе обучения имелось немало недостатков: не было должной плановости, в результате чего, выпуск молодых рабочих и присвоение им соответствующих разрядов задерживался [2, с. 2.]. Новичков зачастую учили без планов и программ, руководители предприятий не контролировали ход учебы, перекладывая это на второстепенных, подчас безответственных работников [5, с. 1]. К тому же, Комитет комсомола каждый день проводил беседы с молодыми рабочими, выявлял недостатки, но по итогу слабо боролся с ними и принимал на себя лишь роль наблюдателя.

В июле на страницах «Сталинградской правды» впервые было уделено значительное внимание новой проблеме – неблагоустроенным рабочим общежитиям [7, с. 3]. Этот вопрос с приближением зимы обсуждался все чаще: несколько тысяч рабочих продолжали жить в палатках и временно приспособленных помещениях, которые не имели печей, окон и дверей [1, с. 3].

Одновременно с этим был поднят вопрос культурного обслуживания сталинградцев-строителей, рабочих, прибывших на восстановление города. Рабочие выражали недовольство относительно работы отдела искусств, который не обеспечивал потребности рабочих в просмотре новых фильмов, прослушивании выступлений концертных бригад, знакомстве с новинками политической и художественной литературы, свежих газет и журналов [13, с. 4].

В одном из октябрьских выпусков «Сталинградской правды» затрагивается новая проблема, связанная с обслуживанием пассажиров на вокзале: огромные очереди, проблема с покупкой билетов, из-за чего многим становилось трудно добираться до дома или приходилось платить штрафы [11, с. 4].

В протоколе XXI сессии Сталинградского городского совета депутатов трудящихся от 29 июня 1943 г. зафиксирован также ряд проблем бытового характера, которые обсуждались на сессии. Был поднят вопрос о неудовлетворительном санитарном состоянии города (огромное количество неубранного мусора, незарытых фекальных ям, загрязненные колодцы, из которых население пользовалось питьевой водой), все это грозило появлением эпидемий в городе. Уделено внимание работе пищевых предприятий, в которых было полно мух, мусора, и отсутствовали специальные места для слива помоев. Похожая ситуация наблюдалась и в лечебных учреждениях города [12]. При этом данные проблемы не были отражены в региональной печати.

Таким образом, газета была одним из основных источников информации, где приоритетным направлением являлось освещение сведений о конкретных результатах практической поддержки населения СССР в восстановлении Сталинграда, а часть материалов была посвящена проблемам, с которыми на начальном этапе восстановительного процесса сталкивались те, кто приехал в город на восстановительные работы. Участие союзных республик и городов СССР в восстановлении Сталинграда и области выражалось в многообразии форм практической помощи; одной из основных была помощь людскими резервами.

Литература

1. Алуф Л. Беззаботные руководители // Сталинградская правда. 1943. 7 сент. № 171(4601). С. 3.
2. Алуф Л. О новых кадрах строителей // Сталинградская правда. 1943. 11 июля. № 130(4560). С. 2.
3. Болотова Е.Ю., Орешкина Т.Н. Учреждения культуры Сталинградской области в 1943–1950 гг.: восстановление и развитие: моногр. Волгоград: Перемена, 2014.
4. Бородин И. На стройках Сталинграда // Сталинградская правда. 1943. 14 нояб. № 219(4649). С. 3.
5. Внимание подготовке молодых кадров // Сталинградская правда. 1943. 12 июня. № 109(4539). С. 1.
6. Восстанавливаются водоклонки // Сталинградская правда. 1943. 5 июня. № 104(4534). С. 2.
7. Кедрова Н. «Правила» тов. Арутчан // Сталинградская правда. 1943. 13 июля. № 131(4561). С. 3.
8. Климова А. Девушка из Кременчуга // Сталинградская правда. 1943. 11 июля. № 130(4560). С. 2.
9. Ковтунова В. Бригадир Люба Чигвинцева // Сталинградская правда. 1943. 26 сент. № 185(4615). С. 3.
10. Короткова Т.А. Помощь городов и областей республик СССР восстанавливаемому Сталинграду и области в 1943 году // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2019. № 3(26). С. 68–71. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1559135013.pdf> (дата обращения: 01.02.2020).
11. Овечкина П. Нет заботы о пассажирах. // Сталинградская правда. 1943. 31 окт. № 210(4640). С. 4.
12. Протокол XXI сессии Сталинградского Городского Совета депутатов трудящихся // Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 638. Л. 1–9.
13. Пьянов В. Что скажет отдел искусств? / Сталинградская правда. 1943. 11 июля. № 130(4560). С. 4.
14. Ремонт дорог // Сталинградская правда. 1943. 5 июня. № 104(4534). С. 2.

TATYANA KOROTKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

ALL-UNION ASSISTANCE IN THE RESTORATION OF STALINGRAD IN 1943: ACHIEVEMENTS AND ISSUES (based on the newspaper “Stalingrad Pravda”)

The article deals with the contents of the articles of the regional press and the archive documents of the business correspondence character associated with the issues of the participation of the union republics and cities of the USSR in the restoration of Stalingrad. There are characterized the directions and forms of the practical help to the renewed Stalingrad during 1943. There was revealed the row of the issues of the common character that the people arriving at the restoration work faced.

Key words: *the battle of Stalingrad, the restoration of Stalingrad, reconstructive process, patronage assistance, all-union assistance, the union republics and cities of the USSR, everyday work.*

УДК 912.43:355.48

В.Б. ЛАВРИК

(valentalavrik94@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КАРТЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

Автором прослеживается формирование корпуса отечественных картографических источников, определяются их основные виды. Рассматривается сущность исторической карты как пространственного изображения исторических явлений и событий определенного периода. На примере карты по истории Гражданской войны раскрываются источниковедческие возможности картографических источников.

Ключевые слова: картографические источники, исторические карты, историческое исследование, информация, датировка.

Актуальность и значимость темы исследования определяется недостаточным использованием картографических источников в исторических исследованиях. Исторические карты помогают визуализировать исторические события, позволяют глубже осмыслить исторический процесс.

Объектом исследования являются картографические источники XX в., предметом исследования – военно-исторические карты Гражданской войны.

Цель исследования – раскрыть значение военно-исторических карт как источника по истории Гражданской войны.

Для раскрытия поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проследить формирование корпуса картографических источников;
- обозначить основные виды карт;
- раскрыть источниковедческие возможности картографических источников по истории Гражданской войны.

При анализе полученной информации использовались историко-генетический и историко-сравнительный методы исследования. Историко-генетический метод позволил проследить зарождение картографии в России, выделить основные этапы в ее развитии и охарактеризовать основные разновидности карт. Историко-сравнительный метод позволил сравнить картографические источники, выделить общее и особенное в военно-исторических картах определенного периода.

Источниковая база исследования представлена картами по истории Гражданской войны.

Особенности карт как особой группы исторических источников состоит в том, что они передают информацию посредством условно-знаковой формы, позволяют реконструировать пространственную модель исторических событий.

Простейшие картографические изображения высекались на скалах, на дереве, коре, коже животных. Они могли указывать, например, на место охоты, обрабатываемые участки земли, пути кочевков. Таким образом, в изображении мы раскрываем представления людей далекого прошлого об обитаемом им пространстве. Кроме наскальных рисунков первобытными народами создавались карты-модели той местности, где они проживали. В основном такие модели изготавливались из мягких материалов (кожи, дерева). Время возникновения письменности послужило толчком к значительному сокращению наскальных рисунков. Свои передвижения в пространстве люди стали выражать в письменной форме в виде кириллических надписей.

Первые картографические произведения начали появляться только в конце XV в. До этого о территориальном пространстве Древней Руси мы узнаем только лишь по географическим описаниям. В конце XV – начале XVI в. стали создаваться первые карты, называемые «чертежами». Основная цель создания «чертежей» была в их внешнеполитическом (оборона страны, строительство засечной чер-

* Работа выполнена под руководством Соловьевой С.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ты и др.) и хозяйственном назначении (определении земельных границ). Как правило, на чертежи наносились пашни, растительность, наличие угодий для того, чтобы таким образом отобразить географические особенности территории. По этой причине числовые соотношения пространства уходили на второй план. Также во время межевания земель составлялись схемы и планы. Межевание – это совокупность технических и юридических действий с целью определения и утверждения поземельных границ [5, с. 48].

В XVII в. «чертежи» отдельных районов и всей территории страны создавались в практических целях – для организации управления и обороны.

Научный подход к составлению карт появляется в XVIII в. и связан с использованием европейского опыта, изученного Петром I в ходе Великого посольства. Значение и цели картографических работ Петр Первый подчеркнул в главе 48 «О ландкартах и чертежах государевых» Генерального регламента от 28 февраля 1720 г. «И дабы каждый коллегиум о состоянии государства и о принадлежащих к оному провинциях подлинную ведомость и известие получать мог; того ради надлежит в каждом коллегии иметь генеральные и партикулярные ландкарты (или чертежи), которые по времени изготовлены быть имеют именно: описать все границы, реки, города, местечка, церкви, деревни, леса и прочее» [3, с. 157]. В этом же году вышел указ, в котором было объявлено о начале первой в истории страны государственной съемки для составления карт, необходимых в различных отраслях хозяйства и управления России [7, с. 141].

В учебных заведениях открываются геодезические классы, которые готовят специалистов для составления карт уездов.

В это же время создается «Атлас Всероссийской империи», ставший первым русским печатным географическим атласом.

Во второй половине XVIII в. появляются военно-топографические карты, которые отличались большей полнотой и точностью. В XIX в. составлением карт и военно-статистических описаний занимались офицеры Генерального штаба.

Увеличивается видовое разнообразие карт, появляются тематические карты о развитии промышленности, сельского хозяйства, торговли, народонаселения и др. Необходимо подчеркнуть точность и качество производимых отечественными геодезистами и топографами съемок.

В XX в. появляются исторические карты и начинается оформляться статус карт для источниковедческого исследования. Историческая карта – пространственное изображение исторических явлений и событий определенного исторического периода, это знание, полученное в ходе исторического исследования. Она одновременно является источником и историографическим произведением. Картографирование исторических событий выражает осмысление исторического процесса [1, с. 182].

В 2000 г. по поручению Правительства РФ была организована работа по созданию Национального атласа России. В 2005–2011 гг. вышли четыре тома этого уникального издания. Атлас включает карты, схемы, тексты, аэро- и космические снимки с аннотациями, справочные материалы в виде таблиц, схем, графиков, диаграмм, указатели географических названий и тематических терминов [6]. Это пример комплексного картографического произведения, дающего целостное представление о природе, населении, хозяйстве, истории и культуре России [Там же].

Карта как исторический источник выступает носителем довольно обширной информации по проблемам социально-экономического и политического развития государства, военной истории.

Источниковедческий анализ картографических источников предполагает прохождение основных этапов исследования (исторические условия, обстоятельства и время возникновения, установление авторства, и т. д.). Однако эта группа источников требует и применения специальных методов анализа: определение соответствия изображения уровню научных знаний исторического периода и действительности; исследование принципов и степени генерализации сведений, соотношения текстовых и графических элементов; изучение изменений условных знаков, умение читать легенду карты.

Военные карты условно можно разделить на военно-оперативные, выполненные во время военных действий, и военно-исторические, составленные спустя определенное время после военных действий. Особого внимания заслуживают отчетные карты схемы, которые стали составляться со времени Северной войны и не имели масштаба. В это время еще не были выработаны принципы тактической характеристики событий. Авторы пытались изобразить все, что происходило на поле боя. Однако уже в ходе Северной войны схемы стали упрощаться и приобретать тактический характер. В схемах прослеживается стремление показать ход военных действий условными знаками, а не рисунком [2, с. 226]. Отчетные схемы являются интересным источником, позволяющим оценить более полно ход сражения, нежели реляция. Однако следует иметь в виду, что они отражают только ход событий в действительности, не указывая отклонения от первоначального плана.

В целом, военные карты позволяют реконструировать ход военных действий, схемы сражений, военную тактику противоборствующих сторон, театр военных действий.

Практически первой попыткой, единственным исследованием, содержащим характеристику русских военных карт как исторического источника, является работа Л.Г. Бескровного [2]. Она представляет собой обзор военно-исторических источников, относящихся к военной истории России с древнейших времен до первой мировой войны 1914–1918 гг. Среди большого количества разнообразных источников, рассматриваемых в книге в хронологическом порядке, определяется существующий на момент написания книги (1957 г.) корпус и место хранения военных картографических источников XVII – нач. XX в. Автор отмечает усложнение способа изображения на отчетных картах и схемах сражений под влиянием изменений в тактике ведения войны [2].

По истории Гражданской войны в России имеются многочисленные карты, например, «Установление Советской власти в России. Гражданская война и интервенция (1918–1920 гг.)», карты фронтов Гражданской войны и интервенции, «Гражданская война и интервенция в Советской России. Военные действия начального периода (февраль 1918 г. – февраль 1919 г.)», «Гражданская война 1918–1920 гг.», «Оборона Царицына» и др. Они позволяют определить границы и территорию военных действий, основные фронты и направления ударов противоборствующих сторон на разных этапах войны, оборону городов, оценить масштаб повстанческих движений и антисоветских мятежей, направления военных действий иностранных интервентов. Особое место занимают карты, на которых отражена деятельность И.В. Сталина в годы Гражданской войны.

Например, на карте второй обороны Царицына обозначены две линии позиции во время обороны на 15 октября, наступление и атаки Донской армии Краснова на Царицын с 15 по 20 октября 1918 г., направление ударов Стальной дивизии 15 октября и Сальской группы 20 октября в тыл, в расположение Добровольческой армии Деникина, линия продвижения войск 10-й армии РККА под командованием К.Е. Ворошилова на 20 октября [4]. На Красном Знамени, изображенном на схеме над городом Царицыном крупными буквами написаны две фамилии: Сталин и Ворошилов. Собственное название карты «Царицын. Схема героической обороны под руководством т. Сталина в период второго окружения. Октябрь 1918 г.» позволяет сделать вывод о времени ее создания в 30-е годы XX в. Ведь одним из первых переименований было в 1925 г. переименование Царицына в Сталинград в честь участия Сталина в обороне Царицына в период Гражданской войны. 3 января 1937 г. в Сталинграде был открыт Музей обороны Царицына имени тов. Сталина.

Таким образом, при использовании картографических источников в историческом исследовании необходимо начать с определения исторических условий, в которых они возникли. Обстоятельства создания, авторский коллектив, используемые источники – все это определяет содержание, форму используемого картографического источника, степень достоверности его данных.

Использование картографических материалов определенного периода как исторических источников дает возможность получить новую информацию, не отраженную в других типах исторических источников.

Литература

1. Абрамова Н.Г., Круглова Т.А. Вспомогательные исторические дисциплины. М.: Академия, 2008.
2. Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
3. Генеральный Регламент или Устав от 28 февраля 1720 г. № 3534 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 6. СПб., 1830.
4. Карта «Царицын. Схема героической обороны под руководством т. Сталина в период второго окружения. Октябрь 1918 г.». [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/148411-vtoraja-bitva-za-caricyn.html> (дата обращения: 24.04.2020).
5. Кусов В.С. Памятники отечественной картографии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
6. Национальный атлас России. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aaaa1bhncclcc1cl5c4ep.xn--p1ai/> (дата обращения: 24.04.2020).
7. Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М.: Наука, 1985.

VALENTINA LAVRIK

Volgograd State Socio-Pedagogical University

BATTLE MAPS AS A HISTORICAL SOURCE

The article deals with the development of the corpus of the native map data sources, there are defined their basic kinds. There is considered the essence of the historic map as a spatial image of the historical phenomena and events of the particular period. There is revealed the historical potential of the map data sources at the example of the history of the Civil War.

Key words: map data source, historic maps, historical research, information, dating.

УДК 94

Д.И. ЛОЗИН
(dil199734587@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВКЛАД ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТАЛИНГРАДА В 1943–1950 ГГ.*

Выявляется роль инженерно-технических работников в восстановлении промышленности Сталинграда в 1943–1950 годы. Анализируются формы деятельности ИТР, предпринимаемые ими для восстановления промышленного потенциала города. Определяются методы поощрения инженерно-технических работников за их вклад в реализацию задач восстановления промышленности.

Ключевые слова: инженерно-технические работники, восстановительный период Сталинграда, промышленные предприятия, производственный процесс, рационализаторская деятельность.

Восстановление промышленных предприятий Сталинграда, как одного из промышленных центров юга страны, являлось одной из приоритетных задач государственной политики в период 1943–1950 гг., т. к. военная и иная промышленная продукция, производимая в данном регионе, была необходима для окончательного разгрома немецко-фашистских войск, а также развития экономики СССР после Великой Отечественной войны.

Данную тему в исторической науке довольно подробно освещает работа Н.В. Кузнецовой «Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953)». В монографии анализируется ущерб, нанесённый региону в ходе Великой Отечественной войны, основные направления и итоги промышленного развития Нижнего Поволжья, а также некоторые вопросы о положении индустриальных рабочих изучаемого периода [12, с. 29–155]. Ценные сведения об особенностях обеспечения трудовыми и материальными ресурсами промышленных предприятий Сталинграда, а также о финансово кредитных механизмах обеспечения восстановительных работ предоставляет работа Э.В. Кузьминой «Восстановление Сталинграда. 1943–1950» [13, с. 60–75]. Основные факторы Восстановления Сталинграда, роль военнопленных в данном процессе подробно освещается в статье Н.А. Болотова «Возрождение Сталинграда: уникальный отечественный опыт восстановления разрушенного хозяйства» [1].

В то же время изучение роли инженерно-технических работников Сталинграда в период восстановления является довольно слабоосвещённой темой, лишь фрагментарно представленной в исследованиях. Например, отдельные примеры рационализаторской деятельности ИТР приводятся в книге М.А. Водолагина «Очерки истории Волгограда» [2, с. 386]. В изысканиях Н.В. Кузнецовой освещается образовательный уровень инженерно-технических работников, а также приводятся данные об уровне зарплат ИТР в период 1945–1950-х г. [12, с. 143]. В истории инженерно-технических работников ранее обращалось внимание на факторы образовательной подготовки инженеров и техников в 1943–1950 гг. [14, с. 48–52].

Актуальность изучения данной темы выявляется уже из определения понятия инженерно-технических работников. Так, Е.В. Тронина определяет ИТР как социально-профессиональную группу, занятую квалифицированным умственным трудом по техническому управлению, эксплуатации и научно-технической подготовке производства в сфере материального производства, требующего высшего или средне-технического образования [17]. Из определения становится понятно, что восстановление промышленного потенциала Сталинграда, при ситуации, когда ни одно из 126 промышленных предприятий города не осталось целым, а такие крупные промышленные заводы, как Сталинградский тракторный завод (СТЗ), завод «Красный Октябрь» (ЗКО), завод «Баррикады», оказались прак-

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

тически полностью разрушенными, было невозможно без активной профессиональной деятельности инженерно-технических работников [12, с. 130].

Одной из важнейших форм деятельности, в которой принимали участие ИТР, было техническое руководство производством как на уровне всего завода, так и в рамках отдельных цехов, а также бригад. Так, в сентябре 1945 г. на сталинградский завод «Красный Октябрь» поступило телеграфное распоряжение заместителя наркомата черной металлургии о составлении пятилетнего плана завода. Для его составления директор завода П.А. Матевосян назначил комиссию в составе которой находились такие лица, как: главный инженер А.И. Падуров, заместитель главного инженера Г.Х. Габуев, главный механик завода М.И. Гордон и др. В их задачу входила разработка перечня и сроков ввода в эксплуатацию производственных объектов завода, определение наиболее эффективных способов производственной деятельности и т. д. [8, Л. 119].

Кроме планирования общей деятельности завода, ИТР принимали активное участие в руководстве и контроле текущей производственной деятельности рабочих. Например, в октябре 1944 г. на СТЗ была создана специальная общезаводская смотровая комиссия, состоящая из заместителя главного технолога, заведующего техническим бюро, начальников цехов завода. Она контролировала состояние рабочих мест на различных участках завода и имела в распоряжении 10000 руб. и талоны на промтовары для премирования рабочих, которые имели образцовое рабочее место [4, Л. 1]. Сами участники общезаводской комиссии также премировались за активную работу. Так, согласно протоколу общезаводской комиссии, председателям смотровой комиссии начальникам цехов Гридину и Маслиеву выдавалась премия в размере 1000 руб., а также талон на отрез ткани для костюма [Там же, Л. 35].

На уровне цехов инженерно-технические работники приводили в исполнение распоряжения директора завода и главного инженера, осуществляли текущее руководство подчиненными. Например, в 1944 г. на СТЗ, в соответствии с распоряжением главного инженера, начальник тракторного цеха С. Смыковский должен был провести организационные мероприятия по оптимизации деятельности работы подчиненных так, чтобы при том же уровне выполняемых работ уменьшить количество рабочих на отдельных участках [Там же, Л. 24].

Контроль над бригадами и отдельными рабочими группами, как правило, осуществлялся мастерами. Так, на основе «Отчета о работе по повышению квалификации руководящих, инженерно-технических работников и рабочих завода № 221 за 1948 год» было установлено, что молодых рабочих, прошедших школы фабрично-заводского обучения, прикрепляли к опытным мастерам, которые контролировали их работу, обучали способам повышения производительности труда. При этом с мастерами составлялся специальный договор, где прописывалось, что за окончание в срок обучение им присуждалась прибавка к зарплате в размере от 250 до 500 руб. [5, Л. 23].

Следующей формой деятельности инженерно-технических работников, имеющей важное значение в процессе восстановления промышленности Сталинграда, является эксплуатация производства. Одной из особенностей непосредственной производственной деятельности ИТР в восстановительный период является необходимость ремонта различного оборудования, поврежденного в ходе боевых действий. Например, в работе П.Н. Спорышкова говорится о том, что за 1943 г. сотрудниками центральной заводской лаборатории (ЦЗЛ) были восстановлены механическая лаборатория, слесарная мастерская и мастерская точной техники, ими был отремонтирован разрывной пресс «Лозенгаузен», который имел большое значение для эффективного функционирования завода [16, с. 149]. За участие в восстановлении испорченной техники ИТР получали единовременные премии. Так, в июне 1944 г. за восстановление мартеновской печи коллектив рабочих, в составе которого находились 5 инженерно-технических работников, получал единовременную премиальную выплату в размере 4 тыс. руб. [10, Л. 128].

Кроме ремонта различного оборудования, ИТР занимались изготовлением необходимых для производства техники и инструментов, анализом качества выпускаемого металла, решали вопросы по наиболее эффективному устройству новых цехов. За успешное выполнение данной деятельности инженерно-технические работники также награждались единовременной премиальной выплатой.

Примером может служить распоряжение директора завода П.А. Матевосяна от 7 марта 1945 г. о премировании мастера В.А. Сулова за выполнение разметки конструкции консольного крана суммой в размере 2 тыс. руб. [8, Л. 27].

Одной из самых творческих форм деятельности ИТР восстановительного периода являлось научно-техническое сопровождение производства, важной частью которой являлась рационализаторская деятельность.

Научно-техническое сопровождение производственного процесса ИТР осуществлялось в следующих взаимосвязанных видах:

1. Проектирование, которое заключается в создании графической модели технического объекта. Оно позволяет согласовать и увязать разнообразные требования, предъявляемые к техническому изделию и его функциональным качествам [15, с. 47]. Например, в 1944 г. на Сталинградском тракторном заводе, под руководством главного технолога Вехова, была создана специальная конструкторская группа, задачей которой было проектирование нестандартного оборудования и средств малой механизации [4, Л. 26].

2. Конструирование – разработка конструкции инженерного объекта. Так, 15 июля 1946 г. в целях внедрения мазутной форсунки двухступенчатого распыления топлива конструкции профессора Бермана, главный инженер завода «Красный Октябрь» издает распоряжение начальнику Механического цеха Е.А. Каменцеву изготовить к 25 августа два опытных образца форсунки, а главному энергетнику П.И. Колобову совместно с техническим отделом провести испытания форсунок на мартеновских печах и дать заключение о целесообразности их использования в производственной деятельности [7, Л. 113].

3. Изобретательская деятельность ИТР, т. е. процесс создания нового технико-технологического объекта, новых принципов действия, способов реализации этих принципов или конструкций технических систем или отдельных их компонентов. Необходимо отметить, что изобретательская деятельность осуществлялась как непосредственно инженерно-техническими работниками, так и рабочими, но под контролем ИТР. Так, в 1943 г. главным электриком А.П. Поповым для производственного станка была изготовлена специальная вилка, которая позволяла обеспечить возможность быстрого и легкого включения маховика стана в обратную сторону, а также ускорить ремонт станка в случае поломки (вместо одного часа – за 20 минут) [11, Л. 32].

Всего за 1943–1944 годы инженерно-техническими работниками было внедрено более 40 рационализаторских предложений. За разработку и дальнейшее внедрение в производство ИТР получали денежную премию от 150 до 500 рублей в зависимости от того, насколько рационализаторское предложение сэкономило затраты на производственный процесс [Там же, Л. 32–270].

Активное участие инженерно-технические работники принимали в контроле и сопровождении рационализаторской деятельности рабочих. Проследить развитие данного движения можно на примере завода «Красный Октябрь». Так, распоряжением главного инженера Падурова в январе 1944 г. для консультации рационализаторской деятельности рабочих из различных цехов завода выделялись инженеры и техники [9, Л. 201]. Однако с течением времени стало понятно, что выделение только консультантов для контроля и помощи в рационализаторской деятельности было недостаточно и уже 23 января 1945 г. распоряжением директора завода П.А. Матевосяна была создана общезаводская комиссия по рационализаторским предложениям. Целью комиссии была деятельность по обобщению поступающих рационализаторских предложений от цехов и отдельных рабочих и принятие решений по их внедрению. В составе комиссии находились такие инженеры и техники, как: заместитель главного инженера завода П.Д. Володин, главный механик завода М.И. Гордон, инженер А.Г. Карпов и др. [8, 10].

О добросовестности и высокой отдаче в выполняемой инженерно-техническими кадрами работе можно судить по их активному участию в социалистических соревнованиях. Так, согласно отчету о ходе социалистического соревнования по цехам и отделам СТЗ за 1944 г., 85% инженеров и техников принимали участие в социалистических соревнованиях различного характера [3, Л. 1–21].

На заводе «Красный Октябрь» число ИТР – участников соцсоревнований – было выше и достигало 92% [6, Л. 1–45].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, вклад инженерно-технических работников в восстановление промышленности Сталинграда состоял в техническом управлении, обслуживании и научно-техническом сопровождении производства. Во-вторых, за образцовое выполнение служебных обязанностей ИТР могли премироваться единовременной выплатой в натуральной или денежной форме. В-третьих, о вкладе ИТР в восстановление и развитие промышленности Сталинграда говорит широкое участие их в социалистических соревнованиях различного характера, направленных на повышение эффективности производства, что является свидетельством высокой трудовой активности инженеров и техников в реализации задач общегосударственной важности.

Литература

1. Болотов Н.А. Возрождение Сталинграда: уникальный отечественный опыт восстановления разрушенного хозяйства // Социология города. 2019. № 1. С. 6–13.
2. Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М.: Наука, 1968.
3. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6032. Оп. 1. Д 313. ЛЛ. 1–21.
4. ГАВО. Ф. 6032. Оп. 1. Д 308. ЛЛ. 1–120.
5. ГАВО. Ф. 127. Оп. 4. Д 222. ЛЛ. 1–25.
6. ГАВО. Ф. Р-76. Оп. 3. Д 139. ЛЛ. 1–45.
7. ГАВО. Ф. Р-76. Оп. 3. Д 32. ЛЛ. 1–235.
8. ГАВО. Ф. Р-76. Оп. 3. Д 20. ЛЛ. 1–170.
9. ГАВО. Ф. Р-76. Оп. 3. Д 11. ЛЛ. 1–217.
10. ГАВО. Ф. Р-76. Оп. 3. Д 13. ЛЛ. 1–163.
11. ГАВО. Ф. Р-76. Оп. 3. Д 6. ЛЛ. 1–582.
12. Кузнецова Н.В. Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953). Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2002.
13. Кузьмина Э.В. Восстановление Сталинграда, 1943–1950 / под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2002.
14. Лозин Д.И. Особенности подготовки инженерно-технических работников Сталинграда в восстановительный период // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». 2019. № 5(28). С. 48–51. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1569927839.pdf> (дата обращения: 12.12.2019).
15. Лоцманенко В.В., Кочегаров Б.Е. Проектирование и конструирование (основы). Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2004.
16. Спорышков П.Н. Завод «Красный Октябрь» в годы Великой Отечественной войны. 1943 г. (рукопись, 149 с.) // Музей истории завода «Красный Октябрь». НВФ 524/4.
17. Тронина Е.В. К вопросу об определении термина «Инженерно-техническая интеллигенция» // Вестник Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология. 2005. № 7. С. 146–155.

DMITRIY LOZIN

Volgograd State Socio-Pedagogical University

CONTRIBUTION OF THE ENGINEERING AND TECHNICAL STAFF IN THE RESTORATION OF THE INDUSTRY OF STALINGRAD IN 1943–1950

The article deals with the role of the engineering and technical staff in the restoration of the industry of Stalingrad in 1943–1950. There are analyzed the forms of the activity of the engineering and technical staff that are carried out by them for the restoration of the industrial potential of the city. There are defined the methods of the encouragement of the engineering and technical staff for their contribution in the implementation of the issues of the industry's restoration.

Key words: engineering and technical staff; recovery period of Stalingrad, industrial enterprises, industrial process, rationalization activity.

УДК 930.85

Д.В. МОРГУНОВА
(123dasha1233@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

САМОЗВАНСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ИСТОРИИ РОССИИ (историографический аспект)*

Рассматриваются вопросы, связанные с постановкой проблемы самозванства в отечественной истории. Анализируются исторические условия появления самозванцев и акцентируется внимание на отражении феномена самозванства в исторической литературе.

Ключевые слова: самозванство, самозванец, самодержавие, Лжедмитрий I, Емельян Пугачев.

Самозванство как политический феномен в мировой истории не является редкостью. Так, уже в XV в. Перкин Уорбек, выдававший себя за герцога Йоркского Ричарда Шрусбери, претендовал на английский престол. Нашу страну данное явление широко затронуло лишь с начала XVII в., когда в целях захвата власти Григорий Богданович Отрепьев выдавал себя за чудом спавшегося царевича Дмитрия – сына Ивана Грозного. Он сумел захватить царский престол и продержался у власти девять месяцев. Именно начиная с данного события, еще не раз в нашей истории появлялись амбициозные мошенники, выдававшие себя за тех, кем они не являются.

Под самозванством историки, прежде всего, понимают присвоение кем-либо имени представителя царствующей династии, хотя в обыденном значении слова самозванцами могут быть представители самых различных социальных слоев и групп. В своем научном труде О.Г. Усенко дает следующее определение термину «самозванец» – обманщик, «ложный» носитель какого-либо статуса. Данной трактовкой пользовались как раз в период XVII–XIX вв., когда данное явление не было редкостью [6].

Феномен самозванства возник на определенном историческом этапе не случайно. Это своего рода побочный эффект самодержавия. Р.Г. Скрынников пишет, что в умах обычного народа хранилась идея о незыблемости монаршей власти, о ее божественном происхождении. Царь всегда есть спасение народа [4]. Это одна из причин, почему самозванцы завоевывали доверие тысячи людей. Например, в России XVII–XVIII вв. данное явление выражало недовольство населения существующими социальными отношениями и проблемами.

В.И. Цыганов, изучая идеи русского самодержавия, приводит мнение К.Н. Леонтьева о самозванстве. Так, он обращает внимание на то, что русские бунты не были направлены на ограничение самодержавия и часто использовали «лжелегитимизм» (самозванство), что еще раз доказывало силу монархического начала в России [7].

А.Е. Балтинский в качестве отличительного признака русского самозванства выделяет социальную, классовую борьбу. Самыми знаменитыми самозванцами стали Лжедмитрий I и Емельян Пугачев. Оба выдавали себя за истинных правителей, оба вели свою самозванческую деятельность в период дестабилизации власти, когда на престоле продолжительную часть времени отсутствовал законный, сильный монарх, а также оба были из низших сословий и массовую поддержку находили в таких обездоленных людях [2].

Безусловно, данные персоны скорее исключение, чем правило традиции русского самозванства. Г.П. Ламкин говорит о такой важной отличительной черте как антифеодалная направленность самозванства [3]. Наиболее известные самозванцы, в первую очередь, обещали волю народу, который был недоволен установившимся в стране крепостным правом.

Исследователь М.С. Арканникова в своей статье выделяет три типа самозванства:

- самозванец-защитник;
- самозванец-мошенник;
- самозванец-марионетка.

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Причем зачастую данные три типа взаимно друг друга не исключают, а как раз наоборот, дополняют на разных этапах становления того или иного самозванца [1].

Кроме личностных качеств, самозванец должен иметь хорошее, надежное окружение и спонсирование для продвижения своей деятельности. И.О. Тюменцев в своей работе делает акцент на то, что именно поддержка Лжедмитрия со стороны кн. Адама Вишневецкого, кн. Романа Ружинского, Николая Струся, Михаила Ратомского создало иллюзию более широкой поддержки дела самозванца на Украине. Его первое появление перед народом в статусе «царевича» во многом прошло успешно благодаря этому факту [5].

Не случайно самозванцы появились в России в период Смуты, когда социальная обстановка в стране резко обострилась из-за пресечения династии Рюриковичей и структурного социально-экономического кризиса, вызвавшего процесс закрепощения крестьян. Первым и самым известным самозванцем в истории нашей страны стал Григорий Отрепьев. На его примере тенденция к выдаче себя за того, кем ты не являешься в эпоху Смутного времени стала очень распространенной. Условно, можно обозначить три группы самозванцев:

1. Общероссийского масштаба. Лжедмитрий I и Лжедмитрий II. Оба самозванца фактически захватывали власть. Так, Лжедмитрий I стал царем непосредственно в Москве. Лжедмитрий II возглавлял лагерь в Тушино, куда наряду с Москвой платились налоги, была боярская элита и даже свой патриарх.

2. Локального масштаба. Самозванцы, которым удавалось захватывать влияние в отдельных регионах. Представителями данной группы являются такие самозванцы, как Иван Август, который выдавал себя за сына Ивана Грозного. А Осиновик, Лаврентий и Федор выдавали себя за сыновей Федора Ивановича. Однако объединяет их в первую очередь деятельность как самозванцев в Поволжье.

На протяжении XVII–XVIII в. сформировалась еще одна группа самозванцев – Лжепетров. В нее входят такие личности, как Илейко Муромец, выдававший себя за сына Федора Ивановича – Петра. Так же Ларион Стародубцев, который в эпоху дворцовых переворотов представлялся сыном Петра Великого. И самый знаменитый самозванец в данной группе – Емельян Пугачев, выдававший себя за Петра III.

Однако не только самозванцы представлялись отцами, братьями, мужами, а и дочерьми императриц. Одной из самых знаменитых является княжна Тараканова, выдававшая себя за дочь Елизаветы Петровны и графа Разумовского.

Как историческое явление самозванство существовало в течение ограниченного времени. Условиями его появления исследователи считают наличие в стране острого политического кризиса, серьезных социально-экономических проблем и нестабильность власти. Безусловно, отличительными чертами самозванства являлось разрушение сложившегося порядка в обществе и захват власти, т. к. в обществе господствовали монархические идеи, не подвергающие сомнению законность прав на высшую власть в государстве по праву рождения.

Литература

1. Арканикова М.С. Идентификационный дискурс самозванства // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 1(123). С. 159–164.
2. Балтинский А.Е. Емельян Пугачев: путь к самозванству // Вестник академии наук Республики Башкортостан. 2017. Т. 24. № 3(87). С. 47–53.
3. Ламкина Г.П. Самозванство в контексте кризиса института политической власти в России XVII века // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2008. № 4. С. 3–7.
4. Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1987.
5. Тюменцев И.О. К вопросу о «скрытой интервенции» Речи Посполитой против России в 1604–1605 гг. // Петербургские славянские и балканские исследования 2012. № 2(12).
6. Усенко О.Г. Кто такой «самозванец?» // Путь познания истории России: новые подходы и интерпретации. Сер.: Новая перспектива. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. Вып. XX. С. 51–63.
7. Цыганов В.И. Идея русского самодержавия и её развитие в творчестве Л.А. Тихомирова. Н. Новгород: Изд-во Вектор ТиС, 2003.

DARIA MORGUNOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**IMPERSONATION AS A POLITICAL PHENOMENON OF THE RUSSIAN HISTORY
(historiographical aspect)**

The article deals with the issues associated with impersonation in native history. There are analyzed the historical conditions of the appearance of imposters. There is paid special attention to the reflection of the phenomenon of impersonation in historical literature.

*Key words: impersonation, imposter, absolutism,
False Dmitriy I, Emelyan Pugachev.*

УДК 93/94

И.А. МУСАЛОВ

(ilgam.musalov@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПРЕССА НАЧАЛА XX В. О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ*

Анализируются вопросы освещения работы II Государственной Думы в прессе и проблемы формирования парламентской журналистики в Российской империи. Раскрываются некоторые аспекты деятельности Думы в СМИ разной идейной направленности: оценка работы парламента; отражение политического процесса на страницах периодических изданий начала двадцатого столетия.

Ключевые слова: Российская империя начала XX в., политическое развитие, парламентаризм, Государственная дума, периодическая печать.

Пресса как инструмент информирования населения о работе Государственной думы Российской Империи в рамках истории парламентаризма в современной отечественной научной среде исследована фрагментарно. В основном это работы общего характера по истории журналистики [2, 6, 9], либо авторы рассматривают исследуемый вопрос на примере отдельных периодических изданий [3, 10, 11], или детально изучают деятельность отдельных представителей парламентской журналистики [8, 12]. Некоторые статьи докторов исторических наук О.А. Патрикеевой, Д.М. Усмановой и кандидата филологических наук Р.А. Савастенко актуализировали данную проблему [13, 22, 23].

В начале XX в. в Российской Империи наблюдался рост политической культуры общества, чему в первую очередь способствовали события Первой революции 1905–1907 гг., одним из результатов которой стало учреждение и деятельность Государственной Думы, обладавшей законодательной инициативой. Очевидно, данные процессы были бы невозможны без информатизации политического поля.

К концу XIX в. информация стала быстрой и доступной для широкого круга людей, чему способствовали технические изобретения: телеграф развивался бурными темпами; революцию в автоматизации печати произвел в немецкий ученый О. Мергенталер, запатентовавший линотип; Томас Эдисон изобретает фонограф, распространяя тем самым миллионы носителей звуковой информации [2, с. 26–32].

Благодаря техническому прогрессу и иным факторам происходил быстрый экономический рост, увеличение процента грамотного населения и усложнение общественной жизни в начале века, что вызвало стремительный количественный рост периодики.

По официальным данным, в 1889 г. в стране выходило 667 изданий (500 на русском языке). В 1908 г. было 2028 изданий. С.Я. Махонина, анализируя статистику, доказала, что в данный период многие города России обзавелись своими частными газетами, которые могли излагать иные точки зрения, нежели столичные или церковные. Она также указала, что издания долго «не жили», часто менялись сверху редакционные составы: в 1908 г. больше 100 лет истории насчитывало 21 периодическое издание, от 10 до 75 лет – 630 газет и журналов, на первом году существования исчезло 648 [6, с. 38–43].

В 1901–1916 гг. во многих регионах страны выходили журналы и газеты различных видов: государственные и частные, партийные и общественные. Только в Киеве, Одессе, Саратове, Иркутске выходило около 1400 изданий, которые старалась отразить своё видение общественно-политической ситуации. Около 40% провинциальной прессы составляли официальные издания («Губернские ведомости», «Епархиальные известия») [1, с. 329].

20 февраля 1906 г., стало «днём рождения» российской парламентской журналистики – принятие и обнародование «Положения об Учреждении Государственной думы» разрешало присутствие на ее заседаниях «представителям выходящих в свет изданий повременной печати в числе, не превышающем количества отведенных для них мест» [24, с. 76].

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Периодическая печать начала XX в. была пестрой палитрой мнений, т. к. объединила в своих рядах журналистов разных изданий, начиная от крайне правых, заканчивая левыми социалистами.

При Государственной думе Российской империи работало Общество думских журналистов, куда входили известные представители печати: М.М. Федоров (председатель правления), А.А. Пиленко (товарищ председателя, а с 1911 г. – председатель правления), М.М. Ганфман (секретарь правления), К.В. Аркадакский (казначей) и члены правления: С.А. Адрианов, С.С. Балабанов, А.И. Гессен, Б.Г. Косновский, В.И. Мисенко, Л.М. Неманов. Думские корреспонденты стали новой разновидностью газетчиков.

В среде депутатов также были опытные журналисты и редакторы передовых изданий, например: Г.Б. Иоллос был сотрудником газеты «Русские ведомости», Правые депутаты Думы – Г.Г. Замысловский, Н.Е. Марков, В.В. Шульгин, В.М. Пуришкевич, Г.А. Шечков постоянно публиковали статьи в правомонархической прессе – журнале «Мирный труд» (выходившем в Харькове), газетах «День», «Курская быль», столичном еженедельнике «Прямой путь», где публиковали свои статьи о деятельности думы [13, с. 31–34].

Для работы прессы в Таврическом дворце во время II Государственной думы было выделено 89 мест, из них 28 мест получили столичные газеты, 54 места досталось провинциальной и национальной печати, 7 мест – еженедельным и ежемесячным изданиям. Такое количество корреспондентских мест стало наибольшим за всю историю работы данной и последующей Дум. Отношения журналистов с Думой строились при помощи Бюро печати и президиума, куда входили видные редакторы. Депутаты осознавали важность работы прессы, ведь она складывала их как личный образ, так и всей Думы в глазах народа [8, с. 103–106].

Пресса становилась реальным «прессом» в руках общества, эффективно влиявшим, в том числе и на власть, в частности, на принятие законодательных решений Государственной Думой второго созыва (20 февраля – 3 июня 1907 г.).

Так, уже с начала года ведется активная работа по описанию подготовки выборов, всех его этапов и публикуются итоги. В изданиях активно печатаются фоторепортажи с главных событий в Думе, таких как торжественное начало работы, работы в комитетах и общие заседания, публикуются фотографии депутатов Думы по округам.

Охарактеризуем первоначально консервативную («официозную») периодику: «Правительственный вестник», «Губернские ведомости», «Московские ведомости», «Русское обозрение», а также частные: редакция «Новое Время», «Гражданин» и менее крупные. Они имели ряд привилегий: были освобождены от первичной цензуры и активно получали субсидии в обмен на лояльность. «Печать давно стала уже у нас силой – иначе бы правительство не тратило десятков тысяч рублей на подкуп ее и на субсидирование разных Катковых и Мещерских», отзывался о печати В.И. Ленин [5, с. 93].

Однако в российском обществе существовало стойкое неприятие официозной прессы, издания правительства просто не читали. «Не каждый читатель мог справиться с публикациями “толстого” журнала, и поэтому предпочтение отдавал иллюстрированным еженедельникам, которые отличались новостями развлекательного и сенсационного характера. Заметное место начал занимать “тонкий” журнал, достоинством которого была высокая оперативность печати. И, тем не менее, в дооктябрьский период официальная печать росла и укреплялась» [22, с. 112].

Большую значимость имела деятельность редакции «Новое время». В отличие от партийной печати, как правило, освещавшей думские события предвзято и тенденциозно, газета «Новое время» давала читателю полную картину, а главное, внутренний обзор деятельности российского парламента. Журналистский корпус представляли лучшие деятели, такие как, А.А. Пиленко, А.И. Ксюнин, которые работали в думских отделах и комиссиях.

Журналисты «Нового Времени» активно работали в думе нескольких созывов, иногда даже вмешиваясь в её работу, например, известны факты, когда редакция критиковала стенографические отделы думы первого созыва, «Где официальные стенографические отчеты заседаний?», – со страниц

журнала вопрошал редактор и спецкор А.А. Пиленко [15]. «Пресса имеет право требовать, чтобы ей, в интересах общегосударственного дела, сообщались все несекретные документы своевременно и в надлежащем количестве», – яро настаивал Александр Александрович [14].

Прессу интересовали и иные стороны думской работы. Так, часто выходили разгромные статьи на депутатов, или на попустительства всей думы. Известен факт жалоб на постоянные опоздания депутатов. О.А. Патрикеева приводит цифры подсчета редакции «Нового Времени», говоря о 33,5 часах опозданий депутатов, возмущаясь потерянным временем [13, с. 31–34].

«Новое Время» ввела первой рубрику «Из кулуаров Государственной думы». В кулуарах, по справедливому замечанию М.О. Меньшикова, «ни звонок председателя, ни страх говорить перед большим собранием не стесняют свободы слова», депутаты часто откровеннее, чем на официальных заседаниях [7].

Рупором прогрессивной буржуазии, оппозиционного режиму, стала либеральная журналистика – газеты «Русские ведомости», «Речь», журнал «Русская мысль». В этих изданиях идеалом провозглашалась конституционная монархия, а реформы объявлялись единственным законным путем достижения необходимых преобразований. Что отражалось в их работе и в Думе [3, с. 10].

Характерной особенностью русской легальной прессы XX в. является то, что большинство изданий были частными. В 1907 г. в частных руках находились почти все общественно-политические газеты и журналы.

Теперь поподробнее остановимся на освещении деятельности Государственной думы газетой «Речь». Она была основана перед созывом ещё первой Думы в 1906 г., принадлежала частному лицу и провозглашала себя независимой газетой, хотя входила в состав органов Кадетской партии, чья линия активно и лоббировалась на страницах издания [9, с. 7–15].

Газета «Речь», выходящая по будням, имела крупный тираж. На своих в среднем 5–6 листах доступным языком, оперативно и информативно рассказывала о событиях, происходивших как в стране, так и за рубежом. За время работы Думы «Речь» выпустила 87 выпусков своей газеты, практически в каждом из которых, в разных контекстах упоминалась Дума, депутаты или иные факторы, связанные с её работой. Она активно следила и доносила читателю о подготовке выборов, всех её этапов, а также результатов, причем на первых своих полосах. И начиная с январских номеров 1907 г., указывала в своих колонках на «бурления в политических партиях», «результатах выборов на местах», показывала всю важность данного процесса с их точки зрения [19]. Весь февраль в основном обсуждались и оглашались результаты прошедших выборов.

Первого марта 1907 г. вышел номер, в котором сообщалось о восстановлении выпуска от редакции «Речь», газеты «Реформа» с бесплатным приложением «Государственная Дума» с подробными изложениями о заседаниях, что свидетельствует об акцентах издательства. Газета подробно описывала с разных точек зрения отношения между партиями, например, о примирении социал-демократов и оппозиции; проблемах, возникающих у аккредитованных в Думу корреспондентов (при проходе в думу). В первом выпуске приложения «Государственная Дума» была опубликована декларация и взгляд правительства на обсуждаемые вопросы [20].

В апрельских выпусках описывается нескрываемое противоборство правительства и думы. Это можно констатировать, исходя из заголовков статей: «К конфликту между Столыпиным и Головиным», «К слухам и толкам о роспуске Государственной думы», «Жалобы Думы» [21].

На протяжении работы Думы на страницах газеты активно обсуждаются главные вопросы: аграрный (поднимался не раз на страницах газеты); продовольственный; бюджет на 1907 г.; военный; вопрос репрессий против революционеров. Издание «Речь» стало главным рупором действий, происходящих в Думе, детально и оперативно работающим для народа.

Революционная печать издавалась нелегально и не могла на равных соперничать с легальными СМИ. В.И. Ленин указывал, «газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но и коллективный организатор» [6, с. 165].

В 1907 г. в Москве издавались 4 народно-социалистические и 1 эсеровская газеты. Также выходили 80 еженедельных газет; 44 двухнедельных и 36 ежемесячных издания. Среди них были печатные

органы меньшевиков и эсеров, но ни одного РСДРП(б), это было связано с отсутствием финансирования и уходом партии в подполье из-за начавшейся реакции.

Меньшевики проповедовали свои взгляды в издаваемой ими за границей газете «Голос социал-демократа», а также в легальной газете «Товарищ», продолжавшей выходить в России.

В деятельности большевиков огромную роль играла нелегальная газета «Пролетарий», которая издавалась в 1906–1907 гг. Содержание газеты – борьба против ликвидаторов и отзовистов, полемика с меньшевиками. Газета реагировала на все главные выступления и действия общественно-политического поля, начиная с выборов и до последствий разгона Государственной Думы.

Практически в каждом выпуске с ненавистью и насмешками публикуются статьи о черносотенных организациях. Так, в 11 и 12 выпуске говорится о разоблачении деятельности «Союза русского народа», который занимается «убийствами, погромами и все это происходит под руководством правительственных чиновников». Также в этом выпуске «Пролетарий» обвиняет «Совет объединенного дворянства» в «лоббировании своих интересов при помощи двора» [16].

С февральского выпуска начинается активное описание предвыборной работы, «значения выборов в Петербурге», выкладывания результатов голосования по местам. На первых страницах звучат лозунги «Вторая Дума – Вторая волна революции» [Там же].

В мартовском номере (№ 14) уже идет описание самой работы думы, её комиссий, на это отводится две полосы. Далее уже газета пишет о внутрипартийных делах – подготовки к съезду, называя его «платформой революционной социал-демократии». Подчеркнем, не во всех своих выпусках «Пролетарий» делает акцент на работе думы, главным остаются внутренние дела партии, потом уже общественно-политические дела Думы.

В (№ 15) идет разбор слушаний комиссий Думы о вопросах образования, безработицы, первые две полосы по традиции отданы вопросам работы Думы, продолжается статья о подготовке к съезду «платформой революционной социал-демократии» и разбор внутренних вопросов [17].

На майском (№ 16) номере прерываются архивные данные о газете «Пролетарий», поэтому нельзя в данный момент точно описать их видение Думской работы в последние месяцы её существования [18].

До мая 1907 г. было издано 16 номеров газеты. Газета часто прерывала свою печать, до конца 1907 г. вышло 4 номера «Пролетария», потом они вынуждены были его закрыть. На смену «Пролетарию» пришел «Социал-демократ», возникший по решению V съезда партии.

Подводя итоги, отметим следующие моменты: благодаря техническому прогрессу и росту грамотности населения вырос объем выпускаемой литературы, в том числе и периодики; повысился общественный интерес к деятельности власти, в том числе зарождавшейся в это время парламентской. Издания боролись за читателя, обретая своего разными способами (стилем, формой подачи материала, выбором политических сторон).

В провинции большинство занимала официальная пресса, города особенно столичные были полем для борьбы передовых изданий. Выделяется ряд изданий консервативного, либерального, радикального блоков. В большинстве своём они стараются объективно преподносить информацию, но со своим идейным, политическим подтекстом. Кадетская «Речь» делала акцент как на рабочих моментах, так и «кулуарных» моментах жизни думы, «Новое Время» специализировалась на «внутренних делах» думы, а «Пролетарий» описывал её работу в контексте внутрипартийной работы, видя в Думе плацдарм для дальнейшего революционного развития. Также во всех исследованных изданиях описывается парламентская работа – от начала выборного процесса, до закрытия Думы и последствий. Не одна редакция не упускает главных вопросов, обсуждаемых в Думе: аграрного, военного, финансового, только с разным окрасом. Изданиями публикуют также внутрипартийные и фракционные дискуссии внутри Думы. Можно констатировать, что пресса начала XX в. всесторонне, стремясь к объективному освещению, но со своим «газетным взглядом» рассказывала о деятельности II Государственной Думы. Читатели получали возможность детально узнать, что там происходило, какие законодательные решения принимались и как это повлияет на их жизнь.

Литература

1. Глинский Б.Б. Русская периодическая печать в провинции // Исторический вестник. 1898. № 1. Т. 71. С. 317–334.
2. Жирков Г.В. Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014.
3. Котов Б.С. Газета «Речь» в дни Июльского кризиса 1914 г. // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 4(37). С. 9–16.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.: Госполитиздат, 1960. С. 89–165.
5. Ленин В.И. Что делать? // Полное собрание сочинений. Т. 6. 5-е изд.. М.: Госполитиздат, 1963. С. 1–192.
6. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2016.
7. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Новое вече // Новое время. 1906. 21 мая.
8. Ниткин П.С. Взаимоотношения журналистов и депутатов после Первой русской революции в период работы Государственной Думы Российской империи третьего созыва (1907–1912 гг.) // История: факты и символы. 2017. № 3(12). С. 102–111.
9. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов). М.: Изд-во МГУ, 1999.
10. Патрикеева О.А. Газета «Новое время»: вклад в развитие парламентской журналистики в России (начало XX в.) // Вестник Москов. гос. гуманитар. ун-та им. М.А. Шолохова. Сер.: История и политология. 2013. № 2. С. 5–13.
11. Патрикеева О.А. Государственная дума Российской империи на страницах газеты «Новое время» // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 160–168.
12. Патрикеева О.А. Деятельность журналистов в Государственной думе Российской империи // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы истории парламентаризма: международная науч. конф. (СПб., Таврический дворец, 19 окт. 2012 г.): сб. науч. статей: в 2-х ч. СПб., 2013. Ч. 2. С. 130–146.
13. Патрикеева О.А. Зарождение парламентской журналистики в России в начале XX века // Вестник Санкт-Петербур. гос. ун-та. Сер.: История. 2012. Вып. 4. С. 31–40.
14. Пилленко А.А. Вниманию думского президиума // Новое время. 1906. 27 июня.
15. Пилленко А.А. Открытое письмо князю Шаховскому // Новое Время. 1906. 19 мая.
16. Пролетарий = Le Proletaire: орган С.-Петербургского и Московского комитетов РСДРП. 1906, 21 авг. – 1909, 28 дек. – Москва – Женева – Париж. 1907. № 11, 12, 13 (январь, февраль).
17. Пролетарий = Le Proletaire: орган С.-Петербургского и Московского комитетов РСДРП. 1906, 21 авг. – 1909, 28 дек. – Москва – Женева – Париж. 1907. № 14, 15 (март).
18. Пролетарий = Le Proletaire: орган С.-Петербургского и Московского комитетов РСДРП. 1906, 21 авг. – 1909, 28 дек. – Москва – Женева – Париж. 1907. № 16 (май).
19. Речь: ежеднев. политич., литератур. и экономич. газета. 1907. № 1. 1 янв.
20. Речь: ежеднев. политич., литератур. и экономич. газета. 1907. № 50. 1 марта.
21. Речь: ежеднев. политич., литератур. и экономич. газета. 1907. № 77, 79, 83. 1, 4, 8 апр.
22. Савастенко Р.А. Российская периодика в начале XX века и ее участие в общественно-политической жизни страны // Вестник Российс. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2013. № 4. С. 112–121.
23. Усманова Д.М. Государственная дума и отечественная пресса: к вопросу о «медиализации» работы российского парламента // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: международная науч. конф. (СПб., Таврический дворец, 10–11 дек. 2015 г.): сб. науч. статей: в 2-х ч. СПб.: ЭлекСис, 2016. Ч. 1. С. 247–255.
24. Учреждение Государственной думы. Ст. 43. // Государственный строй Российской империи накануне крушения: сб. законодательных актов. М.: МГУ, 1995. С. 76.

ILGAM MUSALOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

PRESS AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY ABOUT THE WORK OF II STATE DUMA

The article deals with the analysis of the issues of the work of II State Duma in the press and the issues of the development of the periodical press in the Russian Empire. There are revealed some aspects of Duma work in media sources of different ideological orientations: the evaluation of the parliament works; the reflection of the political process in the periodical press of the beginning of the XXth century.

Key words: the Russian Empire in the early XXth century, political advancement, parliamentarism, the State Duma, periodical press.

УДК 94

Н.А. ОСИПОВ
(osipov090996@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

КУБАНСКАЯ УКРАИНА – НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ УКРАИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО*

Рассматривается проблема украинского национального самосознания среди кубанских казаков, история их происхождения.

Ключевые слова: Кубанская Украина, кубанцы, запорожские казаки, черноморское казачье войско, украинцы, украинский, русификация, ассимиляция, малороссы, концепция триединой русской нации, украинизация.

В декабре 2018 г. в Киеве была переименована улица маршала Жукова в улицу Кубанской Украины [9]. Данное событие вызвало резонанс в российских и украинских СМИ.

Цель данной работы заключается в раскрытии проблемы украинского вопроса на Кубани. В отечественной историографии данная тема была освещена недостаточно полно.

Для объективного понимания истоков возникновения термина «Кубанская Украина» необходимо обратиться к истории заселения этого региона выходцами из Украины. Территории Кубани стали заселяться украинцами в связи с ассимиляционной политикой Российской империи. Поводом для этого стали многочисленные измены украинских гетманов, причина которых заключается в разочаровании казачьей верхушки в союзе с Россией. Российский историк, Е.В. Анисимов, в своей книге «Императорская Россия» пишет о том, что после Переяславской Рады 1654 года «Украина под властью России проделала путь от демократического казачьего вольного образования до незавидного положения одной из многих российских губерний, населенных помещиками и крепостными» [1].

Екатерина II упраздняет Гетманат в 1764 г., а в 1775 г. ликвидирует Запорожскую Сечь, после чего некоторая часть запорожских казаков переселяется за Дунай и под властью османского султана создается Задунайская Сечь. Большинство же покорилось указу и отправилось в губернские центры для постановки на учет и приписки к какому-либо сословию. По мирному договору с Турцией Российская империя объявила реку Кубань границей со стороны турецких владений на Кавказе [13, с. 183].

Крым вошел в состав Российской империи, но угроза исходила на кавказской границе, т. к. Турция восстанавливала силы и грозила новой войной, в связи с этим Григорий Потемкин предложил восстановить казачьи войска и разместить их на вновь приобретенных территориях.

22 января 1783 г. вышел императорский указ об официальном принятии казаков на российскую службу и создание «Войска верных казаков», которое начало формироваться 6 апреля и делилось на конницу, пехоту и флотилию [12].

К 1787 г. войско насчитывало 12 тыс. человек, которое получило мундиры, артиллерию, знамена и другие знаки. Войско было брошено на очередную войну с Турцией, где выполняло одну из ведущих ролей на боевом театре военных действий [13, с. 184].

По окончании войны казаки получили название «Черноморское казачье войско» и жалованную грамоту императрицы Екатерины II 1792 г., по которой они могли заселить земли Кубани. Вместе с переселением казаки перенесли и старинное сечевое устройство, такие как кош и курени [Там же, с. 183].

В 1793 г. был основан город Екатеринодар, также указом Екатерины II от 30 июня 1792 г. проводится разграничение земель Черноморского казачьего войска, Екатеринославской, Таврической и бывшей Кавказской губерний, определены границы с Войском Донским [5, с. 33].

Позже вместе с казаками стало переселяться и обычное крестьянство, неся украинский язык и культуру в эту область. Местное население называлось черноморским, а позже стало именоваться кубанцами или кубанскими украинцами, а отсюда и территория Кубанской Украины. Причем в том же смысле, как и Левобережная Украина, Правобережная Украина, Слободская Украина и т. д.

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.Л., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Местное население говорило на украинском языке, использовало украинский фольклор, исполняло украинские песни, были сохранены нравы, обычаи, поверья, быт, например, напевы на клиросе, веснянка на улице, щедрование под окном, жениханье на вечерницах и выбеленный угол хаты. Очевидец тех событий явно мог подумать, что находится на территории Гетманской Украины [13, с. 45–46].

Однако однородность территории изменилась. Рядом с черноморцами также располагались кавказские казаки, т. е. терские, также донские. Национальный состав в принадлежащих им станицах был очень разнообразный, и большинство населения составляли русские, тогда как украинцы составляли около 30% [11]. В черноморском же войске украинцы достигали абсолютное большинство. С конца Кавказской войны начинается переселенческая политика, которую проводил Александр II.

В 1860 г. несколько бригад были выделены из кавказского линейного войска и объединены с черноморским в кубанское казачье войско, в результате была создана Кубанская область [10, с. 8]. Началось упразднение старого административно-территориального деления и были созданы новые округа и уезды. Была осуществлена унификация и стандартизация форм управления, государственно-административной структуры, законов. Все административные, военные и аграрные реформы в Кубанском казачьем войске в 60–70-е гг. XIX в. подчинялись главной задаче – заселению и хозяйственному освоению земель Кубанской области, что было вызвано, по словам Александра II завоеванием Кавказа путем его колонизации. В результате этого процент в численном соотношении украинцев среди населения Кубани значительно снизился и стал составлять примерно половину [2].

Войско стало иметь двоякое гражданско-военное учреждение. Высшей гражданской и военной властью стал обладать наказной атаман, одновременно представляющий гражданского губернатора и начальника дивизии. В связи с тем, что черноморское войско входит в состав кавказской армии, то наказной атаман подчиняется главнокомандующему кавказской армии. Атаман управляет войском посредством учреждения, составляющего две параллели, соприкасающиеся на многих точках и сливающиеся с последней, ближайшей к казаку инстанции – станичном правлении. Параллель гражданскую составляют: войсковое правление, гражданская палата, палата государственных имуществ и казенная палата, с прибавкой частей провиантской и комиссариатской, окружные суды, сыскные начальства, станичное правление. Военную параллель составляют: войсковое дежурство, с начальником штаба, при нем военно-судная комиссия, окружные дежурства с начальниками военных округов и при них военно-судные комиссии; станичное правление. По обеим параллелям войсковой атаман высший распорядитель, а станичные атаманы низшие исполнители. По военно- и гражданско-медицинской части атаман действует через войсковую врачебную управу, который подчинены военные гражданские чины [13, с. 184–187].

Несмотря на переселенческую политику, кубанцы не утратили свое национальное самосознание, наоборот, они сохранили свою культуру и язык, который, конечно, приобрел свои определенные отличия от классического украинского языка. Украинский язык в XVIII в. еще находился в стадии формирования, и соответственно, когда он был перенесен на Кубань, пошел своим альтернативным «путем». Также вследствие влияния со стороны русского литературного языка была сформирована так называемая кубанская балачка, которая лингвистически относится к диалектам украинского языка [3].

Переселенческая политика впоследствии в годы гражданской войны дала свои результаты, вместе со смешением народов, также осуществилось и смешение мнений. Именно поэтому после революции наряду с проукраинскими настроениями могли наблюдаться и пророссийские [6].

В 1897 г. была проведена всеобщая перепись населения в Российской империи. Главным признаком по определению национальности было не этническое происхождение, а родной язык. По языку можно и определить расселение наций по территориям. В Российской империи существовала концепция триединой русской нации, по которой русские – это один народ, имеющий три разновидности в виде великороссов, малороссов и белорусов [8]. В связи с этим на картах украинский язык подписан как малорусское наречие. По результатам переписи малорусское наречие преобладало на территории современной Украины, в некоторых местах Крыма, некоторых уездах Воронежской и Курской губерниях, в отдельных местах Западной Сибири и на Дальнем Востоке, а также на Ку-

бани. Огромное количество украинцев проживало во многих станицах Кубани, в общем же составляло около 50%, а на Темрючине в некоторых местах до 90% [11]. Все это свидетельствует о преобладании украинского населения на территории Кубани.

В результате Февральской революции 1917 г. монархия была свергнута и вспыхнула волна национальных движений. Кубань не была исключением. Однако необходимо заметить, что с самого начала создания государственности на Кубани, казаки позиционировали себя не как отдельный народ, а скорее, как часть общего этноса с украинцами, о чем свидетельствуют слова главы кубанского правительства, выразившего преобладающее мнение среди кубанцев, о чем пойдет речь ниже.

С 30 апреля по 3 мая 1917 г. в Екатеринодаре прошли сборы казачества, на которых было создано казачье правительство – Кубанская Военная Рада. Главой был избран Николай Рябовол. 24 сентября прошла 2-я сессия Кубанской Рады, на которую были приглашены представители украинской стороны. Н. Рябовол, выступавший на сессии сначала на русском языке, а потом на украинском заявлял, что «Украина – это мать кубанских казаков, которые остались сиротами и обречены на гибель, если не вернуться под лоно своего родителя». В результате 16 февраля 1918 г. была провозглашена Самостоятельная Кубанская Народная Республика, а через несколько дней Законодательная Рада приняла резолюцию о воссоединении КубНР и УНР на федеративной основе. Возможно, федерация бы получилась, если бы большевики не захватили власть [4]. Интересен тот факт, что официальным языком в КубНР наряду с русским провозглашался украинский, и начиналась украинизация.

Красная армия повела наступление и в короткий срок установила контроль над всей республикой, а позже и над Екатеринодаром, откуда было эвакуировано правительство КубНР. 14 апреля была провозглашена Кубанская Советская Республика. После объединения со Ставропольской республикой 30 мая была провозглашена Кубано-Черноморская Советская республика, которая вместе с Терской республикой 7 июля образовала Южно-Кавказскую Советскую республику. Эти территориальные образования не просуществовали долго и были уничтожены в результате наступления Добровольческой армии, которая установила контроль над этой областью.

Летние украинско-кубанские переговоры 1918 г. между Рябоволом и Скоропадским в Киеве Павел Сулятицкий описывает так: «...Представители Украинского правительства представляли себе Кубань автономией или хотя бы и федеративной частью, а кубанская делегация настаивала на федеративном союзе. Непримиримого расхождения и противоречий, по сути, не было... Украинское правительство... обещало помощь живой военной силой...» [Там же].

С ослаблением внешней угрозы возник конфликт между социалистическим правительством и Радой с одной стороны и кубанским офицерством – с другой. Атаман, полковник Филимонов обвинил правительство и Раду в узурпации власти и планировал расправиться с революционной демократией, но попытка не удалась. Генерал Алексеев от лица Добровольческой армии заявил, что не допустит объединения Украины и Кубани. Взвешивая на тяжелую политическую ситуацию, кубанцы большинством голосов проголосовали за союз с Добровольческой армией по итогам украинско-кубанских переговоров [Там же].

Возможно, кубанские казаки больше тянулись к своим братьям из Украины, однако, в конечном счете выбрали белую армию. Случилось это во многом потому, что кубанцы пытались удержаться любой ценой перед красной армией, а единственным способом они считали объединение с белыми.

Как известно, белые силы выступали за единую и неделимую Россию, а потому они не были заинтересованы в государствах на Украине и Кубани. Таким образом, лидеры белой армии организовывают конфискацию украинских правительственных бумаг, арест секретаря посольства Поливана. Деникинцы срывают сине-желтый флаг на украинском посольстве и арестовывают украинского посла Боржинского. 27 февраля 1919 г. на закрытом совещании членов Законодательной Рады Рябовол осуждает действия Добровольческой армии в адрес кубанцев и их интересов по поводу независимости. В результате ответных действий Добровольческой армии началась пропаганда против кубанцев, был убит Рябовол, и казнены 12 «незалежников» членов Рады, а также осуществлена железнодорожная блокада Кубани [Там же].

Кубанское движение, потеряв своих лидеров было обречено на вымирание. Добровольческая армия потерпела поражение, победителями из Гражданской войны вышли большевики, которые в 1920 г. создали Кубано-Черноморскую область, которая наряду с Донской, Ставропольской и Терской губерниями путём объединения образовала Юго-Восточную область в 1924 г. Спустя 8 месяцев в результате объединения упразднённой Юго-Восточной области и автономных областей: Адыгейской (Черкесской), Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской и Чеченской, Сунженского казачьего округа и автономного города Грозный, на правах округа, был образован Северо-Кавказский край. В рамках национальной политики СССР была проведена украинизация, которая не имела значительных размахов, таких как на Украине, а после и вовсе была свернута в 1930-х гг. В результате урбанизации и получения образования всех ступеней на русском языке, местное население постепенно утратило украинский язык, культуру, а кубанские казаки растворились в русском народе практически бесследно [7].

В 1937 г. из Северо-Кавказского был выделен отдельный Краснодарский край, который после распада СССР, в текущий момент в Российской Федерации, не сохранил никакой украинской идентичности за исключением очень небольшого количества станиц [Там же].

Литература

1. Анисимов Е.В. Императорская Россия. СПб.: Питер, 2019.
2. Беликов А.В. Переселенческая политика России после отмены крепостного права и «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. // Вестник Адыгейс. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. С. 69–79.
3. Валентин Лученко Койне. Пиджин. Суржик. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proza.ru/2010/02/25/752> (дата обращения: 30.11.2019).
4. Володимир Дем'яненко. Микола Рябовол. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20060823185715/http://www.ukrnationalism.org.ua/get/book.cgi?n=18> (дата обращения: 30.11.2019).
5. Долгова Е.И. Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII века по 1920 год. Справочник. Ставрополь, 2008.
6. Иванис В.Н. Боротьба Кубані за незалежність. Мюнхен, 1968.
7. История административных преобразований в крае. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20090517084522/http://whp057.narod.ru/kras-k.htm> (дата обращения: 30.11.2019).
8. Каппелер Андреас. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи (рус.) // Изборник. [Электронный ресурс]. URL: <http://litopys.org.ua/vzaimo/vz11.htm> (дата обращения: 30.11.2019).
9. Киевскую улицу Жукова переименовали в честь Кубанской Украины. [Электронный ресурс]. URL: <https://m.lenta.ru/news/2018/10/18/ulica> (дата обращения: 30.11.2019).
10. Князева Е.Е. Кубанские казаки. Страницы истории Кубанского казачьего войска. М.: Государственный исторический музей, 2017.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года // Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/436647> (дата обращения: 14.12.2019).
12. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 6: 1720–1722. СПб. 1830. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/178-polnoe-sobranie-zakonov-rossiyskoy-imperii-sobranie-pervoe-s-1649-po-12-12-1825-spb-1830> (дата обращения: 14.12.2019).
13. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, о-ва, вооруж. силы и службы: в 17 рассказах, с эпилогом, карт. и 4 рис. с натуры: в 2 ч. СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1858. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003600213#?page=199> (дата обращения: 30.11.2019).

NIKITA OSIPOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

KUBAN UKRAINE IS A FAILED UKRAINIAN STATE

The article deals with the issue of the Ukrainian national identity among the Kuban Cossacks and the history of their origin.

Key words: *Kuban Ukraine, Kuban Cossacks, Zaporozhye Cossacks, Black Sea Cossack Army, the Ukrainians, Ukrainian, Russification, assimilation, Little Russian, concept of triune Russian nation, Ukrainization.*

УДК 93/94

В.А. РОГОЗИНА
(*vip.apolonova@mail.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОТРАЖЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА РОССИИ ПЕРИОДА ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ I В ТВОРЧЕСТВЕ РОССИЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.*

Предпринята попытка визуализировать основные военные события, происходившие в России во второй четверти XIX в. на основе анализа художественных источников. Рассматриваются картины отечественных художников-баталистов второй половины XIX – начала XX вв., отразивших внешнеполитический курс Николая I.

Ключевые слова: *история России, Николай I, внешняя политика, художественные источники, художники-баталисты.*

В современном мире, который очень быстро меняется, иногда хочется остановиться и посмотреть по сторонам. Для любого человека на первом месте всегда остается визуализация. Именно через нее порой достигается самое лучшее восприятие. Таким образом, живопись была и остается одним из самых ярких культурных направлений. Рассматривая картину, человек может переживать эмоции, которые в нее вложил автор. Картины – это кадры истории. Моменты, запечатленные на много лет вперед. Соединение истории и живописи порождает своего рода визуальный рассказ. История больше не является сухим отчетом, а обретает красочность и эмоциональность.

Практически каждый период истории императорской России являлся объектом творческого «изучения» для отечественных и зарубежных художников второй половины XIX – начала XX вв. Не является исключением и период правления императора Николая I. Во многих живописных работах отражены события, явления и факты, происходившие в России во второй четверти XIX в.: К.И. Кольмана (1788–1847) «Восстание декабристов на Сенатской площади в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 г.» (1830-е гг.); Г.Г. Чернецова (1802–1865) «И.А. Крылов, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Н.И. Гнедич». Эскиз к картине «Парад на Марсовом поле» (1832) и «Парад на Царицыном лугу в 1831 г.» (1837); А.И. Ладюрнера (1799–1855) «Торжественное освящение Александровской колонны на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге 30 августа 1834 года» (1840), «Офицеры Л.-гв. Конного полка у Константиновского дворца в Стрельне» (1840); «Император Николай I и императрица Александра Федоровна принимают представителей податных сословий» (1840-е) и «Парад Дейб-кирасирского полка на Дворцовой площади» (после 1846 г.); А.П. Боголюбова (1824–1896) «Смотр Балтийского флота. 1848 год» (1850–1860-е гг.); Н.И. Подключникова (1813–1877) «Живописная мастерская в Московском училище живописи и ваяния» (1830-е); Г.Г. Гагарина (1810–1893) «Бал у княгини М.Ф. Барятинской» (1830) и «Александровская колонна в строительных лесах» (1832–1833); С.К. Заряно (1818–1871) «Интерьеры Зимнего дворца. Фельдмаршальский зал» (1836) и «Зал Училища правоведения с группой учителей и воспитанников» (1840); Ф.С. Вольфа «Пожар в Зимнем дворце 1837 году» (к. 1830-х гг.); А.Д. Кившенко (1851–1895) «Император Николай I награждает Сперанского за Свод Законов» (1880); С.Ф. Деладвеза (1817–1854) «Посещение императором Николаем I Публичной библиотеки 13 декабря 1852 г.» (1853); П.А. Федотова (1815–1852) «Николай I среди институток». Эскиз (1850), «Магазин» (1844); «Невский проспект» (гравюра неизвестного автора, написанная в 1844 г.); Л.К. Плахова (1810–1881) «Пирушка водовозов» (1833) и «В столярной мастерской» (1845); М.В. Добужинского (1875–1957) «Город в николаевское время» (1907) и др.

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Подчеркнем, интенсивное развитие аудиовизуальных источников, в частности, фотодокументов (фотографии) начнется лишь с середины девятнадцатого столетия, поэтому живописные полотна того времени, по сути, являются художественными источниками, которые позволяют визуализировать развитие общества, в отличие от письменных исторических документов.

Формат научной публикации не позволяет в полной мере рассмотреть исследуемый период сквозь призму художественных источников. Акцентируем внимание на живописные произведения художников-баталистов, отразивших важнейшие события военных действий, в которых принимала участие Россия во второй четверти XIX в. Кроме того, большинство монографий и статей носят искусствоведческий характер [9, 10, 12, 22, 23, 24], за исключением труда профессора, доктора исторических наук Е.В. Анисимова [5] и статьи кандидата исторических наук Е.В. Пчелова [19]. Правда, авторы не затрагивают исследуемый в данной статье вопрос, этим и обусловлена ее актуальность.

Цель работы – визуализировать внешнеполитический курс Николая I на основе художественных источников. Для ее достижения поставлены следующие задачи: 1) определить, какие события послужили основой для написания живописных полотен, отражающих внешнюю политику России второй четверти XIX в.; 2) охарактеризовать художников-баталистов.

Во второй четверти XIX в. внешняя политика Российской империи была сосредоточена в двух направлениях: расширение геополитического пространства на Кавказе и стремление решить «Восточный вопрос». Именно в этот период проходили военные действия, противниками России в которых были Персия (Иран) и Османская Империя [4, с. 111–116; 17]. В 1826–1828 гг. шла русско-иранская война. В результате этого военного конфликта Россия окончательно закрепилась в Закавказье и присоединила территорию Восточной Армении по Туркманчайскому мирному договору, подписанному в феврале 1828 г. [4, с. 114–115].

В 1828–1829 гг. Россия воевала с Турцией [4, с. 118–128; 18]. Военный конфликт между Российской и Османской империями начался в апреле 1828 г. из-за того, что последняя закрыла пролив Босфор в нарушение Аккерманской конвенции. Военные действия завершились победой русского оружия и подписанием Адрианопольского мирного договора в сентябре 1829 г., по которому к Российской империи отошла часть восточного побережья Черного моря и дельта Дуная [4, с. 127].

Эти ключевые внешнеполитические события будут «зафиксированы» художниками. Отметим, в рассматриваемый период в художественной академической среде продолжалось развитие узких специализаций, что являлось одной из отличительных черт живописи XIX в. Стали появляться художники, работающие в определенном жанре или стиле, в частности, батальном. К таким живописцам можно отнести Ивана Константиновича Айвазовского (1817–1900) [3, 6, 8, 11, 13].

Художник нарисовал две картины, посвященные событиям русско-турецкой войны 1828–1829 гг. – «Бриг “Меркурий”, атакованный двумя турецкими кораблями» (1892) (рис. 1) [1] и «Бриг “Меркурий” после победы над турецкими кораблями идет навстречу русской эскадре» (1848) (рис. 2 на с. 70) [2].

Рис. 1. И.К. Айвазовский «Бриг “Меркурий”, атакованный двумя турецкими кораблями»

Рис. 2. И.К. Айвазовский «Бриг “Меркурий” после победы над турецкими кораблями идет навстречу русской эскадре»

И.К. Айвазовский отразил победу российского военного флота в сражении при Босфоре 14 мая 1829 г. Первая картина хранится в Феодосийской картинной галерее им. И. Айвазовского), вторая – в Государственном Русском музее.

Бриг «Меркурий» был спущен на воду в 1820 г. Его экипаж составлял 110 человек. Возглавлял его капитан-лейтенант Александр Иванович Казарский. Именно под его командованием бриг одержал победу над двумя турецкими линейными кораблями «Селимие» и «Реал-бей», которые превышали характеристики «Меркурия» в несколько раз. Боевое вооружение брига составляло 20 единиц артиллерии, тогда как на «Селимие» было 110 пушек, а на «Реал-бей» – 74 пушки [7, с. 16].

Полотно «Бриг “Меркурий” после победы над турецкими кораблями идет навстречу русской эскадре» выделяется среди других картин, посвященных бригу «Меркурий». Художник не ставил задачу изобразить все морское сражение, он концентрирует внимание лишь на одном моменте: российский корабль не сдался, даже когда его подбил неприятель; враг отступил, а бриг «Меркурий» движется навстречу русской эскадре. Художнику удалось показать героизм и воинское мужество моряков, визуализируя батальный эпизод таким художественным приёмом.

Позже сам И.К. Айвазовский писал: «Когда я писал виды морских сражений, мне давались всевозможные пособия от Адмиралтейства: чертежи кораблей, оснастки судов, вооружение и т. д. Для доставления мне возможности видеть полет ядра рикошетом по водной поверхности, при мне в Кронштадте произведено несколько пушечных выстрелов боевыми зарядами. Для ближайшего ознакомления с движениями военных кораблей во время морских сражений я присутствовал на морских маневрах в Финском заливе» [6].

В 1867 г. художником Николаем Павловичем Красовским (1840–1896) была написана картина «Бой брига “Меркурий” с двумя турецкими кораблями» [16] (рис. 3). Примечательно, рама для нее была изготовлена из дерева корпуса «Меркурия» [7, с. 16]. Художник являлся морским офицером, участником Крымской войны (1853–1856 гг.), где командовал 19-й батареей, оборонявшей Севастополь.

Рис. 3. Н.П. Красовский «Бой брига “Меркурий” с двумя турецкими кораблями»

За проявленный героизм при его обороне был дважды награжден государственными наградами – орденом св. Анны III степени и орденом св. Владимира IV степени, а батарея стала носить его имя [7, с. 19–20].

Военные действия в этой войне велись и на суше. Так, в августе 1828 г. в ночь с 8 на 9 число генерал И.Ф. Паскевич, под командованием которого было 9 тыс. человек, атаковал 30-тысячную армию Киос-Магомет-паши, рядом с турецкой крепостью Ахалцих. Сражение велось холодным оружием из-за грозы. Застигнутые врасплох турки отступили, потеряв свыше 2 тыс. человек убитыми и пленными. После недельной осады генерал повел войска на штурм Ахалциха. В результате боя турки сдали крепость, а вслед за ней пали крепости Баязет и Ардаган [28, с. 32–33].

Эти события не остались без внимания художников-баталистов. Штурму Ахалциха посвящена работа варшавского художника Януария Суходольского (1797–1875) «Штурм крепости Ахалцих 15 августа 1828 года» (рис. 4) [25]. Полотно было написано в 1839 г. Тогда же художник получил звание академика Императорской Академии художеств за ее написание [15, с. 192]. В этот же год им было создано ещё одно полотно, отражающее события русско-турецкой войны 1828–1829 гг. – «Штурм крепости Карс 27 июня 1828 г.» (1839) (рис. 5.) [26]. Картины хранятся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

Рис. 4. Я. Суходольский «Штурм крепости Ахалцих 15 августа 1828 года»

Рис. 5. Я. Суходольский «Штурм крепости Карс 27 июня 1828 года»

Одним из самых ярких художников-баталистов XIX в. является Франц Алексеевич Рубо (1856–1928). Художник был наиболее видной фигурой в русской батальной живописи конца XIX – начала XX вв. Его произведения являются ценным вкладом в батальную живопись, а педагогическая деятельность Рубо во главе батальной мастерской стала основой для целого ряда русских, а затем и советских мастеров-баталистов [14, 27]. Он наиболее всего известен созданием батальных панорам «Оборона Севастополя», «Бородинская битва» и «Штурм аула Ахульго». Также он руководил батальной мастерской Академии художеств. Полотно «Сражение под Елисаветполем 13 сен-

тября 1826 года» (рис. 6) [21] отражает главное сражение русско-персидской войны 1826–1828 гг., ставшее переломным. Картина хранится в Музее истории Азербайджана.

Рис. 6. Ф.А. Рубо «Сражение под Елисаветполем 13 сентября 1826 года»

Еще одной важной вехой в русско-персидской войне было освобождение Эривани (нынешний Ереван). Штурм русскими войсками столицы Эриванского ханства города-крепости Эривань стал окончательной точкой в битве Российской империи за установление контроля над Закавказьем. Именно этому моменту посвящена другая картина Ф.А. Рубо под названием «Сдача крепости Эривани 1 октября 1827 года» (рис. 7) [20].

Рис. 7. Ф.А. Рубо «Сдача крепости Эривани 1 октября 1827 года»

Для данной работы автор выбрал художественные произведения, отражающие военные действия двух победоносных войн в правление Николая I, «соединил» события и полотна художников-баталистов. Они позволили визуализировать уже известные факты, помогли их обогатить и сделать проще для восприятия, в том числе и эмоционального. История взаимодействия истории и живописи создает новое направление в культурном пространстве двух научных дисциплин, которое ждет своего исследователя.

Литература

1. Айвазовский И.К. «Бриг “Меркурий”, атакованный двумя турецкими кораблями» // Галерея-Art11: [сайт]. URL: <http://www.art11.ru/aivazovskii/4b.jpg>. (дата обращения: 23.12.2019).
2. Айвазовский И.К. «Бриг “Меркурий”, над турецкими кораблями идет навстречу русской эскадре» // Галерея-Art11: [сайт]. URL: <http://www.art11.ru/aivazovskii/5b.jpg>. (дата обращения: 23.12.2019).
3. Айвазовский И. М.: Белый город, 2000.
4. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи: 1801–1914. М.: Европа, 2006.
5. Анисимов Е.В. Русское искусство глазами историка, или Куда ведет Сусанин. СПб.: Арка, 2016.

6. Андреева Ю.И. Айвазовский. М.: Вече, 2013.
7. Атавин Г.А. Бой брига «Меркурий» // Гангут. 2001. № 28. С. 16–21.
8. Барсамов Н.С. Айвазовский. М.: Искусство, 1962.
9. Бейнер И.Я. Репрезентация монархической власти в русском искусстве второй четверти XIX века // Исторические, философские, политические и юридические наук, культурология искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 3(89). С. 107–110.
10. Бенуа А. История русской живописи в XIX веке. 3-е изд. М.: Республика, 1995.
11. Великие художники. Т. 2. Айвазовский. М.: Директ-Медиа, 2010.
12. Врангель Н.Н. Искусство и государь Николай Павлович: [с приложением списка картин, проданных из Эрмитажа в 1854 г., реестра картин и прочих вещей, привезенных из Варшавы и уничтоженных в 1834 г. и др.]. Петроград: Издание ежемесячника «Старые годы», 1915. // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/416350> (дата обращения: 23.12.2019).
13. Гнедич П.П. Всемирная история искусств. М.: Современник, 1996.
14. Зубов Е.А. Франц Алексеевич Рубо – художник и педагог: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2007.
15. Кондаков С.Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1915.
16. Красовский Н.П. «Бой брига “Меркурий” с двумя турецкими кораблями» (1867) // Гордеева Е. «Брига “Меркурий” чудеса отваги под покровительством Святого Николая // Военное обозрение. 2012. 29 марта. [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/12765-otvazhnyy-brig-merkuriy-chudesa-otvagi-pod-pokrovitelstvom-svyatogo-nikolaya.html> (дата обращения: 23.12.2019).
17. Потто В.И. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 3. Персидская война 1826–1828 годы. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1888.
18. Потто В.И. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 4. Турецкая война 1828–1829 годы. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1888.
19. Пчелов Е. Вверх и вперед. Каким предстает император Николай I, «Последний рыцарь Европы», в произведениях русского изобразительного искусства? // Историк. 2016. № 7-8. С 46–49.
20. Рубо Ф.А. «Сдача крепости Эривани 1 октября 1827 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://armenia-ru.touristgems.com/history/1182-vzyatie-erivani-1827/> (дата обращения: 23.12.2019).
21. Рубо Ф.А. «Сражение под Елисаветполем 13 сентября 1826 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://roubaud.eu/paintings.html> (дата обращения: 23.12.2019).
22. Сарабьянов Д.В. Образы века. О русской живописи XIX в., её мастерах и их картинах. М.: Молодая гвардия, 1967.
23. Сарабьянов Д.В. П.А. Федотов и русская художественная культура 40-х годов XIX века. М.: Искусство, 1973.
24. Сарабьянов Д.В. Русское искусство первой половины XIX в. // История русского и советского искусства. / М.М. Алленов, О.В. Евангулова, В.А. Плугин [и др.]. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1989. С. 165–224.
25. Суходольский Я. «Штурм крепости Ахалцых 15 августа 1828 года» (1839) // Галерея-Art11: [сайт]. URL: http://www.art11.ru/suhodolskii_januarii/1b.jpg (дата обращения: 23.12.2019).
26. Суходольский Я. «Штурм крепости Карс 27 июня 1828 г.» (1839) // Галерея-Art11: [сайт]. URL: http://www.art11.ru/suhodolskii_januarii/2b.jpg (дата обращения: 23.12.2019).
27. Федорова О.В. Франц Рубо. М.: Искусство, 1982.
28. Шефов Н. Битвы России. М.: АСТ, 2006.

VIKTORIYA ROGOZINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

REFLECTION OF FOREIGN POLICY OF RUSSIA IN THE PERIOD OF THE REIGN OF NIKOLAY I IN THE WORKS OF THE RUSSIAN ARTISTS OF THE SECOND HALF OF XIXTH– THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES

The article deals with the visualization of the basic military events of Russia in the second quarter of the XIXth century on the basis of the analysis of the art sources. There are considered the pictures of the native battle painters of the second half of the XIXth – the beginning of the XXth centuries reflecting the foreign policy course of Nikolay I.

Key words: *Russian history, Nikolay I, foreign policy, art sources, battle painters.*

УДК 908

Е.П. САМАРАЙ
(lisasamaraj@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ, НАПРАВЛЕННОЙ
НА ФОРМИРОВАНИЕ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» В СОВЕТСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ В 1920-Е ГОДЫ
(по материалам Царицынской/Сталинградской губернии)***

Анализируется региональный опыт формирования «нового» советского человека через повышение образовательного и воспитательного уровня граждан в 20-е годы XX в. На основе архивных материалов Царицынской/Сталинградской губернии образование и воспитание рассматриваются как пути реализации государственной политики по созданию образа «нового человека».

Ключевые слова: *советская антропология, социокультурные процессы, «новый человек», советский человек, региональный опыт.*

В последние десятилетия в российском обществе произошли изменения, которые привели к трансформации базовых социальных институтов, к переоценке ценностей, нарушению преемственности социального опыта поколений. Государство как агент социализации обладает значительными ресурсами для оказания влияния на процессы приобщения личности к требованиям общества на определённом историческом этапе. Оно использует идеологические механизмы для создания образцов актуальной социальной практики, одобряемого социального поведения. Социальные проблемы, имеющие место в современном российском обществе, явно указывают на приоритетность значения интересов человека и важность участия государства в создании достойных условий, способных обеспечить существование и свободное развитие граждан. В этом контексте представляется актуальным опыт 20-х годов XX в.

20-е годы XX в. ознаменованы началом складывания основ политики Советской власти, связанной не только с экономическими преобразованиями, но и глубокими социокультурными изменениями, развитием концепции «нового» человека. Необходимо было сформировать четкие мировоззренческие установки, культуру поведения, выработать образовательные и воспитательные концепции, позволяющие сформировать образ советского гражданина. Этот процесс включал и механизмы практической реализации идей построения коммунистического общества. Эта задача решалась на местах посредством организации образовательной и воспитательной работы, охватившей широкие слои населения. Решив проблему формирования нового типа человека, Советская Россия впервые в истории смогла решить задачу подчинения жизни общества определенной идее.

Как положительный, так и отрицательный советский опыт реализации государством роли агента социализации требуют тщательного анализа, т. к. без этого невозможно достижение целостной картины развития современного российского общества.

Проблема создания личности нового типа, формирования новой модели советского человека находилась в центре внимания партийных деятелей и идеологов советского государства. Одной из ключевых проблем в трудах В.И. Ленина выступает проблема преобразования личности. Уже в одной из первых своих работ конца XIX в., «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894 г.) он затрагивал вопросы, связанные с ролью личности в историческом процессе, трудностями в процессе ее формирования [3, с. 226–344].

После Октябрьской революции понятие «новый человек» постепенно входит в обращение. А.С. Макаренко, в «Педагогической поэме» (1920 г.) говорит об острой необходимости «по-новому делать» советского человека, с опорой на социокультурную действительность [5, с. 25–26].

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Определение воспитательного идеала легло в основу разработки воспитательного проекта. Н.И. Бухарин в работе «Социализм и его культура» (1937–1938 гг.) утверждал, что целью построения социалистического мира является воспитание гармонично развитого человека [1]. Народный комиссар просвещения (с 1917 по 1929 гг.) А.В. Луначарский в работе «Проблемы народного образования» (1923 г.) полагал, что следует формировать нового человека практической созидательной деятельностью, через образование и воспитание [4, с. 26–29].

Из современных исследований хотелось бы отметить работу Е.С. Молостова «Модели “Нового человека” в советский период: подступы к трансгуманизму» (2014 г.). Автор анализирует образ «нового человека» через призму марксистской доктрины [6]. С.Г. Новиков в статье «“...Переиначьте конструкцию рода человеческого!”: проект воспитания “нового человека” в условиях российской модернизации 1920–1930-х гг.» (2019 г.) указывает на ключевую роль воспитания и образования в выстраивании новой идеологической политики советского руководства [7].

Цель настоящего исследования – рассмотрение путей реализации государственной политики по созданию «нового человека» в 1920-е годы, посредством анализа образовательной и воспитательной практики политико-просветительских организаций. Источниковую основу исследования составили труды государственных деятелей исследуемого периода и постановления Царицынского губкома ВКП(б), протоколы заседаний агитационно-пропагандистского отдела губернского комитета РКП(б), отчёты Сталинградской губернской совпартшколы I и II ступеней, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Волгоградской области.

В ходе исследования были изучены теоретические аспекты формирования новых личностных характеристик, на основе принятых идеологических установок, выделены механизмы формирования образа нового советского человека.

Идеологическая работа растущей государственной машины во многом была направлена на создание нового типа личности. Были необходимы люди, способные подхватить революционный дух и пронести марксистские идеалы в массы. Советская Республика нуждалась в человеке будущего: идейном, трудолюбивом. Вокруг этого образа была построена идеологическая кампания. В послереволюционный период ощущалась острая нехватка грамотных, политически подкованных кадров. 2 октября 1920 г. В.И. Ленин выступил с речью на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи, в которой он определил некоторые пути движения к конструированию образа нового советского гражданина. На молодёжь была возложена ответственность по «созданию коммунистического общества». В.И. Ленин отмечал, что «поколение работников, воспитанное в капиталистическом обществе», не сможет построить вокруг себя новый мир, нужны новые люди, воспитанные в условиях постоянного обучения, трудовой деятельности, дисциплины: «Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое...» [2].

Обучение и воспитание стали важными составляющими в комплексе мер по созданию образа нового советского человека. Познакомиться с процессом формирования этого уникального образа на региональном уровне представляется возможным на примере архивных материалов Центра документации новейшей истории Волгоградской области. Исследование проводилось на основе документов фонда № 1, описи № 1 – Сталинградский губернский комитет ВКП(б) за 1917–1928 гг. В фонде находятся: постановления Царицынского губкома ВКП(б), протоколы заседаний агитационно-пропагандистского отдела губкома РКП(б), отчёты Сталинградской губернской совпартшколы I и II ступеней. Анализ этих документов позволяет изучить, как в условиях зарождающегося советского государства реализовывались задачи, направленные на формирование советского человека и его мировоззрения.

На первых этапах необходимо было покончить с неграмотностью населения. С принятием декрета от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности в РСФСР» Совета народных комиссаров РСФСР учреждались ликвидационные пункты, главная функция которых – обучение элементарным навыкам

письма и счёта всего населения. Это мероприятие нашло отражение в документах Царицынской губернии. Царицынский губернский комитет коммунистической партии в протоколе совещания от 28 апреля 1920 г. по вопросу объединения культурно-просветительной работы отметил необходимость «настойчивого и упорного учения» всех граждан независимо от должности и стажа работы [10, Л. 4б]. В отчетах губкома РКП(б) на IX губпартконференции о работе агитационно-пропагандистского отдела за 1924 г. приводятся данные о состоянии дел по ликвидации безграмотности на 1923–1924 гг. Число ликвидационных пунктов в губернии за год увеличилось на 13 с числом учащихся, увеличившимся на 2000 человек. Этот рост обеспечивался включением в работу населения уездов и округов. Возрастание числа учащихся обострило проблемы комплектования необходимой для обучения литературой и недостаточности квалифицированных кадров [9, Л. 23в].

Среди населения проводилась масштабная политико-воспитательная работа: «Для того, чтобы дать отпор буржуазным идеологам и правильно освещать работу Советской власти и партии, нужно прежде всего поднять культурный уровень партийцев», – говорилось в постановлениях 8-й Царицынской Губернской конференции за 1923 г. Для этого предписывалось в рабочих районах организовывать вечерние курсы по типу старых воскресных школ, к работе которых «в обязательном порядке привлекать членов партии, особенно малограмотных» [11, Л. 62]. Отмечается, что для преодоления «разъедающего влияния мещанства и мелкобуржуазной стихии» необходимо «создать единство духа и воли парторганизма, выковать пролетарское классовое сознание и коммунистическое мировоззрение», посредством создания образовательных организаций разного толка: курсы политграмоты, диспартклубы, марксистские кружки элементарного типа и т. д. [10, Л. 4в].

Государство нуждалось в сознательных и политически осведомленных работниках. Воспитание таких было возложено на совпартшколы. Интересен в связи с этим «Отчет о работе Сталинградской губернской совпартшколы I и II ступеней» за 1927–1928 гг. В документе оговариваются 3 основные цели и задачи таких заведений: 1) проверка теоретического багажа знаний; 2) обучение практической работе, с привязкой к теоретическим знаниям; 3) установление связи курсанта с «рабочей и крестьянской массой и производством» [8, Л. 5]. Работа преподавателей дисциплин строго контролировалась заведующим учебной частью и председателями предметных комиссий. Такой надзор позволял создать «спаянность, дисциплинированность, товарищескую солидарность по всей работе в преподавательском коллективе». Новый советский человек должен был быть компетентен не только в вопросах марксистской идеологии, но и обладать знаниями в области разных наук. Для этого устраивались лекции на разные темы: о природных ресурсах, о пользе Волго-Донского канала, о происхождении вселенной, о жизни на земле. Была даже лекция «Собака на службе Рабоче-Крестьянской Красной Армии». При изучении документов Совпартшколы I и II ступеней наибольший интерес вызвал «Лабораторный кодекс правил», ярко раскрывающий требования, предъявляемые курсантам школы. Из первых пунктов кодекса можно увидеть, что во главу обучения ставилась строгая дисциплина, ее несоблюдение приравнивалось к преступлению. Указывалось, что новый советский человек не должен был забывать, что он – часть огромной машины, которая только тогда эффективна, когда каждый помогает каждому. Необходимо отметить, что школьная работа всегда сопровождалась анализом проделанного, необходимо было «отдавать себе отчет» в том, что сделано и выявлять причины неудач. Это было направлено на более эффективное освоение материала, развитие у обучающихся критического отношения к результатам своей деятельности. Курсанты должны были избегать «небрежность, разгильдяйство, халатность “авось и небось”», т. к. эти качества рассматривались как главные их враги на пути к созданию коммунистического мира [Там же].

Таким образом, советское государство на пути создания «нового человека» опиралось, в первую очередь, на воспитание и образование, которые развивались в русле принятых идеологических установок. Конструирование образа советского человека осуществлялось на пути ликвидации безграмотности, улучшения качества всех ступеней образования, создания специальных просветительских кружков и курсов политграмоты.

Литература

1. Бухарин Н.И. Социализм и его культура // Тюремные рукописи Н.И. Бухарина / под общ. ред. Г.А. Бордюгова: в 2 кн. М.: АИРО-XX, 1996. С. 51–232.
2. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи: [Речь на III Всерос. съезде Рос. Ком. Союза Молодежи 2 окт. 1920 г.: Перевод]. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967. Т. 1. С. 226–344.
4. Луначарский А.В. Проблемы народного образования. М.: Работник просвещения, 1923.
5. Макаренко А.С. Моя система воспитания. Педагогическая поэма. М.: Изд-во АСТ, 2016.
6. Молостова Е.С. Модели «Нового человека» в советский период: подступы к трансгуманизму // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Право. 2014. № 9(180). С. 168–175.
7. Новиков С.Г. «...Переименуйте конструкцию рода человеческого!»: проект воспитания «нового человека» в условиях российской модернизации 1920–1930-х гг. // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-. 2019. № 3(136). С. 4–10.
8. Отчет о работе Сталинградской губернской совпартшколы I и II ступеней // ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 38.
9. Отчеты губкома РКП(б) на IX губпартконференции, о работе агитпроп. Краткий обзор работы профсоюзов губернии. Выписки из газеты «Борьба» о работе IX губернской партконференции // ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109. Л. 152.
10. Протоколы совещаний при губкоме РКП(б) представителей от союзов, входящих в состав районного рабочего клуба им. Воровского. Задачи, планы работы агитационно-пропагандистского отдела губкома РКП(б). Производственный план по ликвидации неграмотности в Царицынской губернии на 1923/24, 25, 26 и 27 учебные годы // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 38.
11. Резолюция и постановление VIII-й губернской партконференции по вопросам партийного строительства. Доклады губкома РКП(б) о 5-й годовщине ГСНХ возникновения и развитии в г. Царицыне, положении в губернии // ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102. Л. 70.

ELIZAVETA SAMARAY

Volgograd State Socio-Pedagogical University

REGIONAL EXPERIENCE OF THE IMPLEMENTATION OF THE POLICY DIRECTED TO THE DEVELOPMENT OF “NEW MAN” IN THE SOVIET STATE IN 1920S (based on the Tsaritsyn/Stalingrad province)

The article deals with the analysis of the regional experience of the development of “new” Soviet man by the increasement of the learning and educational level of the citizens in 1920s. There are considered education and upbringing as the ways of the implementation of the state policy associated with the creation of the image of a “new man” based on the archive materials of the Tsaritsyn/Stalingrad province.

Key words: Soviet anthropology, sociocultural processes, “new man”, Soviet reader, regional experience.

УДК 93/94

В.Ю. СЕЛИВАНОВА

(valeria.maksimova2014@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ЛИЧНОСТЬ СОФЬИ АЛЕКСЕЕВНЫ В ИСТОЧНИКАХ
И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ***

*Анализируются источники, отражающие события последней четверти XVII в.
Рассматриваются и сравниваются научные работы отечественных
историков и их оценки личности Софьи Алексеевны.*

*Ключевые слова: история России, отечественная историография,
источники, XVII век, женщины-правительницы, Софья Алексеевна.*

Последняя четверть XVII в. оказалась достаточно насыщена различными событиями. Однако несмотря на это, данный период изучен относительно слабо, нежели другие. Отечественные исследователи чаще всего уделяют внимание борьбе за власть между придворными группировками Милославских и Нарышкиных, но оценивание политической борьбы 70–80-х гг. XVII в. невозможно без должного анализа современников данного периода, в особенности Софьи Алексеевны Романовой.

Софью Алексеевну по праву можно считать одной из самых интересных женщин-правительниц в истории государства Российского. Как отмечают отечественные исследователи, дочь Алексея Михайловича обладала решительным характером, который отличался властолюбием. Софья, как и другие царевны, воспитывалась по старому обычаю, но всё же она выделялась среди царевен-сестёр и умом, и честолюбием. Как писал С.М. Соловьёв, это было «время, когда проникли во дворец новые обычаи и взгляды, когда двери в терема царевен растворились и заключенницы увидели свет Божий, когда более сильным из них представилась возможность пройти дальше за порог, расправить силы, поглядеть, почитать и послушать прежде невиданное, нечитанное и неслыханное, набраться новых мыслей, познакомиться с новыми чувствами» [22, с. 54].

Переходя к анализу исторических источников, отразивших события данного периода, важно заметить, что о Софье Алексеевне в официальных документах свидетельств сохранилось мало, поэтому для исследователей основное значение имеют дневники, мемуары, публицистические произведения, записки и донесения иностранных дипломатов.

Одним из источников являются «Записки о Московии» Де ла Невилля [17]. Необходимо отметить, что в целом сведения в «Записках» в значительной степени ложны, но никак не фантастичны. В 1698 г., когда публикуются «Записки» в Париже, в русском государстве начинает складываться отрицательная оценка личности и правления Софьи Алексеевны. Эта оценка входит и в дворянскую отечественную историографию.

Важны для исследователей данного периода и работы Сильвестра Медведева. Его знают не только как продолжателя дела Симеона Полоцкого, но и как яркого сторонника царицы Софьи. В своём стихотворении «Подпись» [13] он сравнивает её и с Семирамидой, и с Елизаветой Британской, и с мудрой царицей Пульхерией; он воспеваёт её премудрость, которая, как отмечает Сильвестр Медведев, блистает в её «царском лице» [Там же, с. 136].

Однако наибольшее значение имеет сочинение Сильвестра Медведева «Созерцание» [14], которое рассматривается не только как памятник литературы, но и исторический источник политической ситуации того времени, т. к. автор повествует о событиях стрелецкого бунта в 1682 г. В том сочинении он также воспеваёт Софью Алексеевну, отмечая, что для царевны характерно «чудный смысл и суждение неусыпным сердца своего оком» [Там же] творить благо для народа российского. К тому же, Сильвестр Медведев описывает Софью «девой, исполненной ума, больше мужского» [Там же].

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

По праву можно считать интересными источниками «Дневные записки» Ивана Афанасьевича Желябужского и Беляевский летописец. Главный интерес исследователя в этих записках заключается в том, что в них проявляется особое отношение к Софье. В Беляевском летописце вовсе отсутствуют сведения о Софье Алексеевны. К примеру, автор пишет о том, что Крымские походы Голицына были совершены «Во 195(1687) году по указу великих государей» [6, с. 41], т. е. царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича.

Хотя И.А. Желябужский царевну Софью отмечает как великую государыню наравне с царями Иваном и Петром, он не упоминает значение Софьи в таких событиях, как Крымские походы Голицына, заключение Вечного мира и даже в событиях, связанных с восстанием стрельцов в 1698 г. и в дальнейшем его подавлении [10].

Вероятнее всего, редкие упоминания или вовсе отсутствие Софьи в данных источниках связано с тем, что авторы не могли принять того факта, что женщина была способна управлять русским государством.

Необходимо отметить, что и последние четырнадцать лет, когда Софья Алексеевна находилась в Новодевичьем монастыре, её жизнь освещалась достаточно редко в различных источниках. Интересный факт приводит историк П.И. Наумов, который отмечает, что место заточения Софьей было выбрано самостоятельно, т. к. она «всегда очень любила Новодевичий монастырь, куда в лучшие годы своей жизни часто являлась на богомолье» [16, с. 328].

Всё же удивителен тот факт, что данный период изучен слабо и не так тщательно, как хотелось бы. В целом для исследований имеется богатый материал для характеристики не только самой личности царевны, но и ситуации, в которой она и государство оказались после смерти царя Фёдора Алексеевича.

Если говорить о дворянской отечественной историографии, то она не отличалась беспристрастием. В период правления Петра I Софью считали «недостойной сестрой» [23, с. 959], к самой личности царевны относились отрицательно, даже враждебно. Нередко считали её врагом преобразований Петра Алексеевича, консервативной защитницей старины и «умственного мрака» [Там же]. Ни для кого не секрет, что подобное описание поддерживалось идеологической пропагандой времён первого императора России. До его смерти Софью клеймили как бунтарку, выскочку, защитницу и покровительницу стрельцов, интриганкой. Нередко её считали и противницей православной веры, подтверждая данный факт воздействием Сильвестра Медведева, который принес в Москву католические веяния [19]. Сторонник Петра I, Б.И. Куракин, писал, что «эта царевна была великого ума и самых нежных проицательств, более мужеска ума исполнена дева» [4, с. 67].

И только в конце XVIII в. появляются первые попытки «обелить» личность Софьи. В этот период характерной чертой историографии была положительная оценка способностей царевны как политика. Например, Н.А. Полевой считал её необыкновенной женщиной, которую, однако, поразило её же властолюбие. Позже, в XIX–XX в. появляется новая тенденция в описании Софьи Алексеевны, с этого времени её не воспринимают как жестокую и беспринципную реакционерку, которая готова на многое ради достижения цели и сохранения своей власти. Нередко царевну стали сравнивать с Петром Великим, считая, что она «подобно брату, являлась прогрессивной государственной деятельницей прозападного образца» [15].

Н.И. Костомаров видит в Софье воплощение византийских идеалов [12]. Историк отмечает, что Софья «отличалась от других замечательным умом и способностями. Она более своих сестер прибилась к Федору и почти не отходила от него, когда он страдал своими недугами; таким образом она приучила бояр» [Там же]. Также он считал, что она имела ясный план, который заключался в том, чтобы вести борьбу не только со своей мачехой, Натальей Нарышкиной, но и вести заговор против брата, Петра Алексеевича, и в целом против его семьи. В своих оценках Н.И. Костомаров старался быть объективным. Доказывая, что источники никак не подтверждали виновность Софьи в стрельцком восстании в 1682 г., он отмечает данное событие как народный бунт, считая, что не было оснований для участия царевны в выступлении стрельцов в 1689 г.

А.Г. Брикнер [9] занимает противоположную Н.И. Костомарову позицию, отмечая, что властолюбивая Софья использует стрельцов в 1682 году, а также и спустя семь лет подстрекает их против императора. Однако исследователь отмечает, что прежние обвинения против Софьи строились на сомнительных источниках, поэтому он отказывается определить меру преступлений Софьи.

«Богатырь-царевной» [22] Софью называет С.М. Соловьёв и подобной характеристикой он хочет подчеркнуть то, что Софья заняла несоответствующее положение в обществе, тем самым взяла на себя выполнение мужских обязанностей. Несмотря на это, С.М. Соловьёв считает её «примером исторической женщины, освободившейся из терема, но не вынесшей из него нравственных сдержек и не нашедшей их в обществе» [Там же]. Отмечает временное её положение и что её падение было неизбежным, тем самым Софья поплатилась за свою «безнравственность» и стремление к власти.

Интересна работа Н.А. Аристовой «Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны», т. к. это единственная дворянская работа, в которой автор пытается оправдать царевну. По его мнению, вся причина бунта 1682 г. лежит в стрельцах и ни в ком ином. Н.Я. Аристов обратил внимание на то, что многие обвинения против царевны строились на слухах, которые циркулировали в окружении царицы Натальи Кирилловны, а главный официальный источник обвинений против партии царевны Софья – дело Шакловитого, в ходе которого все данные были получены от обвиняемых под пыткой [1].

Д.Л. Мордовцев сравнивает Софью и Петра, отмечая, что каждый из них имели равные силы, оба были энергичны, умны и у каждого был реформаторский дух [15]. Интересен тот факт, что Д.Л. Мордовцев утверждает, что вражда между Натальей Нарышкиной и Софьей переросла в противостояние двух политических партий, во главе которых стояли эти авторитетные женщины. Он считал, что царевна Софья представляет собой переходный образ от женщины допетровской Руси к современной.

Следующий историк, С.Ф. Платонов [19], также, как и Д.Л. Мордовцев, отмечает борьбу между Софьей и Натальей Кирилловной – главами политических партий. Однако, по мнению исследователя, кроме политической борьбы шла ещё и религиозная. На стороне Нарышкиных были видные деятели православия; когда в кругах Милославских Сергей Фёдорович отмечает наличие ереси, то он относит к ней Сильвестра Медведева.

Первое время в советской историографии о Софье, как и о других царских особах, забыли, и только лишь 1930-е годы характеризуются появлением Софьи в работах, которые были посвящены правлению Петра Великого. Советские историки возвращаются к тенденциям дореволюционной историографии, оценивая личность и правление Софьи отрицательно.

Ярким примером такого явления оказывается издание в серии «Жизнь замечательных людей» Н.И. Павленко [18]. Он считал Софью «душой группировки», которая поддерживала кандидатуру Ивана на престол. Н.И. Павленко даёт положительную характеристику в единственном направлении внешней политики – это заключение Вечного мира с Речью Посполитой.

В современной историографии присутствуют различные мнения в отношении жизни, деятельности Софьи Алексеевны. Многие исследователи поддерживают идеи прошлого периода, но большинство считают Софью выдающейся женщиной, которая смогла подготовить почву для петровских преобразований в русском обществе.

Подобного мнения придерживается А.П. Богданов в своей работе «В тени Петра Великого»: по названию сразу становится ясно, что автор считает, что реформы императора незаслуженно затмили все достижения Фёдора Алексеевича и Софьи Алексеевны. В другой работе под названием «Царевна Софья и Пётр: драма Софии» А.П. Богданов поддерживает мнение о том, что Софья не имела никакого отношения к бунту 1682 г. Достаточно интересная точная зрения у А.П. Богданова была относительно стрельцкого восстания 1689 г. Он считал, что после крымских походов Нарышкины решились на провокацию, раздавая деньги стрельцам, чтобы те пришли к Кремлю, говоря об опасности для царской семьи. Однако ожидаемых целей Нарышкины не добились, поэтому Петру сообщили, что стрельцкие войска восстали в пользу Софьи, и идут его убивать. Тем самым, «крайними» остались Милославские и сподвижники царевны [8].

Нельзя не отметить работу В.Н. Балязина «Правительницы России: исторические повести», в которой есть отдельная глава, посвященная «премудрой» Софье Алексеевне. Важен тот факт, что В.Н. Балязин – практически единственный историк, который не пишет о влиянии Софьи на правление Фёдора Алексеевича, отмечая его самостоятельность. Историк так же, как и А.П. Богданов подерживает позицию о том, что именно правление Фёдора, а затем уже и Софьи дали первый толчок для модернизации страны Петром.

На основе проанализированного материала можно утверждать, что царевна Софья Алексеевна действительно была личностью, заслушивающей внимания историков. Она оказалась не только интересной женщиной-правительницей для собственной страны, но и для Европы.

Несмотря на то, что в отечественной историографии так и не удаётся прийти к общим мнениям о личности и деятельности царевны Софьи Алексеевны, необходимо отметить, что она в действительности совершила революционный поворот в русском обществе, в частности в отношении «слабой» половины человечества. Конечно же, он стал внезапным для того периода времени, но важным явлением для дальнейшего развития общества. Не случайно спустя полвека после смерти Петра I в «Антидоте» Екатерина Великая написала: «надо отдать справедливость Софье, она управляла государством с таким благоразумием и умом, которое только можно было бы желать и от того времени, и от той страны, где она царствовала именами двух братьев» [5, с. 67].

Литература

1. Аристов Н.А. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава: Тип. Варшавск. учеб. окр., 1871.
2. Асташкин Р.С. Проблема «Русского транзита» в европейской публицистике XVII в. (на примере «Записок о Московии» Де Ла Невилля) // Россия и современный мир. 2019. № 1(102). С. 6–13.
3. Бабенко О.В. 2016. 01. 011. Наумов В.П. Царевна Софья. М.: Молодая гвардия, 2015. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Реферативный журнал. 2016. № 1. С. 59–64.
4. Балязин В.Н. Начало Петровской эпохи. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
5. Балязин В.Н. Правительницы России: ист. повести. М.: АСТ; Астрель, 2005.
6. Беляевский летописец // Богданов А.П. Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М.: Современник, 1990. С. 27–44.
7. Богданов А.П. В тени Петра Великого. М.: Армада, 2008.
8. Богданов А.П. Царевна Софья и Пётр: Драма Софии. М.: Вече, 2008.
9. Брикнер А.Г. Иллюстрированная история Петра Великого. Т. 1. СПб.: П.П. Сойкина, 1902.
10. Желябужский И.А. Дневные записки // А.П. Богданов. Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М.: Современник, 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/polk-15/3.htm> (дата обращения: 23.11. 2019).
11. Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014.
12. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. 5. Глава 13. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kostom/kostlec.htm> (дата обращения: 23.11. 2019).
13. Медведев Сильвестр. Подпись к портрету царевны Софьи. Л., 1935. С. 136.
14. Медведев Сильвестр. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеясяво гражданстве// Богданов А.П. Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М.: Современник, 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/polk-15/3.htm> (дата обращения: 23.11. 2019).
15. Мордовцев Д.Л. Царь Петр и правительница Софья. М.: Планета, 1994. [Электронный ресурс]. URL: <http://mordovtsev.lit-info.ru/mordovtsev/proza/petr-i-sofya/index.htm> (дата обращения: 02.11. 2019).
16. Наумов В.П. Царевна Софья. М.: Молодая гвардия, 2015.
17. Невилль де ла. Любопытные и новые известия о Московии // Ю.А. Лимонов. Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986. С. 471–540.
18. Павленко Н.И. Петр I. М.: Молодая гвардия, 2010.
19. Платонов С.Ф. Полный курс по русской истории. СПб., 1899.
20. Погодин М.П. Петр Великий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/pogodin_m_p/text_1841_petr_veliky.shtml (дата обращения: 23.11.2019).
21. Соболев В.С. «Люди, к разным изобретениям сокровенные» (некоторые социальные аспекты истории изобретательской мысли в России) // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 3. С. 112–120.
22. Соловьёв С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. Кн. VII. 1676–1703. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959.
23. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. XXXA(60). СПб.: Семеновская Типолитография, 1900.

VALERIYA SELIVANOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

**PERSONALITY OF SOFIA ALEKSEEVNA IN THE SOURCES
AND NATIVE HISTORIOGRAPHY**

*The article deals with the analysis of the sources reflecting the events of the last quarter of the XVIIth century.
There are considered and compared the scientific works of the native historians
and their assessments of the personality of Sofia Alekseevna.*

Key words: *Russian History, native historiography, sources,
the XVIIth century, women-rulers, Sofia Alekseevna.*

УДК 94(47+57) «1917/1991:821.161.1.09»1917/1991»

И.Ю. СТАРКОВА

(*missis.starkova2012@yandex.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПЕРИОДИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В 1920-Е ГГ.*

Актуализируются вопросы роли литературных журналов и газет 1920-х годов в формировании литературного пространства советского общества, когда под влиянием большевистской идеологии и политики происходил переход к социалистическому образу жизни.

Ключевые слова: *литературное пространство, «толстый» журнал, газета, 1920-е гг., литература.*

Для обозначения литературных журналов и газет как элементов литературного пространства, необходимо, в первую очередь, выяснить, что оно собой являет. Выделив литературу в качестве части культуры и ознакомившись с работой Е.В. Орловой «Культурное пространство: определение, специфика, структура» [8, с. 42–53], можно прийти к следующей трактовке: литературное пространство – информационное поле, сфера бытования литературы, т. е. та среда, в которой существует и развивается литература, среда, непосредственно связанная с прямой линией «автор-читатель».

В 1920-е годы советская литература развивалась в условиях противоборства нового мира с миром старым, наблюдался процесс политической, экономической, идейной борьбы, процесс перевоспитания масс. Закрепление новой идеологии влияло на массовое сознание людей, и средства массовой информации (журналистика) играли в этом не последнюю роль. В данном случае дается возможность не разделять понятия «журналистика и «средства массовой информации», т. к. они действовали в едином информационном пространстве.

О функциях, которые возлагались на средства массовой информации, говорит резолюция XI Съезда коммунистической партии (март–апрель 1922 г.) «О печати и пропаганде». Она определила прессу как один из самых влиятельных инструментов в борьбе партии за воздействие на массы и закрепила за ней задачу коммунистического просвещения и организации населения [7, с. 686]. Кроме того, рост массового журнала повысился после ряда постановлений XIII Съезда партии (май 1924 г.) об усилении массовости прессы, о развитии сети еженедельных газет, и постановлений, касавшихся необходимости создания массовой художественной литературы для крестьян, рабочих и красноармейцев [Там же, с. 615–617].

Таким образом, при изучении советской художественной литературы и путей ее развития нельзя отходить от рассмотрения путей развития тех источников, которые мобилизуют литературные силы, собирают литературу, т. е. от изучения советской журналистики.

В 1920-е годы одной из форм бытования литературы были «толстые» журналы, игравшие важную роль в наиболее эффективном воздействии на общественное сознание и ставшие создателями и выразителями государственной политики в области культуры. «Толстые» журналы представляли собой массовые издания, которые включали в себя литературно-художественные тексты, литературную критику и публицистику. «Толстый» журнал не ограничивался литературно-художественными интересами, а представлял собой смешанный художественно-публицистический и научный журнал [3, с. 15]. Сам термин «толстый журнал» ввёл в обиход Н.М. Карамзин, став основателем журнала «Вестник Европы».

После революции казалось, что журналы обречены на исчезновение, как явление, «чуждое пролетариату». Однако, напротив, они стали не просто источником информации, а особым пластом культуры, некой прерогативой свободы в несвободной стране. Каждый из журналов был интересным явлением советской культуры, собирателем определенного слоя культурных сил страны [2]. Соб-

* Работа выполнена под руководством Такташевой Ф.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ственно литературные (поэзии, проза, критика) и социально-политические разделы литературно-художественных журналов были неотъемлемой частью всей советской прессы, важной частью идеологической борьбы большевистской партии.

Революция дала мощный импульс развитию художественного творчества, более того, после окончания гражданской войны предприимчивой оказалась целая группа молодых писателей: И.Э. Бабель, А. Веселый (наст.им. – Н.И. Кочуров), М.Е. Кольцов, Л.М. Леонов, Ю.Н. Либединский, Л.Н. Сейфуллина, Н.С. Тихонов, А.А. Фадеев, К.А. Федин, Д.А. Фурманов. Вместе с Д. Бедным, М. Горьким, С.А. Есениным, В.В. Маяковским, А.С. Серафимовичем, писателями старшего поколения, которые были активны в годы революции и гражданской войны, они сформировали ядро новой советской литературы.

Организаторами неоднородной писательской массы, колеблющейся, неустойчивой в своих взглядах, могли стать именно журналы. По этой причине партия уделила серьезное внимание созданию первых советских «толстых» журналов. Одним из первых конкретных мероприятий партии в области литературы явилась организация «толстых» литературно-художественных журналов. «Красная новь», «Молодая гвардия», «На литературном посту», «Октябрь», «Новый мир» – новые советские журналы – стали аккумуляцией всех литературных сил [9, с. 68–69].

Тираж литературно-художественного журнала составлял 70200 экземпляров и среднюю периодичность 21,5 номеров в год. Сопоставляя литературно-художественный журнал с другими видами периодики 1920-х гг., можно сделать вывод, что по годовому тиражу и количеству печатных листов он занимал первое место (из всего массива экземпляров литературно-художественные журналы поглощали 36,5%) [3, с. 18].

Первым жизнеспособным «толстым» литературно-художественным журналом после революции 1917 г. стал журнал «Красная новь», первый выпуск которого появился в июне 1921 г. В его создании и работе принимал непосредственное участие В.И. Ленин. В 1920-е гг. тираж журнала был представлен следующим цифрами: 1921 г. – 15000 экз. (№ 1), 25000 экз. (последующие), 1922 г. – 10000–12000 экз., 1929 г. – 12000–15000 экз.

В отношении художественной литературы журнал ориентировался преимущественно на писателей-«попутчиков» (литература которых не вписывается в рамки партийной). Журнал с первых номеров получил всеобщее признание. Редактору «Красной нови», А.К. Воронскому, удалось сплотить вокруг журнала силы советской литературы: М. Горького, Ал. Толстого, И. Эренбурга; из молодых – А.Я. Аросева, И.Э. Бабеля, В.В. Иванова, А.С. Неверова, Б.А. Пильняка; поэтов – Д. Бедного, С.А. Есенина, В.В. Маяковского, Б.Л. Пастернака.

Со страниц «Красной нови» читатели впервые узнали «Жизнь Клим Самгина», «Мои университеты», «Дело Артамоновых», М. Горького, «Бронепоезд 14-69» и «Партизан» (В.В. Иванов), «Вора» и «Барсуков» (Л.М. Леонов), часть «Конармии» (И.Э. Бабель), «Виринею» (Л.Н. Сейфуллина) и «Цемент» (Ф.В. Гладков). Поэтический отдел «Красной нови» включил «Анну Снегину» и «Русь советскую» (С.А. Есенин), «Думу про Опанаса» (Э.Г. Багрицкий), стихи В.В. Маяковского, Н.Н. Асеева и В.М. Инбер [2].

М. Горьким многократно подчеркивалось его удовлетворенность содержанием «Красной нови». 23 марта 1927 г. он писал: «Вами создан самый лучший журнал, какой возможно было создать» [1, с. 36, 50]. Традиционно журнал начинался с рассказов, повестей, отрывков романов и других литературных произведений. Частыми рубриками в журнале были «литературные края», «за рубежом», «внутри Советской России», «критика и библиография». Как и любой другой толстый журнал, «Красная новь», помимо основной массы художественного текста, содержал политико-экономический, научный, научно-популярный разделы.

Издание «Сибирские огни» стало новым двухмесячным литературно-художественным и общественно-политическим журналом, первый номер которого появился в марте 1922 г. в Новосибирске (тогда Новониколаевске). За 1922–1927-й гг. в литературно-художественном отделе журнала

были опубликованы произведения около девяноста авторов, среди них Ф.А. Березовский, Г.А. Вяткин, И.Г. Гольдберг, П.Л. Драверт, И. Ерошин, А.П. Оленич-Гнененко, Антон Сорокин, Г.М. Пушкарёв. Так же, как и «Красная новь». Журнал, кроме содержания в себе литературных произведений или их отрывков, закрепил следующие рубрики: «Былое», «Политико-экономический отдел», «Научно-популярный отдел», «Искусство и жизнь», «Критика и библиография».

Необходимо отметить, что в 1920-е гг. некоторые художественные журналы были полностью ориентированы на молодежь как основу нового общества.

Резолюция XI съезда РКП (б) (март–апрель 1922 г.) признала важность создания литературы, способной благоприятствовать коммунистическому воспитанию юношеских масс – литературы для рабоче-крестьянской молодежи. После одобрения Съездом решения ЦК об издании большого научно-популярного и литературно-художественного журнала появился ежемесячник «**Молодая Гвардия**», издававшийся с апреля 1922 г. [5, с. 250–251].

Комсомольцы, молодые кадры составили главный массив читателей журнала, где поэтический отдел был наиболее интересным и ведущим, т. к. издание зарекомендовало себя в качестве одного из центров молодой революционной поэзии. В 1920-е годы в «Молодой гвардии» был напечатан ряд стихотворений В.В. Маяковского, например, – «Мы не верим!», «Комсомольская», «Домой», «Молодой гвардии», а также несколько глав поэмы «Хорошо». Со страниц журнала можно было познакомиться с поэзией Н.Н. Асеева («Конная Буденного»), М.А. Светлова («Гренада»), П.В. Орешина, Д. Бедного, Э.Г. Багрицкого. Существенную роль в журнале играла поэзия А.И. Безыменского, А.А. Жарова, И.П. Уткина. В 1928 г. тираж журнала составил 6000 экземпляров.

Другим литературно-художественным и научно-популярным изданием для рабочей молодежи стал журнал «**Смена**», выпускаемый с 1924 г. и ставший самым массовым литературным журналом.

Следующим за «Красной новью», ежемесячным литературно-художественным и общественно-политическим журналом, объединившим советских писателей, стал «**Новый мир**». В «Новом мире» с 1925 г. печатались творческие сочинения, главным образом писателей из числа так называемых «попутчиков». Тираж журнала составлял в 1925 г.: № 1 – 15000 экз., 1925 г., № 3 – 25000 экз., в 1927 г., № 1 – 6500 экз., в 1928 г., № 1 – 25000 экз., в 1929 г., № 1 – 21000 экз.

В журнале печатались А. Клычков, Б.А. Лавренев, С.Л.М. Леонов, В.Г. Лидин, А.Г. Малышкин, Н. Огнев (наст. М.Г. Розанов), Б.Л. Пастернак, Б.А. Пильняк, М.М. Пришвин, П.С. Романов, Л.Н. Сейфуллина, С.Н. Сергеев-Ценский, П.В. Слетов, А.Н. Толстой, М.С. Шагинян. Кроме того «Новый мир» сотрудничал с писателями литературного объединения «Кузница»: Ф.В. Гладковым, Г.К. Никифоровым и др. Во второй половине 1920-х годов журнал познакомил читателя с «Юностью Алпатова» М.М. Пришвина, второй частью трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам» и «Двором» А.А. Караваевой. В первых номерах журнала за 1927 и 1928 гг. были опубликованы романы «Фабрика Рабле» (М.Ф. Чумандрин) и «Наталья Тарпова» (С.А. Семенов). Кроме художественной прозы, стихов, очерков, «Новый мир» публиковал общественно-политическую, экономическую, социально-нравственную, историческую публицистику, мемуары, литературно-критические, культурологические, философские материалы.

Другая линия развития, по которой шла советская литература в 1920-е годы, определялась деятельностью Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП, позднее – РАПП).

Ежемесячное литературно-художественное и общественно-политическое издание «**Октябрь**» стало одним из журналов пролетарского содержания. Начиная с 1924 г., явился органом Московской ассоциации пролетарских писателей. В качестве основных задач журнал выдвигал воспитание и сплочение пролетарских писателей, борьбу с чуждыми течениями в литературе, теоретическое закрепление путей развития пролетарской литературы. В художественном отделе журнала были опубликованы значительные произведения, которые вошли в достижения пролетарской социалистической литературы: «Тихий Дон» (М.А. Шолохов), «Ненависть» (В.Г. Шухов), «Разгром» (А.А. Фадеев), «Стани-

ца» (В.П. Ставский), «Бруски» (Ф.И. Панферов), «Ведущая ось» (В.П. Ильенков) [2]. В 1927 г. тираж журнала достиг 10000 экземпляров, в 1928 г. – 2500.

Журнал «На литературном посту», издававшийся РАПП в Москве, начал выходить с апреля 1926 г. Журнал вел развернутую борьбу с буржуазной литературой и критикой, с оппортунистическими течениями в литературе и выступал за гегемонию пролетарской литературы. В связи с превращением ВАПП в массовую организацию журнал с самого начала стремился стать массовым изданием. Обращаясь к подписчикам, журнал закреплял следующее: «Трудно следить за всеми выходящими литературными новинками и быть в курсе литературной жизни страны. Поэтому каждый грамотный человек, интересующийся литературой и искусством, должен читать двухнедельный журнал марксистской критики “На литературном посту”» [4, с. 2]. Тираж журнала колебался в размере 7000–8000 экземпляров.

Среди газет, являвшихся площадками формирования литературного пространства советского человека в 1920-е гг., были еженедельная газета «Читатель и писатель» и «Литературная газета», как продолжатель первой. «Читатель и писатель» издавалась с декабря 1927 по декабрь 1928 г. в Москве, основной задачей которой была пропаганда книги. В газете сотрудничали А.И. Безыменский, В.М. Инбер, А.С. Новиков-Прибой, А.А. Фадеев. Тираж газеты составил 25 тыс. экземпляров.

Вопрос о создании «Литературной газеты» был решен еще в июле 1928 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП (б), и в апреле 1929 г. было возобновлено издание «Литературной газеты» как органа Федерации объединений советских писателей. Одной из задач «Литературная газета» ставила себе одной из задач помочь писателю выработать свое мировоззрение, изучить окружающую действительность, определить его место, роль и значение в ней. Сам характер, регулярность её выхода, актуальность вопросов и откликов явился средством привлечения писательства к строительству социалистической культуры.

«Литературная газета» выходила один раз в неделю в размере 6–8 полос и содержала в себе следующие основные разделы:

- 1) Беллетристика, стихи.
- 2) Общие статьи по вопросам советской общественности и культуры.
- 3) Критика (обзоры, статьи, рецензии).
- 4) Искусство.
- 5) Библиография.
- 6) Жизнь литературных организаций, быт писателя.
- 7) Объявления [2].

«Толстые» журналы явились теми изданиями, которые печали новинки литературы и позволяли знакомиться с ними до опубликования их отдельным томом, кроме того, были значительно дешевле книг. Граждане создавали целые коллекции журналов, подписываясь на них; ввиду их популярности они разбирались практически мгновенно, не смотря на более высокий тираж в сравнении с другой периодикой.

«Толстые» журналы и газеты 1920-х годов явились теми формами бытования литературы, теми элементами информационного поля и литературной среды, в которых находился советский человек. Инициатива издания журналов исходила из государства, следовательно, можно сделать вывод, что они выполняли своеобразную функцию исполнения государственных заказов, тем или иным образом влияя на читателя.

Советская журналистика 1920-х гг. выполняла задачу, полученную от государства, состоявшую в формировании широкой прессы и воспитания человека посредством литературы, как сферы культуры, имеющей обширный потенциал по конструированию мировоззрения, соответствующему новой социалистической идеологии.

Журналы были центрами, сплотившими и аккумулировавшими силы не только молодых литераторов, но и литераторов старшего поколения; именно здесь формировалась и развивалась советская ли-

тература, пропагандировавшая новую идеологию. Необходимо отметить, что журналы давали возможность высказаться поэтам и писателям, придерживавшимся той же идеологической линии, которую выдвигало и закрепляло государство. Однако, с другой стороны, журналы представляли собой двусторонний механизм функционирования литературы – «автор-читатель», т. е. были ориентированы на читателя, создавая замкнутую систему под контролем партии и правительства.

В 1920-е годы журналы и газеты представляли собой не только источник художественного замысла и заложенную в литературном произведении идею, выполняющую заказ государства, но и консолидировали знания научного, политического, экономического характера.

Литература

1. Архив А.М. Горького. Т. X. Кн. 2. М.: Художественная литература, 1939–1965.
2. Журналы русские // Литературная энциклопедия. Т. 4. 1930. [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le4/le4-2172.htm> (дата обращения: 06.12.2019).
3. Муратова К.Д. Периодика по литературе и искусству за годы революции 1917–1932. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1933.
4. На литературном посту. 1926. № 1.
5. О партийной и советской печати: сб. документов. М., 1954.
6. Огрызков В.В. «Жизнь и судьба первого главреда советской «Литературной газеты» [Электронный ресурс]. URL: <https://lgz.ru/article/-35-36-6703-04-09-2019/ya-by-vydvynul-na-mesto-lenina-kanatchikova/> (дата обращения: 05.12.2019).
7. Одиннадцатый съезд РКП(б): Протоколы. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936.
8. Орлова Е.В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. 2010. № 3(18). С. 42–53.
9. Очерки истории русской советской журналистики. 1917–1932. М.: Наука, 1966.
10. Тринадцатый съезд РКП(б): стенографич. отчет. М.: Главполитпросвет, Изд-во «Красная новь», 1924.
11. Шкарковская И.В. Становление и развитие советских «толстых» журналов в первой половине 20-х годов: на материале журналов «Красная новь», «Молодая гвардия», «Октябрь», «Новый мир», «Россия» («Новая Россия»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.

IRINA STARKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

PERIODICALS AS AN ELEMENT OF LITERARY ENVIRONMENT OF THE SOVIET PEOPLE IN THE 1920S

The article deals with the issues of the role of the literary journals and newspapers of the 1920s in the development of the literary environment of the Soviet society when there was the move towards the socialistic way of living under the influence of the Bolshevik ideology and politics.

Key words: literary environment, thick literary journal, newspaper, 1920s, literature.

УДК 930.85

М.М. ТИХОМИРОВА
(malige.2000@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ЦЕРКОВЬ СВЯТЫХ ПЕТРА И ПАВЛА НА СИНИЧЬЕЙ ГОРЕ
КАК ПАМЯТНИК ДРЕВНЕРУССКОГО ЗОДЧЕСТВА
(к вопросу о современном состоянии и сохранении
древнерусских объектов культурного наследия
в Российской Федерации)***

Анализируется современное состояние памятника архитектуры древнерусского периода – церкви святых Петра и Павла на Синичьей горе, расположенной в г. Новгороде. Прослежена история его изучения в исторической науке. Актуализируется проблема сохранения объектов культурного наследия – памятников древнерусской архитектуры.

Ключевые слова: Древняя Русь, древнерусское зодчество, плинфа, закомары, столпы, охрана памятников архитектуры, ЮНЕСКО, историко-культурное наследие.

Проблема сохранения архитектурных памятников истории сейчас стоит достаточно остро. Они являются не только свидетелями прошлого, трансляторами историко-культурной информации, но и своеобразной ниточкой, проводником потомков в прошлое. Навевают атмосферу своего времени, своими планировочными, декоративными решениями помогают понять, зачем они были построены, откуда почерпнуты идеи и т. д. Если не заботиться вовремя об их сохранении, то широкий канал связи с прошлым может быть утрачен.

Еще в конце 1980-х годов ученые отмечают существование около 30 русских храмов домонгольского времени. Большая их часть сильно перестроена [5]. С каждым годом таких памятников становится все меньше. Свою роль играет время, отсутствие достаточного финансирования музеев, под крылом которых они находятся. Одна из таких жертв времени – памятник конца XII в., церковь Петра и Павла на Синичьей горе (на Сильнице) в Великом Новгороде. Об этом памятнике домонгольского периода сообщается в различных трудах, посвященных архитектуре и культуре Древней Руси. Сведения о ней имеются также в Энциклопедическом словаре, посвященном Великому Новгороду, его достопримечательностям, историческим местам и т. д. [3]. Отдельных трудов по истории храма и его архитектурном облике нет, упоминания его чаще всего носят формальный характер, о нем пишут только как об одном из памятников Древней Руси домонгольского периода. В литературе не встретилось серьезного обзора на состояние, внешний вид и историю данной церкви.

Обращаясь к истории памятника, следует отметить, что его датировка во всей литературе точная, нигде нет разночтений. Постройка каменной церкви Петра и Павла на Синичьей горе датируется 1185–1192 гг. В поздних источниках говорится о постройке деревянной церкви и основание женского Петропавловского монастыря в 1092 г. при епископе Германе [3], но в ходе недавних исследований Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) установлено, что существующая постройка была первой на данном месте [2].

Каменная церковь была построена на средства жителей Лукиной улицы и освящена архиепископом Гавриилом. Позже вокруг церкви возник женский Петропавловский монастырь, с существованием которого связывают имя Харитины, литовской княжны, новгородской святой.

Во время шведской оккупации (XVII в.) церковь была разорена, а после восстановлена.

В 1764 г. упразднен монастырь, церковь обращена в кладбищенскую. В конце XVIII–XIX вв. храм перестраивали: многие древние окна и один боковой портал заложили, другой превратили в окно, часть

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО ВГСПУ».

древних окон переделали, пробили широкие проемы, стены надложили и устроили карниз и четырехскатную кровлю.

В 1938 г. проведены ремонт и укрепление здания: облицованы отдельные участки стен, переложены некоторые своды, заведены металлические связи. В годы Великой Отечественной войны храм был серьезно разрушен: центральное прясло западной стены уничтожено на 75% высоты, нарушена система связей, часть конструкций деформирована, появились трещины в стенах и сводах, повреждены кровля и кладка сводов и барабана. В межсезонье здание храма затапливалось водой. В 1960–1963 гг. по проекту Г.М. Штендера была проведена консервация памятника с его частичной реставрацией: укреплены несущие конструкции, полностью реставрированы западный фасад и барабан и оставлены без штукатурки [3].

В конце 2010-х годов велась реставрация памятника.

Несмотря на перестройки и реставрации, церковь Петра и Павла на Синичьей горе сохранила свои первоначальные черты. В древности церковь отличалась прямизной стеной и аккуратностью кладки [Там же]. Памятник древнерусского зодчества характерен для своего времени, ученые находят черты сходства с церквями Благовещения Благовещенского монастыря на Мячине и Спаса Преображения на Нередице. В некоторых решениях просматривается влияние киевской школы зодчества, а также сходные с полоцким и смоленским зодчеством черты – кладка из плинфы [4].

Храм имеет средние размеры – 16,3 x 13 м (по данным другого исследования – 16,75 x 13,1 м [5, с. 118–119]), кубический, без притвора, четырехстолпный, трехапсидный, одноглавый, с позакомарным покрытием, трехчастным членением фасадов лопатками, угловыми каморами и хорами между ними, внутрискатной лестницей, тремя порталами, крайне лаконичным декором. Угловые каморы основаны на сводах, хоры – на деревянном накатнике [3]. Каменных притворов церковь не имела – свидетельств о них с южной и западной сторон храма не обнаружено, экспедицией СПбГУ в начале 200-х гг. исследования с северной стороны не проводились [2].

Церковь выше 1,5 м высоты стен выложена практически полностью из плинфы [8]. Ряды плинфы, уложенных в плоскости фасадов, чередуются с рядами, утопленными внутрь, покрытыми раствором из мелкотолченого кирпича, поверхность гладко затиралась. Такой прием был распространен в киевских, полоцких и смоленских постройках [4, 6]. Кладка носит регулярный характер, ряды плинфы горизонтальны, швы между ними имеют почти одинаковую толщину. Заглубленные ряды плинфы отступают от лицевой поверхности на 2 см. За исключением верхних частей прясел – тимпаны закомар, которые, возможно, закладывались после сводов снова с использованием в кладке известняковой плиты. Своды возводились только по деревянным кружалам без укладки опалубки на кладку люнетов [8].

Порталы – прямоугольной формы, с дубовой перемычкой и разгрузочной двухступчатой аркой-нишей над ними. Окна с полуциркулярным завершением размещены в два яруса, в проемы вставлены деревянные окончины. Закомары декорированы карнизом из «зубцов» [3].

На фасадах верхние окна малых прясел и апсид проходят в одном уровне. Строчность проемов могла бы восстановиться, если бы не новое положение группы из трех окон – она резко поднята. В центральных пряслах всех фасадов верхние окна зашли в поле закомар. Хоры находятся ниже обычно. Окна начинаются с уровня пола хор, сближая их по высоте с верхними окнами боковых прясел [5].

Прямой проем с внутренним раструбом применялся зодчими и в церкви св. Петра и Павла на Синичьей горе. Окна барабана памятника представляют собой прямоугольные проемы без раструбов и четвертей. При этом проемы незначительно сужены в интерьере на 5–8 см. Техника сооружения оконных проемов следующая: фиксация притолок и арочных перемычек, выполненных в технике из плинфы со скрытым рядом. Не были зафиксированы остатки деревянных вспомогательных конструкций [7].

Западные столпы имеют квадратную форму, восточные – Т-образные в сечении. Стены и столпы укреплены тремя ярусами дубовых связей [3]. Восточные столпы имели Т-образную форму изначально, после перестроек они приобрели Г-образный вид.

Как говорилось выше, лестница была внутрстенная, выход с нее находился на центральной площадке хор. Подобное устройство выхода на хоры было удобным – обе угловые палатки становились закрытыми, непроходными. Имеется проем в верхней части западной стены северо-западной палатки на хорах, через который можно было попасть на кровлю. Подъем к этому «лазу» осуществлялся по деревянной лестнице. Лестницы в толще западной стены перекрывались ползучими сводами с наклонной или горизонтальной шельгой [1].

Пол церкви был выложен из известняковых плит на цемянки, кровли первоначально были свинцовые, что характерно для покрытий церковей второй половины XII в., кровли крепились гвоздями к обмазке сводов [3].

Фундамент храма валунный, как было выяснено в ходе исследований экспедиций СПбГУ в начале 2000-х годов, под ним нет фундаментных лент и деревянных субструкций. Также был обнаружен культурный слой толщиной 15–20 см, отложившийся к моменту строительства церкви [2].

Внешне памятник почти не изменил своих изначальных черт, но современное состояние церкви достаточно отличается даже от того, какое было в начале 2010-х гг. Памятник стоит в строительных лесах уже несколько лет, которые находятся и внутри церкви. Глава, барабан и часть северной стены обвалились. Церковь не огорожена, внутрь нее можно проникнуть через оставшиеся без решеток окна апсид. Обращение за информацией по поводу памятника в Новгородский музей-заповедник, в ведомстве которого находится большая часть памятников Великого Новгорода, не принесло ожидаемых результатов: работники музея попросили адресовать вопросы гиду сайта музея. Однако и его ответ не может удовлетворить наш интерес: «Вместе с тем сообщаем, что Церковь Петра и Павла на Синичьей горе находится в казне Российской Федерации, за Новгородским музеем-заповедником не закреплена».

Общественность встревожена состоянием храма. Несмотря на строительные леса, работы там не велись, а последняя реставрация проходила достаточно давно, чтобы памятник находился в бедственном состоянии. В интернете опубликовано открытое письмо, написанное в 2012 г., адресованное «губернатору Новгородской области, Митину Сергею Герасимовичу, и. о. руководителя Территориального управления Росимущества в Новгородской области, Калининой Ольге Анатольевне, руководителю межведомственной комиссии по направлению “Сохранение, использование и популяризация историко-культурного наследия, развитие культурно-познавательного туризма” Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству, Сарабьянову Владимиру Дмитриевичу» от участников V научно-практической конференции «Новгород и новгородская земля. Искусство и реставрация», (г. Великий Новгород, 23–25 октября 2012 г.). В нем отмечается «катастрофическое состояние уникального памятника, включенного в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО – церкви Петра и Павла на Синичьей горе (на Сильнице) в Великом Новгороде» [9]. Однако, судя по всему, меры не были приняты или их оказалось недостаточно.

Уникальные памятники, одним из которых является церковь св. Петра и Павла на Синичьей горе, имеются не только в Великом Новгороде, но и по всей России. Из государственного бюджета выделяется не так много средств, чтобы их реставрация и защита велась государственными музеями. Интерес общественности к своим, местным памятникам, помогает обратить внимание на их состояние и помочь их сохранению.

Литература

1. Антипов И.В. Лестницы в архитектуре домонгольского Новгорода // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2017. № 26. С. 9–23.
2. Антипов И.В., Булкин В.А., Жервэ А.В. Архитектурно-археологическая экспедиция Санкт-Петербургского государственного университета. Исследование памятников Новгородского зодчества в 1998–2011 гг. // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. История. 2012. № 2. С. 167–170.
3. Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: энциклопед. словарь. СПб.: Нестор-История, 2009.
4. Достопримечательности Новгородской области / сост. Н.И. Иванов. Л.: Лениздат, 1982.
5. Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII в. / отв. редакторы А.И. Комеч, О.И. Подобедова. М.: Наука, 1988.

6. Кушрин И.И. Архитектура Новгорода. Л.: Лениздат, 1982.
7. Позднева П.М. Оконные проемы в архитектуре домонгольского Новгорода // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2017. № 26. С. 24–39.
8. Трушников А.В. Сводчатые конструкции в домонгольской архитектуре Новгорода // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2015. № 4/20. С. 37–53.
9. Церковь Петра и Павла на Синичьей горе – открытое письмо о состоянии памятника. [Электронный ресурс]. URL: <https://arch-heritage.livejournal.com/1410067.html> (дата обращения: 18.04.2019).

MAIYA TIKHOMIROVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**ST. PETER AND ST. PAUL CHURCH ON THE SINICHYA MOUNTAIN
AS A MONUMENT OF THE OLD RUSSIAN ARCHITECTURE
(considering the issue of the modern state and preservation
of the old russian objects of cultural legacy
in the Russian Federation)**

The article deals with the analysis of the modern state of the historical and architectural monument of the Old Russian period – St. Peter and St. Paul church on the Sinichya mountain situated in Novgorod. There is observed the history of its studying in the historical science. There is actualized the issue of the preservation of the objects of cultural legacy – the monuments of the Old Russian architecture.

Key words: Ancient Rus, the Old Russian architecture, plinthiform brick, gables, pillars, protection of historical and architectural monuments, UNESCO, historical and cultural legacy.

УДК 93/94

Н.С. ТКАЧЕВ

(nikita.tkachev096@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВОСПРИЯТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 Г. В РОССИИ: РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ*

На примере работ ряда представителей художественной интеллигенции рассматривается восприятие современниками революционных событий 1917 г. в России. Отмечается, что художественная интеллигенция – это часть российской интеллигенции, которая занимается художественной культурой. Придаётся особая роль религиозно-философскому элементу в восприятии революционных событий художественной интеллигенцией. Предпринята попытка обоснования обращения ряда авторов к религиозным мотивам.

Ключевые слова: *художественная интеллигенция, российская революция 1917 г., восприятие революционных событий, философский аспект, религиозный аспект.*

Революция 1917 года – одно из важнейших событий XX в. в российской и мировой истории. Это было одно из смыслообразующих событий всего советского периода нашей страны. В 1917 г. после революционных событий общество разделилось на два лагеря, которые и до настоящего времени порой не могут найти примирения между собой. Именно поэтому обращение к данной теме является актуальным и в нынешние годы.

Одним из ключевых является вопрос о восприятии современниками этой революции. Целью данного исследования является определение оценок революционных событий, данных сразу по их следам представителями художественной интеллигенции, которые сохранились в таких источниках, как литературные и философские сочинения, публицистические статьи, воспоминания. Обращение к этим работам позволяет увидеть, как чувствовали переломную эпоху её современники.

Проблемой восприятия художественной интеллигенцией революционных событий 1917 г. занималось множество исследователей, которые затрагивали различные аспекты озвученной темы. Среди таких исследователей можно отметить С.С. Дмитриева, Л.К. Долгополова, Л.К. Ермана, А.И. Мазаева и др., в работах которых прослеживается состав и положение всей интеллигенции в начале XX в., характеризуются жизненные пути разных слоёв интеллигенции и их позиции на основных этапах революционных событий начала века [5, 6, 7, 11].

Анатолий Ильич Мазаев в своей книге «Искусство и большевизм (1920–1930-е гг.): Проблемно-тематические очерки и портреты» в разделе «Художественная интеллигенция и Октябрь 1917 года» разделяет понятия «русская интеллигенция» и «большинство писателей, художников, артистов». Также, автор называет эту отличную от основной части интеллигенции группу людей как «основная масса отечественной художественной культуры». Можно сделать предположение, что А.И. Мазаев понимает под термином «художественная интеллигенция» часть российской интеллигенции как таковой, часть, которая занимается художественной культурой: писатели, поэты, художники, музыканты, актёры, архитекторы и т. д. В нашем исследовании под художественной интеллигенцией мы будем понимать именно это определение [11, с. 12].

Николай Андреевич Хренов, современный теоретик художественной культуры, доктор философских наук, определил данную эпоху как «Свихнувшаяся эпоха» [Там же, с. 5]. Видится важным раскрыть понимание слова «свихнувшийся».

Если мы обратимся к Национальному корпусу русского языка, то найдём там следующее значение данного слова: «стать сумасшедшим, потерять способность рассуждать и действовать разумно» [13].

* Работа выполнена под руководством Болотова Н.А., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Эпоха, которая «потеряла способность размышлять разумно», более и не нуждалась в этом. Как в политике, так и в искусстве. Даже больше в последнем. Тезис об этом мы можем найти в работах современных искусствоведов, таких как, например, Е. Бабринская [2, с. 243].

Деконструкцией сопровождалось само искусство начала XX в.: поэзия, живопись, музыка и архитектура. Все это было отражением своего времени, как нечто, что нашло своё воплощение через художника, который максимально точно пытается вовлечь это отражение в форму, понятную для человека. Именно поэтому при изучении революционных событий 1917 г. в России важно использовать художественные произведения, публицистические статьи, воспоминания и дневники авторов-современников. Существует достаточное количество представителей художественной интеллигенции начала XX в., которые готовы поведать нам об участии их поколения, об участии России в те годы.

Сидя за столом в своём доме, Александр Блок сделал следующую запись в дневнике: «Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг. Этот шум слышал Гоголь (чтобы заглушить его – призывы к семейному порядку и православию) ...

Сегодня я – гений» [14, с. 245].

Речь идёт здесь об окончании написания поэмы «Двенадцать», которая считается одной из самых ярких реакций на революционные события. И это не просто так. Великий русский писатель заканчивает своё произведение следующим образом: «В белом венчике из роз – Впереди – Иисус Христос» [3, с. 263].

Сразу видим несколько осознанных отступлений от архетипического образа «Сына Божьего»: его имя написано с одной «и»; «в белом венчике из роз». Для полного понимания данного образа, нужно разобраться в каноническом образе Сына. Во-первых, имя Сына пишется не с одной «и», а с двумя: Иисус Христос. Дальше – венчик. На голове у Иисуса – терновый венец, но никак не венчик из роз. Споры по поводу поэмы Александра Блока ведутся до сих пор и существует большое количество различных трактовок данного образа: от концепции «Бог умер» Ф. Ницше до риторики «каждый сам определяет для себя, кто есть “Иисус” в данной поэме» [9, с. 56].

Возведение событий октября 1917 г. до библейских масштабов, само по себе, имеет очень интересный характер. Поэма была написана А. Блоком в январе 1918 г., почти через год после Февральской революции и всего через два месяца после Октябрьской революции. Поэма сочинялась в послереволюционном, застывшем от холода Петрограде, в состоянии лихорадочного подъёма, всего за несколько дней, и на её окончательную доработку понадобился лишь один месяц [15, с. 134]. Для сравнения: «Облако в штанах» Владимира Маяковского писалось около года. Как правило, поэт не спешит с такими вещами [12, с. 300].

Объяснение кроется в эсхатологии. О её возникновении и проявлении у художественной интеллигенции начала XX в. в России пишет, например, Анатолий Ильич Мазаев в своей статье «Художественная интеллигенция и Октябрь 1917 г.»: «Неудивительно, что подавляющее большинство русского общества, не принявшее Октябрь, восприняла тогда и революцию, и власть большевиков эсхатологически, как национальную катастрофу, как гибель России». Эсхатология – система религиозных взглядов и представлений о конце света, искуплении и загробной жизни, о судьбе Вселенной и её переходе в качественно новое состояние [11, с. 11].

Также библейские мотивы встречаются в дневниках Михаила Пришвина: «Большевики поцеловали (*Боженьку под хвостик*) – и вот уже двенадцатый день на троне сидит Аваддон». Аваддон – «ангел бездны», царь саранчи. В Ветхом Завете употребляется рядом со словами «смерть» и «преисподняя» [17].

Так, автор называет В.И. Ленина, который «уже двенадцатый день на троне сидит». Немного контекста: в своих дневниках М.М. Пришвин в пространной заметке от 5 ноября 1917 г. описывает своё отношение к «самоопределению» красногвардейцев, тела которых они сами называют «живым храмом», который должен заменить «святыни соборного поклонения». Он приводит анекдот, в котором девочка, из-за своего недостаточного роста, не может поцеловать икону. Ей видится «только чёрное су-

щество с рогами и хвостом». И старушка предлагает ей «поцеловать Боженьку под хвостик». Именно так М.М. Пришвин отвечает приятелю на заявление о живом храме [16, с. 402].

Зинаида Гиппиус – русская поэтесса и писательница в своих дневниках выражала свои чувства по поводу свершившейся революции так: «Несчастливая страна. Бог, действительно, наказал ее: отнял разум. И куда мы едем? Только ли в голод или ещё в немцев и, сверх того, в царство Бронштейнов и Нахамкесов? Какие перспективы!» [4].

Писатель Л. Андреев тоже реагирует на события в России 1917 г. бурно. В статье «Их приход» (глава неоконченной книги «Европа в опасности») Л. Андреев пишет следующее: «И это было началом того необыкновенного периода, когда в русскую Революцию вступил новый герой – Дьявол». Также Л. Андреев называет Дьявола «устроителем беспримерных исторических маскарадов». По его мнению, Дьявол выступает в таких «маскарадах» в «костюме святого». Здесь прослеживается аллегория автора с революционными событиями в России. И далее он поясняет, почему именно под «маской святого» [1].

Возникает вопрос, чем можно объяснить такое обращение к библейским мотивам у целого ряда писателей и поэтов того времени? Представляется, что не только потому, что библейские мотивы сильны в литературе как таковой. В.П. Кошарный в своей статье «Русская религиозная метафизика революции» описывает концепции богочеловечества, суть которой в том, как повествует автор, что смысл и назначение мирового бытия представлялся как процесс соединения мира и Бога, т. е. достижение рая на земле. Средством данного процесса предполагалось трансцендирование мирового бытия и превосхождение собственной природы. История, в таком понимании, является «онтологической динамикой восхождения мира к Богу» [10, с. 6]. Знаменитая формула бытия «первоначальное единение – разделение – единение» (движение от рабства к свободе), которая приводит автора к ещё одной мысли: «Подлинно свободным может быть бытие, наполненное любовью», соответственно, подлинно несвободным может быть бытие, наполненное злом, приближение которого и чувствовала художественная российская интеллигенция в революционных событиях [Там же, с. 12].

Провозглашённый большевиками процесс построения Рая (который был потерян) «без Бога», в своей логической цепочке, опасен. Что из себя представляет Рай, в котором нет Бога? Ответ – Ад. Стремление российского православного человека к «спасению души», «трансцендирование мира» оказалось под угрозой «зла», «человеческой природы».

Таким образом, мы рассмотрели только небольшую часть оценок русской революции, которая, по нашему мнению, занимает важное место в оценке революционных событий – она связана с религиозным и апокалиптическим порядком. Более широкий круг представителей художественной интеллигенции, их оценка революционных событий, а также анализ мемуарных, художественных и публицистических текстов представит более широкое понимание 1917 г. в российской истории.

Литература

1. Андреев Л. Их приход. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/book/94406/read-ih-prihod-leonid-andreev> (дата обращения: 10.11.2019).
2. Бабринская Е. Русский авангард: границы искусства. М.: Новое лит. обозрение: Гос. ин-т искусствознания, 2006.
3. Блок А. Полное собрание сочинений: в 3-х т. М.: Прогресс-Плеяда, 2011.
4. Гиппиус З.Н. Дневники. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_0070.shtml (дата обращения: 10.11.2019).
5. Дмитриев С.С. Очерки истории русской культуры начала XX в. М: Просвещение, 1985.
6. Долгополов Л.К. На рубеже веков: о русской литературе конца XIX – нач. XX в. Л.: Советский писатель. Ленингр. отделение, 1985.
7. Ерман Л.К. Интеллигенция в Первой русской революции. М: Наука, 1966.
8. Иванов В. Наш язык // Из глубины. Сборник статей о русской революции (1918). [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/iz-glubiny/4> (дата обращения: 10.11.2019).
9. Клиг О.А. Александр Блок: структура «романа в стихах». Поэма «Двенадцать»: в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.

10. Кошарный В.П. Русская религиозная метафизика революции (к 90-летию революционных событий в России) // Изв. высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 51–63.
11. Мазаев А.И. Искусство и большевизм, 1920–1930-е гг.: проблемно-тематические очерки и портреты // Художественная интеллигенция и Октябрь 1917 года. М.: КомКнига, 2007.
12. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М: Гослитиздат, 1955–1961.
13. Национальный корпус русского языка, слово Свихнувшийся. [Электронный ресурс]. URL: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mysorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=-main&sort=i_grtagging&lang=ru&nodia=1&req=%D0%A1%D0%B2%D0%B8%D1%85%D0%BD%D1%83%D0%B2%D1%88%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%8F (дата обращения: 10.11.2019).
14. Орлов В.Н. Александр Блок Записные книжки. М: Худ. лит-ра, 1965.
15. Орлов В.Н. Жизнь Блока. Гамаюн, птица вещая. М: Центрполиграф, 2001.
16. Пришвин М.М. Цвет и крест. СПб.: Росток, 2004.
17. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона / Аваддон. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%90%D0%B2%D0%B0%D0%B4%D0%B4%D0%BE%D0%BD> (дата обращения: 10.11.2019).

NIKITA TKACHEV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

PERCEPTION OF THE REVOLUTION EVENTS OF 1917 IN RUSSIA BY THE CREATIVE COMMUNITY: RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ASPECT

The article deals with the perception of the Revolution events of 1917 in Russia by the contemporaries at the example of the works of the row of the representatives of the creative community. There is emphasized that the creative community is the part of the Russian intellectual class that is responsible for the artistic culture. There is paid a special role to a religious and philosophical element in the perception of the Revolution events by the creative community.

The author made an effort to substantiate the appeals of the row of the authors to religious motives.

Key words: *creative community, the Russian revolution in 1917, perception of the Revolution events, philosophical aspect, religious aspect.*

УДК 94(470+571)»17/1917»

Д.В. ТРЕТЬЯК

(d.v.tretyak99@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ОТСТАВНЫХ НИЖНИХ ЧИНОВ
И СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В НАЧАЛЕ XX В.
(по материалам Саратовской губернии)***

Проанализированы законодательные акты и делопроизводственные документы из фондов ГАВО по вопросам социальной поддержки военнослужащих, отставных нижних чинов и их семей в Российской империи в начале XX в. на примере Саратовской губернии. Дана характеристика особенностям взаимодействия органов власти в сфере социальной защиты указанной категории населения. Изучены механизмы функционирования системы социального обеспечения нижних чинов и их семей в начале XX в.

Ключевые слова: социальная защита, взаимодействие уровней власти, отставные нижние чины, военнослужащие, семьи военнослужащих.

Изучение системы призрения нижних чинов и их семей в Российской империи обусловлено актуализацией вопросов социальной истории Отечества в наши дни. Научный и практический интерес представляет выявление форм, средств и методов взаимодействия различных уровней власти в вопросах реализации мер социальной защиты. Опыт взаимодействия центральных и региональных властей может быть использован при уточнении отдельных вопросов практической реализации действующих в настоящее время аналогичных законов в системе социальной защиты.

Вниманием волгоградских историков «традиционно пользуются проблемы развития и деятельности органов местного самоуправления на разных этапах исторического развития, органов государственной власти и управления, реализации государственной политики в разных сферах общественной жизни» [2, с. 186]. Преподаватели кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета исследуют региональный опыт в сфере социальной политики [1], проблемы благотворительной деятельности [18], социальной поддержки семей ветеранов Великой Отечественной войны [13, 14]. Актуальность исследования данной темы определяется необходимостью междисциплинарного изучения различных аспектов социальной защиты военнослужащих и их семей, а также выделением особенностей взаимодействия уровней власти в процессе реализации мер социальной защиты указанной категории населения в различные исторические периоды.

Целью данной работы выступает изучение мер социальной защиты нижних чинов, вышедших в отставку по инвалидности, и членов семей военнослужащих нижних чинов в начале XX в. Задачами исследования является анализ законодательных актов, принятых в сфере социальной защиты, и выявление региональных особенностей их реализации в Саратовской губернии.

В начале XX в. в Российской системе социальной защиты произошло расширение категорий граждан, имеющих право на получение государственной социальной помощи. Во второй половине XIX в. призрение семей, призванных на службу, было возложено на земства, городские и сельские общества [15]. Законом 1906 г. «Об обеспечении участи вдов нижних чинов, погибших на войне, а также ближайших родственников этих чинов, которые содержались их трудом» [16] было впервые утверждено обеспечение вдов нижних чинов и ратников государственного ополчения пенсией из государственной казны. Закон «О призрении нижних воинских чинов и их семей» 25 июня 1912 г. [17] распространил государственное обеспечение на сирот нижних чинов и на семейства нижних чинов, находящихся на действительной службе.

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Существенно возросли размеры пенсий инвалидам нижних чинов. Если по Уставу о воинской повинности [15] на содержание инвалидов выделялось от 3 до 6 руб. в месяц, то закон «О призрении нижних воинских чинов и их семей» ввел существенную дифференциацию размера пенсии в зависимости от степени утраты трудоспособности (см. табл.)

Таблица

Размер пенсий по инвалидности

Степень утраты трудоспособности, %	Размер пенсии (в год)
100% с необходимостью постороннего ухода	216 руб.
100% без необходимости постороннего ухода	168 руб.
От 70% до 100%	108 руб.
От 40% до 70%	66 руб.
От 10% до 40%	30 руб.

Данные размеры пенсии увеличивались для тех военнослужащих нижних чинов, кто прослужил не менее 5 лет на сверхсрочной службе или не менее года в унтер-офицерском и соответствующих званиях.

Изменился порядок назначения пособий семьям, призванных на службу. С объявлением мобилизации обследование личного состава всех семейств производилось без заявления с их стороны. В июле 1914 г. в волостные правления были отправлены экземпляры объявления от имени саратовского губернатора, в котором были обозначены правила выдачи пособия от казны семьям нижних чинов по требованиям закона от 25 июня 1912 г. и сообщалось, что «уже делаются соответствующие распоряжения о производстве на местах обследования личного состава всех семей призванных на действительную службу нижних чинов» [11]. Саратовское губернское присутствие подчеркивало, что для обследования состава семейств, указанных в ст. 60 закона от 25 июня 1912 г., «особых распоряжений ... со стороны Министерства не требуется» [12]. Данная система нивелировала недостатки функционирования системы социальной поддержки, связанные с недостаточным уровнем информированности населения о порядке назначения пособий, которое не раз отмечалось представителями разных уровней власти и в XIX в., и в изучаемый период начала XX в.

По закону от 25 июня 1912 г. [18] получение социальной помощи осуществлялось в волостных правлениях или городских управах, причем в сельских местностях за 3 месяца вперед, что значительно упрощало процесс получения пособий для членов семей военнослужащих.

Однако правовая неопределенность некоторых положений закона «О призрении нижних воинских чинов и их семей» создавала трудности его реализации на практике. Установление факта содержания членов семьи за счет труда призванного в армию осложнялось преобладанием многопоколенных и неразделенных семей. Это обуславливало влияние субъективных факторов – добросовестности чиновников и самих членов семьи военнослужащих – на размер пособия. Местные органы власти были вынуждены обращаться в вышестоящие инстанции с целью получения «руководящих указаний» для решения спорных случаев. Камышинский уездный съезд 12 августа 1914 г. постановил, что если в семье остались один или несколько трудоспособных братьев со своими семьями, то пособие следовало назначать только нетрудоспособным родителям [9]. В саратовском губернском присутствии 25 сентября 1914 г. постановили, что выдача или отказ пособия зависит от степени трудоспособности оставшегося брата, состава семейного и имущественного положения двора [6].

Для семьи военнослужащих нижних чинов нормы социальной поддержки зависели от уровня цен на продукты, входящие в продовольственный паек. Например, Нестеровское волостное управление сообщало, что с 1 марта по 1 июня 1916 г. пособие определено в размере 2 руб. 50 коп. [3], с 1 сентября по 1 декабря 1916 – в размере 3 руб. 50 коп. [4]. Гибкость системы назначения пособий ставила размер

помощи в прямую зависимость от определения факта необходимости поддержки, и объёмы помощи сокращались, если условия жизни данных просителей улучшались.

Значительное увеличение расходов бюджета происходило за счет расширения сферы лиц, имеющих право на получение государственной помощи, а также в связи с увеличением общего числа нуждающихся в социальной поддержке в условиях военного времени. Таким образом, местным органам власти предписывалось тщательно проверять имущественное положение лиц, ходатайствующих о получении пособия, чтобы исключить выплату средств тем, кто был способен самостоятельно себя обеспечивать, имел доходы с хозяйства и собственные дома. Инспекции контролирующих органов выявляли существенные ошибки в составленных раздаточных ведомостях, связанные с неточным определением причин увольнения из действующей армии, степени родства и возраста лиц [6]. В телеграмме от 17 сентября 1914 г. уездным съездам предлагалось не назначать пособия «явно зажиточным» лицам [10], что отражало стремление к сохранению средств бюджета даже путем нарушения положений закона. Саратовской губернатор неоднократно требовал от местных властей устранения проблем, существующих в порядке получения пенсий, и большего внимания к нуждам военнослужащих и их семей, что было особенно важно в условиях военного времени. Подчеркивалась необходимость информирования населения о правилах и порядке получения пособий [7]. Казенная палата также отмечала затруднения в работе, связанные с недобросовестным исполнением своих обязанностей чиновниками местного уровня [8]. Необходимость уточнения сведений приводила к задержке выплат пособия.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

- в начале XX в. произошло расширение категорий населения, имеющих право на государственную социальную поддержку;
- изменения в системе выплат пенсий и пособий сделали их получение более доступным для населения;
- не было ликвидировано влияние субъективного фактора на размер пособий из-за правовой неопределенности положений закона;
- государство требовало от чиновников как максимально возможного обеспечения поддержки нуждающихся для сохранения стабильной социально-политической ситуации, так и экономии средств государственного бюджета.

Литература

1. Болотов Н.А. Социальная политика в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е годы. Волгоград: Перемена, 2004.
2. Болотова Е.Ю., Савицкая О.Н. Нижнее Поволжье в экономическом, политическом, социокультурном пространстве России XIX–XX вв.: опыт региональных исследований // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2011. № 8(62). С. 185–191.
3. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 209. Оп. 1. Д. 193. Л. 1.
4. ГАВО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 193. Л. 34.
5. ГАВО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 193. Л. 47.
6. ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 625. Л. 14.
7. ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 625. Л. 22.
8. ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 625. Л. 11, 11 об.
9. ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 779. Л. 120.
10. ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 779. Л. 229.
11. ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 779. Л. 2,3.
12. ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 779. Л. 298.
13. Липатов А.В., Меркурьева В.С., Такташева Ф.А. Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны: на материалах Сталинградской области // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2017. № 2(115). С. 192–198.
14. Меркурьева В.С. Социальная помощь семьям военнослужащих в Сталинграде в годы Великой Отечественной войны // VII Бартеневские чтения: материалы Международ. науч. конф. 2016. С. 227–231.
15. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). СПб.: Тип. II Отделения СЕИВК, 1879. Собр. II. Отделение I. Т. II. № 57503.
16. ПСЗ РИ. СПб.: Государственная типография, 1909. Собр. III. Отделение I. Т. XXVI. № 27828.
17. ПСЗ РИ. СПб.: Государственная типография, 1915. Собр. III. Отделение I. Т. XXXII. № 37507.
18. Савицкая О.Н., Галкова О.В. Дискуссии конца XIX – начала XX в. о благотворительной деятельности православных монастырей // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2015. № 9-10(104). С. 197–200.

DARIYA TRETYAK

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**SYSTEM OF SOCIAL ASSISTANCE OF THE RETIRED LOWER RANKS
AND THE FAMILIES OF THE MILITARY SERVICEMEN
AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY
(based on the Saratov province)**

The article deals with the analysis of the legal acts and the business correspondence documents from the funds of the State Archives of the Volgograd region associated with the issues of the social assistance of the military servicemen, the retired lower ranks and their families in the Russian Empire at the beginning of the XXth century at the example of the Saratov province.

There is given the characteristics of the specific features of the interaction of the levels of power in the sphere of the social protection of this population category. There are studied the mechanisms of the functioning of the system of the social protection of the lower ranks and their families at the beginning of the XXth century.

Key words: *social protection, interaction of the levels of government, retired lower ranks, military servicemen, service families.*

УДК 929.5 (031)

П.И. ФИСЕНКО

(fisenko.polina@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**М.Н. РОМАНОВА: ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА И ПРЕЗИДЕНТ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ***

Статья посвящена личности Марии Николаевны Романовы, дочери Николая I, и ее влиянию на развитие художественного образования в дореволюционной России. Рассматривается краткая биография, а также вклад княжны в развитие Императорской Академии художеств.

Ключевые слова: Мария Николаевна Романова, Академия художеств, устав Академии художеств, искусство, художественное образование.

Актуальность и значимость темы исследования определяется влиянием великой княжны Марии Николаевны, дочери Николая I, на развитие центра художественного образования в дореволюционной России – Императорской Академии художеств. Работа представляет интерес и в рамках исследуемого сегодня гендерного подхода.

Предмет исследования – личность великой княжны М.Н. Романовой (в замужестве Лейхтенбергской). Объект исследования – Императорская Академия художеств.

Цель исследования – определить влияние М.Н. Романовой на развитие Императорской Академии художеств. Реализация цели исследования предполагает решение задач:

- раскрыть особенности личности великой княжны;
- охарактеризовать преобразования в Императорской Академии художеств в 50–60 годах XIX в.

При сборе и анализе исторической информации использовались историко-генетический и просопографический методы исследования.

В ходе исследования была изучена научная литература и проанализированы источники личного происхождения, позволившие сделать обоснованные выводы.

М.Н. Романова родилась в императорской семье. Николай I своим детям завещал, что «всякий из вас должен всегда помнить, что только своей жизнью он может искупить происхождение Великого князя» [7, с. 55].

Любимая и старшая дочь императора была мала ростом, но чертами лица и характером была похожа на отца. Как и все члены императорской фамилии она получила хорошее образование, которое в будущем вылилось в непреодолимую тягу к искусству.

Судьба Марии Николаевны сложилась иначе, чем у ее сестер. Княжна попросила отца не выдавать ее замуж в Европу, так как хотела остаться в России. Это противоречило традициям, но, несмотря на сложную ситуацию, Николай I выполнил свое обещание. Она вышла замуж за герцога Максимилиана Лейхтенбергского (внука Наполеона Бонапарта), который в силу ряда причин принял решение остаться в России, где для него было больше перспектив, нежели на Западе.

Император назначил зятя президентом Академии художеств. Герцог Лейхтенбергский интересовался наукой (в Зимнем дворце в специальной лаборатории проводил опыты, основал гальванопластический завод), его интересовало строительство в России железных дорог. Не менее интересным для него было искусство. При его активном участии было открыто Мозаичное заведение, Московская художественная школа, частные рисовальные школы в трех городах (Саранске, Варшаве, Киеве).

В воспоминаниях современников сохранилось описание торжественного бракосочетания, совершенного по католическому и православному канонам. Маркиз де-Кюстин писал: «Блеск церковной

* Работа выполнена под руководством Соловьевой С.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

службы, казалось мне, еще увеличивает великолепие дворцового торжества. Стены, плафоны церкви, одеяния священнослужителей – все сверкало золотом и драгоценными камнями. Здесь было столько сокровищ, что они могли поразить самое непоэтическое воображение. Это зрелище напоминает фантастические описания из «Тысяча и одной ночи» [5, с. 107]. В качестве подарка молодым Николай I преподнес имение Сергиево в Петергофе, где в будущем супруги построили прекрасный дворец, и достраивающийся Мариинский дворец.

Герцогиня разделяла интересы мужа, в их дворце проводились вечера, которые носили характер больше не светского приема, а «кружка по интересам». Барон М.А. Корф отмечал: «28 января, в день рождения великого князя Михаила Павловича, был бал у великой княгини Марии Николаевны <...> Личный состав бала был, смотря с точки обыкновенных придворных и светских собраний, довольно оригинален. Кроме собственно лиц танцующих, высших придворных чинов, членов Государственного Совета, статс-секретарей и т. п., между этими привычными гостями встречались, немножко как лица без образа, профессора Академии художеств, академики Академии наук и офицеры корпуса горных инженеров» [3, с. 333].

По инициативе герцога в 1851 г. впервые в России в Академии прошла «Художественная выставка редких вещей, принадлежащих частным лицам». На ней были продемонстрированы различные предметы искусства – от картин до декоративных принадлежностей не только из крупнейших столичных собраний Строгановых, Шуваловых, Лобановых-Ростовских, Мусиных-Пушкиных, но и из скромных частных коллекций петербуржцев. Она стала событием в культурной жизни и привлекла внимание к изучению феномена частных собраний [1, с. 91]. К сожалению, герцог Лейхтенбергский умер рано от чахотки в октябре 1852 г.

Великая княгиня Мария Николаевна становится преемником умершего супруга и приступает к обязанностям в качестве президента Императорской Академии художеств. Она занимается покровительством начинающих художников. Так, княжна обращалась к Николаю I, чтобы убедить его в необходимости отправить за границу поручика Великолуцкого пехотного полка Аркадия Никитина, в котором рассмотрела «особенные способности к художеству». А. Никитин был отправлен для обучения на 3 года с пансионерским содержанием из Государственного казначейства. Нередко княжна лично посещала занятия в Академии, давала оценки проводившихся уроков, выражала благодарность руководителям и учителям за качественное образование.

В 50-х годах XVIII в. наблюдается интерес к византийскому искусству как первоисточнику. В связи с этим внимание было обращено на иконопись, и в 1856 г. при президентстве Марии Николаевны был образован новый класс «православного иконописания». Для этого Государь приказал выделять из казны по 4 тыс. в год и приобретать учебники и подлинники византийского искусства.

Летом 1858 г. Мария Николаевна обратилась в Министерство Императорского двора с предложениями о преобразованиях в Академии художеств. Она обратила внимание на отсутствие общего (первоначального) образования, которое тормозило развитие художественных способностей, необходимость вступительного экзамена в Академию, систематизацию имеющихся произведений искусства и решение социальных вопросов, в частности предоставление жилья учащимся.

Началась разработка нового устава Академии под руководством Ивана Павловича Арапетова – чиновника и тайного советника, которого рекомендовала сама княгиня. Это выбор может быть обоснован тем, что И.П. Арапетов был знаком с деятельностью Императорской Академии художеств, входил в круг литераторов, тем самым его компетентность в искусствоведческих вопросах не вызывала вопросов. К тому же работа чиновником способствовала грамотному составлению и оформлению документов.

В конце 1858 г. на заседании комиссии под председательством В.Ф. Адлерберга (именно он возглавлял Министерство), а также при участии выдающихся деятелей искусства, таких как художник Ф.А. Бруни, архитектор К.А. Тон и др., обсуждались положения устава, и 1859 г. он был принят. Устав регламентировал возраст поступающих (16–20 лет) в Академию, вводил вступительный экзамен, изме-

нил организацию учебного процесса. Вводилась система получения степеней и званий – классовых художников, академиков, профессоров [4, с. 88].

Нововведения не обошли стороной управление и финансирование Академии. Власть была распределена между президентом, отвечавшим за учебную и художественную часть, и Министерством Императорского двора, которое ведало хозяйственной частью. Правление Академии теперь обязано было отчитываться перед Министерством за расходы.

Новый устав предполагал расширение курса преподавания общеобразовательных предметов, чтобы поднять уровень общего развития и образования среди русских художников и дать им возможность сравняться во всем с их иностранными мастерами [9, с. 45]. Вводилось бесплатное обучение на ряд предметов, в числе этих предметов история, русский язык, эстетика, перспективы археологии и др.

Устав Академии художеств 1859 г., не ставя целью создание начальной ступени художественного образования, нацеливал художественную общественность на открытие специальных художественных учебных заведений. Не случайно одновременно с разработкой нового устава Министерство обратило серьезное внимание на Рисовальную школу Общества поощрения художников в Петербурге, выделило средства для приобретения учебных пособий [4, с. 89].

Великая княгиня в 1861 г. организовала выставку редких художественных произведений из императорских дворцов и частных собраний, продолжив этим деятельность герцога Лейхтенбергского. Средства, полученные от продажи произведений выставки 1861 г., были направлены на строительство приюта для «недостаточных» учеников Академии художеств [9, с. 45]. Был издан «Указатель собранию картин и редких произведений художества, принадлежащих членам Императорского дома и частным лицам Петербурга» [1, с. 91]. Для приобщения многочисленной публики к искусству в Академии устраивались по пятницам рисовальные вечера.

Изменения в личной жизни вынудили Марию Николаевну уехать за границу. В 1862 г. великая княгиня обосновалась во Флоренции и активно приобретала произведения искусства для своей резиденции.

По словам Д.А. Милютин, она «совершенно выделялась из той среды, в которой родилась и выросла, страстная и своеобразная, натура её не могла подчиниться условному, стеснявшему, лишенному внутреннего содержания формализму дворцовой жизни и царской семьи. Живя за границей, она позволяла себе разные эксцентricности, держала себя как простая смертная, тон её речи, обращения были крайне развязаны и бесцеремонны, только профиль её напоминал, что она дочь императора Николая» [6, с. 20].

Умерла великая княгиня в Санкт-Петербурге в возрасте 56 лет.

Рождение в императорской семье предопределяло судьбу человека. Однако Мария Николаевна, при поддержке отца, захотела и смогла выстроить свою жизненную траекторию иначе. Она внесла существенный вклад в развитие художественного образования в дореволюционной России. Патриотизм и искусство были основными ценностями ее жизни.

Литература

1. Богдан В.-И. Т. Частные коллекции в музее Академии художеств. Живопись // Искусство Евразии. 2017. № 4(7). С. 87–97.
2. Гагерн Ф. Дневник путешествия по России в 1839 году // Лимонов Ю.А. Россия первой половины XIX века в глазах иностранцев. Л.: Лениздат, 1991.
3. Корф М.А. Записки. М.: Захаров, 2003.
4. Кривцова М.А. Устав Академии художеств 1859 года и художественное образование в российской провинции // Вестник ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 87–89.
5. Маркиз де-Кюстин. Николаевская Россия. М.: Терра, 1990.
6. Милютин Д.А. Дневник. 1876–1877. Т. 2. М., 1949.
7. Пчелов Е.В. Романовы. История великой династии. М.: Вече, сор., 2013.
8. Торжественные публичные собрания и отчеты Императорской Академии художеств (1817–1859) / сост., авт. вступ. и примеч. Н.С. Беляев. СПб.: БАН, 2015.
9. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. Т. 1. / под общ. ред. Кондакова С.Н. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914.

POLINA FISENKO

Volgograd State Socio-Pedagogical University

M.N. ROMANOVA: GREAT PRINCESS AND PRESIDENT OF IMPERIAL ART ACADEMY

The article deals with the personality of Maria Nikolaevna Romanova, the daughter of Nikolay I, and its influence on the development of the artistic education in the pre-revolutionary Russia. There is considered the memoir and the contribution of the princess in the development of the Imperial Art Academy.

Key words: *Maria Nikolaevna Romanova, Academy of Arts, charter of Art Academy, Art, artistic education.*

УДК 94(47).081

А.Ю. ФОКИН
(fokin1962@inbox.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В САРАТОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ В 50–60-Е ГОДЫ XIX В.
(по источникам личного происхождения)***

На основе источников личного происхождения анализируется крестьянское протестное движение в Российской империи в 50–60-е годы XIX в. по материалам Саратовской губернии. Раскрывается восприятие этого процесса различными социальными категориями населения в Саратовской губернии, а также государственное регулирование этой проблемы.

Ключевые слова: крестьяне, крестьянское движение, отмена крепостного права, Саратовская губерния, источники личного происхождения.

История крестьянского протестного движения в России – одна из наиболее интереснейших проблем в рамках изучения исторической науки. Исследователи неоднократно обращались к изучению крестьянского движения, в том числе и к формам его проявления. Именно этот вопрос был одним из самых разрабатываемых в советской историографии. Несмотря на многочисленные исследования, до сих пор нет исчерпывающих данных о формах крестьянских протестов в 50–60-е годы XIX в. по каждой отдельно взятой губернии Российской империи. Не исключение и Саратовская.

Для того чтобы понимать все аспекты процессов середины XIX в., необходимо рассматривать события через призму разнообразных групп источников, изучив каждую из них наиболее подробно. Именно источники личного происхождения: дневники, переписка, мемуары и т. д. – предоставляют исследователю прошлого содержательную информацию, которая зачастую скрыта в источниках официального характера (законодательные акты, делопроизводственная документация), где прослеживается в основном государственная политика в конкретной сфере жизни общества. Кроме того, источники личного происхождения передают восприятие процесса различными категориями населения – дворянством, чиновниками, представителями духовенства, крестьянами.

Почему же так важна работа с источниками личного происхождения? О.Н. Медушевская и И.Н. Данилевский отмечают характерную черту источников личного происхождения: «Они наиболее последовательно воплощают процесс самосознания личности и становление межличностных отношений» [2, с. 446]. Характеризуя уже конкретный вид источника личного происхождения, а именно мемуары, историк Н.Д. Чечулин еще в конце XIX в. отмечал познавательную ценность мемуаров. Он назвал их «драгоценнейшим материалом для изучения умственного и нравственного строя людей известного времени и общества», дающим «возможность понять отношение их к событиям их времени» [10, с. 10].

Источников личного происхождения, которые подробно раскрывают положение крестьянского сословия в Саратовской губернии, в том числе и характер протестного движения, немного. Прежде всего, это дневники и записки дворян и чиновников, которые требуют особого изучения.

Для начала остановимся на дворянском сословии. Необходимо отметить, что помещицы крестьяне по X ревизии 1858 г. составляли 1/3 часть от всех крестьян Саратовской губернии (342 351 душ или 32,5%) [5, с. 21].

Огромный интерес представляют документы Российского государственного исторического архива (РГИА). Особое внимание заслуживает оцифрованный фонд рода Васильчиковых (№ 651), который содержит большое количество записок, писем и воспоминаний, связанных с Саратовской губернией, что позволяет «восстановить» картину событий 50–60-х годов XIX в. с позиций саратовского дворянства.

Постепенно слух о возможной отмене крепостного права стал распространяться среди саратовских дворян еще в начале XIX в. Таким образом, периодически массовые крестьянские протесты то и дело воз-

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

никали в Саратовской губернии, о чем свидетельствуют ранее проведенные исследования [9, с. 125]. Именно поэтому к 1850-м годам одним из саратовских помещиков Степаном Коротковым был составлен проект «Об учреждении сословия обязанных крестьян в России», который содержал «размышления» об отмене крепостного права. После составления проекта С. Коротковым направил записку И. Васильчикову, в которой пояснял, что в Саратовской губернии есть причины, «способствующие опасному движению крестьян».

Интересным представляется цикл художественных произведений Александра Арсаньева о жизни своей родственницы Екатерины Алексеевны Арсаньевой – саратовской помещицы, родившейся в 1830 г. в Саратовской губернии и бывшей вдовой уже к 1857 г. Александр Арсаньев не просто описывает ее жизнь по собственным воспоминаниям, но активно использует личные рукописи Екатерины Алексеевны и все сохранившиеся официальные документы, связанные с ее именем. В его произведении «Убийство на дуэли» в одном из эпизодов, основанном на воспоминаниях Е.А. Арсаньевой, приводятся упоминания о событиях 1855 г., а конкретно – как раз о манифесте о созыве народного ополчения, известие о котором «в тот момент вызвало испуг среди саратовских дворян». Ведь крестьяне «начиная с 1855 г., т. е. с объявления манифеста о созыве народного ополчения, то и дело устраивали склоки и выступали против своих покровителей – помещиков. Все мы в те времена ужасно боялись “народных бунтов”. Кто же знал, что все это еще цветочки». Говоря так, Е.А. Арсаньев сравнивает события 1855–1861 гг. с послереформенным крестьянским движением, которое, по его мнению, было в разы сильнее. Необходимо сразу оговориться, что сам Е.А. Арсаньев был из небогатого дворянского рода и родился в 1854 г., не застав крепостное право в сознательном возрасте. Однако, по его мнению, которое основано во многом на воспоминаниях своей родственницы, крестьянская реформа 1861 г. переменяла все вековые российские устои, что, с одной стороны, было к лучшему, но с другой – «к тому времени Россия не созрела еще до того, чтобы освободить своих крестьян от помещичьей воли» [1, с. 9].

В автобиографическом романе «Быль» саратовского «старожила» Виктора Антоновича Шомпулева (1830–1913), где в качестве главного героя выступает сам автор, приводятся достоверные описания тех событий: «19 февраля 1861 г., положив конец крепостному праву помещиков, доставило много хлопот... к тому же, в отдалённом Кузьминском уезде начались и крестьянские беспорядки» [10, с. 43].

Настроение крестьян Саратовской губернии после отмены крепостного права можно рассмотреть, опираясь и на источники личного происхождения. Так, например, из письма помещицы Камышинского уезда Силкиной уездному предводителю дворянства, написанной в июле 1861 г., следует, что «крестьяне... имеют злодейские намерения в отношении меня» [4, с. 97]. Говоря о крестьянских волнениях, помещица отмечает, что «выступления крестьян... были стихийными, неорганизованными», однако отмечает, что «крестьяне сохранили веру в “доброе” царя и боролись лишь за улучшение своего экономического положения» [Там же]. Кроме того, Силкина отмечает факт убийства помещиков крестьянами Саратовской губернии, серьезно опасаясь за свою жизнь.

Анализ вышеуказанных документов позволил сделать вывод, помещики в большинстве своем не принимали изменения в пользу крестьян, особенно в губерниях, отдаленных от центра. В Саратовской губернии нередким явлением было запугивание неграмотных крестьян. Достаточно обратиться к воспоминаниям Константина Ивановича Попова – чиновника канцелярии саратовского губернатора. Так, в Саратовской губернии необходимо было произвести пересчет количества внесенных крестьянами податей, а также выяснить, сколько десятин в помещичьих владениях приходится на каждого крестьянина. Однако возникли серьезные трудности при общении с самими крестьянами: крестьян-старообрядцев за подписи обещали «обратить» в православную веру; государственных крестьян мужского пола перевести в удельное состояние. Однако переубедить крестьян мирным путем не всегда удавалось, поэтому подписание необходимых табелей зачастую проходило с помощью «военных» мер. Только в одном Хвалынском уезде на полный пересчет и подписание табелей ушло около полугода [6, с. 172–173]. Притом стоит учитывать, что это был не самый крупный уезд губернии.

Одной из форм, которую все чаще начинают использовать крестьяне становится простое бегство от своих помещиков. В работе историка Б.Ю. Тарасова приводятся воспоминания одного из чи-

новников Саратовской губернии, который повествует об одном из таких случаев. В одной из усадеб Саратовской губернии сбежало 14 крепостных, доведенные до отчаяния притеснениями своей госпожи. Они пытались пожаловаться в уездный суд, но «суд прочел им закон о повинности крестьян помещику, сделал с них же взыскание и передал в полную волю госпоже» [7, с. 237]. Необходимо здесь же пояснить в чем состояло данное «взыскание». Крестьян жестоко выпороли казенными розгами, некоторым остригли по полголовы и, как сообщают сами крестьяне в своем обращении на имя губернатора, «наругавшись, как им было угодно и как только вздумать могли, отослали к госпоже, кроме одного, которого посадили без всякой вины в рабочий дом, на неизвестный срок» [Там же, с. 238].

Однако не все крестьяне открыто проявляли недовольство, у многих еще осталась вера в «доброту царя». Известный славянофил Александр Иванович Кошелев, побывавший в 1860 г. в Тамбовской, Самарской и в Саратовской губерниях, в своем письме к князю Владимиру Александровичу Черкасскому пишет об «удрученности» крестьян своим тяжелым положением и о надежде на скорую отмену крепостного права, отмечая, что среди крестьян указанных выше трех губерний «один говор: лишь бы поскорее», не отмечая при этом фактов масштабных восстаний [3, с. 192–193].

Таким образом, комплексного исследования, раскрывающего географию, динамику, формы крестьянского протестного движения до сих пор не появилось, требуется дальнейшее изучение темы в региональном срезе. На основе источников личного происхождения сложно проследить и классифицировать формы крестьянского протеста, однако рассмотреть саму сущность протеста можно с точки зрения самих очевидцев событий.

Литература

1. Арсаньев А.В. Убийство на дуэли. М., 2017.
2. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М. [и др.] Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998.
3. Из писем А.И. Кошелева к кн. В.А. Черкасскому за май–сентябрь 1860 // Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи) / сост., общ. ред., вст. ст. и коммент. В.А. Федорова. М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1994. С. 192–193.
4. Из письма помещицы Камышинского уезда Силкиной уездному предводителю дворянства о настроении крестьян // Хрестоматия по истории родного края / сост. И.С. Шепелев, Б.С. Абалихин, Г.С. Каден [и др.]. Волгоград, 1970.
5. Крепостное население в России, по 10-й народной переписи // Федоров В.А. Падение крепостного права в России: Документы и материалы. Вып. 1: Социально-экономические предпосылки и подготовка крестьянской реформы. М.: Изд. Москов. университета, 1966. С. 20–21, 26–29.
6. Попов К.И. Записки о Саратове // Саратовский край: ист. очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов: Сарат. и-во вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. С. 155–236.
7. Тарасов Б.Ю. Россия крепостная. История народного рабства. М.: Вече, 2011.
8. Фокин А.Ю. Попытки решения крестьянского вопроса в первой половине XIX в. (на примере Саратовской губернии) // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». 2019. № 3(26). С. 124–127. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1559137103.pdf> (дата обращения: 30.11.2019).
9. Чечулин Н.Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. СПб., 1891. С. 10.
10. Шомпулев В.А. Записки старого помещика. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

ALEKSANDR FOKIN

Volgograd State Socio-Pedagogical University

PEASANTS PROTEST MOVEMENT IN SARATOV PROVINCE IN THE 50-60S OF THE XIXTH CENTURY (based on the sources of private origin)

The article deals with the analysis of the peasants' protest movement in the Russian Empire in the 50–60s of the XIXth century at the material of the Saratov province on the basis of the sources of private origin. There is revealed the perception of the process of the different social categories of people in the Saratov province and the state regulation of the problem.

Key words: *peasants, the peasants' movement, the abolition of serfage, Saratov province, sources of private origin.*

УДК 94(470+571)»17/1917

Н.С. ЦЫБКО

(natusiaczibko@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ПРОБЛЕМЫ МОНАШЕСТВУЮЩЕГО ЕПИСКОПАТА И МОНАСТЫРСКОЙ
РЕФОРМЫ: ВЗГЛЯД ПРАВОГО ДУХОВЕНСТВА
(по материалам «Саратовского духовного вестника»)***

Рассматриваются проблемы монастырской реформы начала XX в. на примере Саратовской епархии.

Отражен взгляд правого духовенства в их церковной периодической печати на эти проблемы.

*Приведены статистические данные о количестве монастырей и монашествующих
Саратовской губернии в начале XX в.*

*Ключевые слова: монастырская реформа, монашествующий епископат,
правое духовенство, Саратовская епархия, женские монастыри.*

Монастыри издавна на Руси играли роль религиозных и культурных центров. Они являлись центрами распространения грамотности, изготовления высокохудожественных предметов церковной утвари, в них хранились богатые библиотеки, сосредотачивалось летописание и иконописание. Историки отводят большую роль монастырям в деле колонизации окраин и стратегической функции монастырей. Кроме этого, монастыри выполняли функции миссионерства и христианизации, а также выступали местом отбывания наказания за преступления против веры [16].

В своей статье иеромонах Вениамин особо подчеркивали все те функции, которые выполнял монастырь и монахи с первых веков принятия Русью христианства. Во-первых, миссионерская функция, благодаря которой христианство распространилось по всей территории государства, даже в самых отдаленных ее уголках, что было обусловлено основанием монастырей. Во-вторых, монастыри являлись просветительскими центрами, при которых создавались первые библиотеки и школы. В-третьих, монахи были «руководителями, вождями» русского народа, помогая ему в тяжелые и смутные времена вновь обрести себя и не потерять веру. На страницах журнала так же подчеркивалась роль иноков в становлении российского государства как великой державы: «... кому мы во многом обязаны своим возвеличенным, могущественным первоклассным государством, как не мудрым педагогам и религиозным вождям народа – монахам?!» [4, с. 2–3]. Священники были убеждены, что и в начале XX в. монастыри продолжали играть важную роль в жизни общества и что именно они оставались «главным учителем и охранителем православного русского благочестия» [1, с. 4].

По мнению служителей церкви, именно монашество являлось твердым оплотом православия в борьбе с ересями. Служители церкви считали, что именно благодаря монахам наше государство на протяжении многих веков сохранялось как православное. Проведение бесед с простыми, порой безграмотными людьми, разъяснение им основ жизни, утверждение в их глазах гегемонии православия, как истинной веры, способствовали тому, что к монахам относились почтительно, их считали учителями истинной евангельской веры. Сами священнослужители называли монашество тем церковным институтом, который «доставлял самых могучих борцов за идеалы православия» [6, с. 2]. Назначение монашества виделось священнослужителям в напоминании о боге, жизни по богу и духовном родстве с ним [2].

В начале XX в. наметился конфликт монашествующим епископатом и белым духовенством. Серьезной проблемой на тот момент было уничтожение прерогатив епископской власти для монахов и возведение в этот сан белого духовенства или мирян. Как отмечают историки церкви, «ученое монашество», или по-другому «академическое монашество» не имело ничего общего с монашеством мона-

* Работа выполнена под руководством Савицкой О.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

тырским. Речь идет о «монахах» – выпускниках духовных академий, принимавших постриг с целью получить епископскую кафедру. Это были люди, руководствовавшиеся скорее личным честолюбием, жаждой власти и богатств, а не желанием совершить монашеский подвиг [5, с. 50]. При этом отмечалось, что ни один из церковных канонов не предписывал пострига как обязательного для поставления в епископы, а некоторые каноны, напротив, указывали даже на несовместимость епископского и монашеского служения. В епископы могли быть поставлены только монашествующие священнослужители, вдовы или давшие обет безбрачия. Как отмечает историк церкви Д.В. Поспеловский: «Традиция эта обрекала белое духовенство на то, чтобы всю жизнь оставаться в тени и подчинении у епископата, – у епископата, известная часть которого вызывала весьма серьезные сомнения, если говорить о нравственных качествах и подлинном благочестии» [10, с. 63]. Отмечалось, что уже в 1905 г. ряд богословов и священников выступили с более чем резкой по тем временам критикой монашества вообще и монашеского епископата в особенности, предвосхищая будущую антимонашескую позицию «Группы 32-х священников», образовавшуюся в том же году, когда впервые прозвучала программа этого радикально-реформаторского направления в церкви. Помимо всего прочего, их обращение содержало требование введения принципа брачности епископата. Монашеский епископат, по убеждению авторов обращения, противоречит не только церковным канонам, но и самому характеру монашеского служения – созерцанию, молчанию, послушанию, ибо епископ должен начальствовать, проповедовать и наставлять [Там же, с. 64].

Священниками-корреспондентами приводились аргументы в защиту прав монахов на занятие этой «должности». Они выражали свое неудовольствие во мнении о необходимости уничтожения прерогатив епископской власти и избрания епископа из среды белого духовенства или мирян. Хотя сами священники и признавали, что изначально нигде не было прописано о необходимости безбрачия епископа, они были убеждены, что церковь на протяжении многих веков «составила для себя идеал епископа с присущей ему чистотой – целомудрием» [6, с. 4], поэтому при выборе на должность епископа всегда отдавала свое предпочтение монашеству. По своей сущности монастырская жизнь предполагала уединенный образ жизни, отказ от земных удовольствий, наслаждений и соблазнов. Находясь вдали от цивилизации, монахи имели все условия для полного единения с богом, тщательного изучения Священного писания. Священник Добросердов Алексей в одной из своих статей отмечал, что, занимая столь высокий сан епископа, монахи были готовы к несению этого непростого бремени быть опорой всех и каждого, в мирное время наставлять людей на путь истинный, в периоды смуты и сомнений способствовать объединению народа под эгидой христианской веры. Для того, чтобы бороться за истинную веру, против страстей и похоти, необходимо быть выше земного мира. Монахи-епископы как раз таки и относились к таким людям. Стремясь к царствию небесному, они и не забывали об устройстве царства земного. Епископы пользовались уважением и среди простого народа, чьи проблемы решались именно посредством служителей культа, и среди князей и царей, считавших епископа своим приближенным и одним из главных советников во всех мирских, а порой и государственных делах.

«Острый системный кризис охватил в начале XX в. всех трех участников симфонического союза – государство, общество и Православную церковь» [13, с. 277]. Этот кризис не обошел стороной и монастыри. События начала XX в., освободительные движения, прогрессивные идеи и лозунги против самодержавия и многое другое не могли не отразиться на жизни Русской Православной церкви и монастырей, в частности. Монастырь, как обитель, издавна игравшая важнейшую роль в жизни русского общества, стал терять свое превосходство в глазах верующих. Современные, прогрессивно настроенные умы заявляли, что монашество отживает свое время, превращаясь в невежественных обывателей, неся в мир идеи мракобесия. Мирское общество требовало «низведения монашества на степень обычных, земных филантропических обществ» [6, с. 2]. Взаимоотношения интеллигенции и монахов показывали, сколь трудные времена переживало православие. Люди образованные в начале XX в. ста-

ли все чаще отмежевываться от церкви, объясняя это непринятием того, что монахи, с их узкой и мрачной моральностью и излишней ритуальностью, не соответствовавшей современному течению жизни и прогрессу в обществе, занимали главенствующие позиции в церкви. Отмечали священники и постоянные словесные нападки на монашествующих. Они ярко оспаривали на страницах журнала мнения о том, что монахи – ленивые эгоисты, жившие в монастырях и тратящих его несметные богатства [3].

Отдельного внимания заслуживают женские монастыри, которые появились одновременно с мужскими, но их количество вплоть до начала XIX в. было невелико. Начиная с XIX в., особенно во второй его половине, происходит рост численности женских монастырей, а главное, численность монашествующих женщин и особенно послушниц. Причинами стремительного роста числа монашествующих женщин можно назвать следующие: экономические и социально-политические условия в стране, политика правительства в отношении монастырей, аскетические настроения, стремление женщин к образованию и самостоятельности. По сравнению с мужскими монастырями, женские имели свои особенности. Так, в первые века своего существования они не стали центрами образования и книжности в той степени, в какой были мужские монастыри. Однако с середины XIX в. в женских монастырях появились первые школы, а к началу XX в. практически каждый монастырь имел школу или училище, широко развивалась благотворительная деятельность, организовывались больницы, медицинские курсы [8, с. 245–278]. Историки церкви отмечают, что поступление в монастырь давало женщине удовлетворение ее духовным исканиям, при этом не требовалась кардинальная перемена в ее образе жизни.

К 1914 г. в Российской империи насчитывалось 1025 монастырей и общин (550 мужских и 475 женских), а феминизация монашества зашла так далеко, что обитательниц женских монастырей и общин стало втрое больше, чем насельников мужских монастырей и пустынь [7, с. 161]. Этот факт подтверждают данные И.К. Смолича, который приводит следующие цифры на 1907 г. – в мужских монастырях насчитывалось 24144 насельника (включая послушников), а в женских – 65989 насельниц (включая послушниц) [14].

Необходимо отметить, что начало XX в. в Российской империи было временем бурного строительства монастырей, связанное с ростом населения страны, а также потребностями епархии и пониманием важности их назначения. «Отличительной чертой Саратовской епархии, существенно выделившей ее в 1905–1914 гг. из десятков ей подобных, стала программа широкого монастырского строительства, разработанная Саратовским епископом Гермогеном. Многочисленные обители были предназначены стать центрами возрождения религиозной жизни и миссионерской деятельности в округе, поэтому епископ Гермоген стремился к тому, чтобы каждый уездный город на территории епархии имел свой монастырь или подворье с архиерейскими покоями» [12, с. 38]. При нем было «основано или восстановлено 8 монастырей и подворий» [9, с. 134]. Он был противником уклонения монастырей от благотворительной деятельности и указывал на то, что они должны служить народу.

По данным Л.И. Денисова на 1908 г. в Саратовской епархии действовало 14 монастырей, из которых 3 – мужские, 11 – женские. Всего монашествующих насчитывалось 2327, из которых 65 были мужчинами и 2262 – женщинами [11]. Общее число уже открытых монастырей в Саратовской епархии с 1904 по 1909 гг. возросло с 12 до 15, из них женских было 11, мужских – 4 [12, с. 39]. Приведенные выше сведения подтверждают факт о феминизации монастырей к началу XX в. Рассмотрим более подробно монастыри саратовской епархии, имевшиеся на начало XX в.

Среди мужских выделялись: архиерейский дом в Саратове, Саратовский Спасо-Преображенский второклассный общежительный монастырь, Петровский Николаевский общежительный.

Среди женских выделяли: Саратовский Крестовоздвиженский второклассный общежительный, Краишевский Тихвинский нештатный общежительный, Таловский Благовещенский общежительный, Балашовский Покровский общежительный, Вольский Владимирский нештатный общежительный, Грязнухинский Свято-Троицкий нештатный общежительный, Гусевский Ахтырский нештатный общежительный, Свято-Троицкий нештатный общежительный, Вознесенский нештатный общежительный,

Белогорский Троицкий общежительный, Дубовский Вознесенский нештатный общежительный. Помимо названных монастырей, при Гермогене было открыто еще 2 мужских монастыря, о которых упоминалось в справочной книге Саратовской епархии [15, с. 754–760]. Это – Свято-Троицкий Хвалынский, учрежденный в 1908 г., и Царицынский Свято-Духовский, устроенный в 1910 г.

Однако «в обстановке нарастающего кризиса монархического государства и самой Православной Церкви монастыри Саратовской епархии, в противоположность возложенным на них высоким задачам, не смогли оказать заметного влияния на общественно-политическую и религиозную жизнь губернии» [12, с. 39].

Литература

1. Антоний, архиепископ. Нравственность черного и белого духовенства // Саратовский духовный вестник. 1908. № 33. С. 4–5.
2. Благовидов А., священник. Церковь и интеллигенция // Саратовский духовный вестник. 1910. № 24–25. С. 6–8.
3. В.М., священник. В защиту православного иночества // Саратовский духовный вестник. 1907. № 14–15. С. 4–5; № 16. С. 4–6; № 17–18. С. 6–8; № 19. С. 7–8.
4. Вениамин, иеродьякон. В защиту русского иночества // Саратовский духовный вестник. 1906. № 5. С. 2–3.
5. Головушкин Д.А. Обновленческое движение в Русской православной церкви в 1905–1925 гг.: дис. ... канд. истор. наук. Ярославль, 2002.
6. Добросердов Алексей, священник. Брак, безбрачие и монашество епископов // Саратовский духовный вестник. 1908. № 22. С. 2–4; № 23. С. 2–6; № 24. С. 2–5; № 25. С. 3–4; № 26. С. 2–4; № 27. С. 2–4; № 28. С. 2–4; № 29. С. 5–8.
7. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Вербум-М, 2002.
8. Монашество и монастыри в России. XI–XX века: исторические очерки / отв. ред. Н.В. Синецкина. М.: Наука, 2005.
9. Мраморнов А.И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов: Науч. кн., 2006.
10. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.
11. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государств) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин / сост. Л.И. Денисов. М.: издание А.Д. Ступина, 1908.
12. Савицкая О.Н. Православное духовенство в правомонархическом движении 1905–1914 гг. По материалам Саратовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001.
13. Савицкая О.Н. Учащиеся духовных учебных заведений Саратовской губернии в революционном движении // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2015. № 5(100). С. 277–279.
14. Смолич И.К. Русское монашество. 988–1917. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1999.
15. Справочная книга Саратовской епархии. Составлена по распоряжению Преосвященного Алексия, епископа Саратовского и Царицынского. Саратов: Типография Союза Печатного Дела, 1912.
16. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М.: Рус. панорама, 2003.

NATALIA TSYBKO

Volgograd State Socio-Pedagogical University

ISSUES OF MONASTIC EPISCOPATE AND MONASTIC REFORMS: THE VIEW OF THE RIGHT CLERGY (on the basis of “Saratov religious reporter”)

The article deals with the issues of the monastic reform at the beginning of the XXth century at the example of the Saratov episcopacy. There is reflected the view of the right clergy in their church periodical press towards these issues. There is given the statistics about the quantity of monasteries and monastics in the Saratov province at the beginning of the XXth century.

Key words: monastic reform, monastic episcopate, right clergy, Saratov episcopacy, convents.